

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

205

СЛАВЯНО-РУССКИЕ
ДРЕВНОСТИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

205

СЛАВЯНО-РУССКИЕ
ДРЕВНОСТИ

МОСКВА "НАУКА", 1991

ББК 63.4
С 47

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), В. И. Гуляев, Н. Н. Гурина, А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора), Ю. А. Краснов, В. В. Кропоткин, И. Т. Кругликова (ответственный редактор), В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, В. В. Седов (зам. ответственного редактора), Д. Б. Шелов

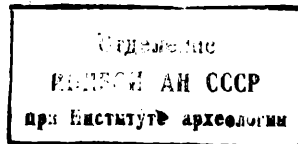
Рецензенты:

кандидаты исторических наук Н. А. Кренке, М. Д. Полубояринова

С 47 Славяно-русские древности. - М.: Наука, 1991. - 133 с., ил. - (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 205).
ISBN 5-02-010020-X

В выпуске публикуются результаты раскопок древнерусских городов, могильников, памятников архитектуры и др. Исследуются новые материалы по славяно-русской археологии. Рассматриваются вопросы истории этногенеза, идеологические представления древних славян.

Для археологов, историков, этнографов.

р.у.

С 0504000000-284 96-91-II пол.
042(02)-91

ББК 63.4

ISBN 5-02-010020-X

© Издательство «Наука», 1991

СТАТЬИ

Е. А. Рябинин

ХАРАКТЕР МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ НА СЕВЕРЕ РУСИ
(Современное состояние проблемы)

В процессе расселения славян на севере Восточной Европы развернулся процесс их взаимодействия с финно-угорскими племенами, определивший значительное изменение этнокультурной ситуации в обширной зоне славяно-чудских контактов. Полностью исчезли с исторической арены, войдя в состав формирующейся древнерусской, а частично и средневековой русской народности, летописные «иные языци» меря, мурома и мещера в Волго-Окском междуречье, чужь заволочская в Северодвинском бассейне. Ассимиляции подверглись основные подразделения веси, заселявшей Ладожско-Онежское межозерье, и значительные группы води и ижоры на северо-западе Новгородской земли.

Вопрос о взаимодействии «руси и чуди», о том, «как они встретились и как одна сторона подействовала на другую»¹, являлся традиционным в отечественной дореволюционной историографии и работах 1920-1930-х годов. Однако длительное время он решался в основном на использовании скудных письменных известий с частичным и довольно слабым привлечением данных лингвистики, этнографии и антропологии. Качественно новые возможности для реконструкции межэтнических процессов появились с накоплением фонда археологических источников. Особенно активизировалось археологическое изучение этой проблемы в последние десятилетия. Для исследований нового этапа в целом характерен региональный подход к теме, основанный на детальном анализе древностей определенного племенного образования или даже его локального подразделения.

Региональные разработки со всей очевидностью показали сложность и неоднозначность славяно-финно-угорских контактов, характер, динамика и особенности которых определялись конкретными историческими условиями. Вместе с тем это не исключает возможности выделения сходных черт в этнокультурных процессах, протекавших на различных территориях Восточноевропейского Севера. Данная работа посвящена современному состоянию проблемы славяно-чудского взаимодействия в обширной зоне Северной Руси, охватывающей земли между Ладожским и Онежским озерами.

В Ладожско-Онежском межозерье выделяются три крупных региона с присущей каждому из них спецификой исторических процессов: Юго-Восточное Приладожье (бассейны рек Ояти, Сяси, Паши и их притоков), Юго-Западное Белозерье (бассейны рек Суды, Колпи, Чагодощи) и Восточное Прионежье (территория, прилегающая к Онежскому озеру и охватывающая бассейны трех крупных озер: Белого, Лача и Воже). Летописные известия, локализующие «на Белеозере»² весь, ясно указывают на племенной «паспорт» населения этого региона, относящегося к белозерско-шекснинскому подразделению веси. Исторические, археологические и лингвистические данные достаточно убедительно подтверждают принадлежность к тому же финноязычному

образованию группировки, занимавшей бассейн р. Суды в Юго-Западном Белозерье. Менее определена племенная атрибуция дорусских обитателей Приладожья, лишь на определенном и относительно позднем этапе сконсолидировавшихся в этническое единство³. Все же, несмотря на существующие различия в оценке последних, вряд ли может вызывать сомнение их родственная связь с более восточными подразделениями летописной веси.

Начало контактов приладожского населения с продвигавшимися на север славянами восходит еще к догосударственному периоду. Особая роль в осуществлении этих связей принадлежала Ладоге - крупнейшему торгово-ремесленному центру, возникшему в середине VIII в. в Нижнем Поволховье на северном отрезке Великого Волжского пути⁴. На пограничье с зоной плотного чудского расселения - в низовьях Волхова и на р. Сяси - в то время появляются древнейшие славянские погребальные памятники - новгородские сопки. С рубежа IX-X вв. фиксируется проникновение в западную часть Юго-Восточного Приладожья поселенцев скандинавского происхождения, выступавших в качестве посредников в меховой торговле Ладоги с аборигенами. От носителей культуры сопок и оседавших в регионе норманнов местными финнами, очевидно, был воспринят новый для них курганный обряд, определивший появление яркой и своеобразной «приладожской курганной культуры» X - начала XIII в.; наличие в предшествующий период у части дорусского населения особых погребальных сооружений - дерево-земляных «домов мертвых» - облегчало синтез старых и новых элементов обряда⁵.

Втягивание приладожских коллективов в систему социально-экономических связей с Ладогой не сопровождалось славянской земледельческой колонизацией. Однако исторические судьбы местного населения, в течение ряда столетий продолжавшего сохранять этническую самобытность и, по-видимому, лишь в незначительной степени подвергавшегося физической ассимиляции, складывались под определяющим воздействием различных древнерусских факторов. В этом отношении особый интерес представляют разработки В. А. Назаренко о характере изменений в экономике и общественном быте аборигенов на стадии их перехода от былой племенной обособленности к включению в широкие общерусские процессы. Хотя древности, документирующие уровень развития финно-угорских обитателей Приладожья в предкурганный период, остаются пока неизученными, их ретроспективная оценка автором выглядит внутренне непротиворечивой и достаточно четко согласуется с историко-культурной интерпретацией археологических материалов X-XIII вв.

Включение приладожских коллективов в сферу ладожской торговли сказалось прежде всего на перераспределении их хозяйственной деятельности, в которой наряду с традиционными подсечным земледелием и скотоводством важнейшую роль начинает играть пушной промысел. Развитие отношений, основанных на частной собственности (в первую очередь на продукт охоты), стимулировало рост имущественных различий, разложение патриархально-родовых отношений и постепенный переход к новой форме общественно-хозяйственной организации людей - малым парным семьям. Этот период соответствует заключительной стадии родоплеменного быта - эпохе демократии. Под воздействием новых социально-экономических факторов усиливается интеграция ранее разобщенных родовых групп, определяющая начало их консолидации в средневековую народность.

Наиболее яркое выражение местные этнические традиции нашли в погребальной обрядности. Формирование материальной культуры населения, оторванного от источников поступления цветных металлов (до включения в систему внешних связей) определялось в значительной степени скрещиванием разнородных по происхождению элементов.

Инвентарь приладожских курганов включает вещи прибалтийско-скандинавских, волжско-финских и пермских типов. Уже в X в. в регион начинает поступать древнерусская гончарная посуда, бытующая наряду с местной финской. К тому же времени относятся ранние образцы железных изделий, по технологии изготовления аналогичные ремесленной продукции городских центров Северо-Западной Руси. Определенная часть высококачественных кузнечных изделий, несомненно, являлась привозной, однако ряд данных свидетельствует об освоении древнерусских технологических схем чудскими мастерами¹⁰. Некоторые импортные образцы ювелирных украшений также подвергаются местной переработке, приобретая в Приладожье «вторую жизнь». В конце X-XI в. здесь создаются и региональные формы финно-угорских древностей, отражающие традиции складывающейся этносоциальной общности. Обращают на себя внимание стандартность и серийность некоторых локальных элементов чудского этнографического убора, по своему исполнению сближающихся с продукцией городских ремесленников. Однако основная масса таких этнически выразительных украшений все же изготовлялась достаточно квалифицированными местными ювелирами.

Формирование средневековой чудской народности во второй половине XII - начале XIII в. было прервано изменившейся исторической ситуацией, вызванной включением Юго-Восточного Приладожья в состав Новгородской земли¹¹ и ликвидацией автономного положения его населения в политической системе Древнерусского государства. В XIII в. выходит из употребления и обряд захоронения под искусственными насыпями.

На заключительном этапе существования приладожской курганной культуры фиксируется значительное усиление славянских материальных элементов и черт древнерусской погребальной обрядности, сочетающихся, однако, в большинстве комплексов с традициями субстратного происхождения. Механизм такого синтеза еще слабо поддается расшифровке. На наш взгляд, основная часть курганного ареала даже на конечной стадии функционирования могильников оставалась вне зоны широкой земледельческой колонизации. Все средневековые кладбища XII - XIII вв., приводимые исследователями в качестве бесспорного доказательства продвижения древнерусских коллективов в рассматриваемый регион, локализованы по его южной периферии (Мозолево, Дрегли, Красная Заря)¹². Более вероятно, что в глубинные земли Приладожья шел приток не крупных славянских групп, а имела место постепенная, затянувшаяся на столетия инфильтрация новопоселенцев¹³. Нередкое оседание последних в чудских деревнях способствовало созданию двухэтничных селений, в которых наиболее активно происходил синтез славянских и финских традиций, сочетавшийся с начальным распространением элементов христианства. Усилившимся влиянием христианской обрядности и объясняется, по-видимому, завершившийся в XIII в. переход к бескурганному обряду захоронения.

Позднее к югу от р. Капши и ее притока получают широкое распространение грунтовые кладбища - «жальники», часть которых, судя по рекогносцировочным раскопкам А. И. Колмогорова, действительно сходна с новгородскими могильниками жальничного типа¹⁴. Их появление связано с массовым земледельческим освоением юго-восточной части Приладожья, развернувшимся уже в послекурганную эпоху. Предположительно в то время и завершилась ассимиляция южных групп местных финнов. Обращает на себя внимание концентрация в верхнем течении Сяси и в междуречье Тихвинки, Чагоды и Лиди значительного числа деревень с этнонимической «чудской» основой (типа Чудская, Чудца, Чудской Конец). Очевидно, даже в зоне наиболее раннего и активного славянского освоения некоторое время еще продолжали

сохраняться островки самобытного местного населения (известно, что сами термины «чудь», «чудья» применялись по отношению к иноязычным коллективам, проживавшим по соседству с русскими).

Современные русские говоры Приладожья относятся к единой ладого-тихвинской группе северного наречия¹⁵, которая подразделяется на две территориальные зоны. Граница между ними проходит южнее р. Капши около г. Тихвина. Тихвинский ареал говоров, охватывающий район массовой славянской колонизации на юго-востоке Приладожья, не содержит заметных субстратных особенностей, подтверждая тем самым относительно раннюю ассимиляцию местной чуди. Иной характер имеют говоры к северу от р. Капши, особенно по течению Ояты. Наличие в них отчетливых следов практического билингвизма указывает на то, что русское население этой части Приладожья - «итог скрещения двух этнолингвистических групп, первой - собственно восточнославянской (resp. новгородской) и второй - прибалтийско-финской (resp. вепской), перешедшей в своей части постепенно в течение веков на русскую речь»¹⁶. Если окончательное обрусение южных групп чуди могло завершиться в эпоху распространения жальников, то сосуществование разноразличных этносов в бассейне р. Ояты и сопредельных районах Приладожья носило, очевидно, значительно более длительный характер.

Свои особенности имел процесс славяно-финского взаимодействия в Юго-Западном Белозерье¹⁷. В ходе последних исследований здесь выявлен компактный массив вепского населения на р. Суде, древнейшие памятники которого относятся к середине I тысячелетия н. э. На южном пограничье с чудской группировкой в бассейне р. Чагодоши с VI-VII вв. фиксируется распространение насыпей культуры длинных курганов, сюда же в конце I тысячелетия н. э. проникают носители культуры сопок. Сложившееся в результате метисации верхневолжских кривичей и новгородских словен, древнерусское население X-XIII вв. переходит к обряду погребения в полусферических курганах и жальниках. В X-XI вв. древнерусские памятники появляются на р. Колпь, в течение четырех-пяти столетий служившей пограничной зоной между славянами и судской весью. Под влиянием внешних импульсов финноязычные обитатели р. Суды, практиковавшие ранее захоронения в грунтовых могильниках и дерево-земляных «домах мертвых», начинают сооружать курганы.

Последующая история местного населения близко напоминает судьбу приладожской чуди. В начале II тысячелетия н. э. здесь формируется смешанная славяно-финская культура, связанная прежде всего с дорусским этническим массивом. Первое проникновение славян в бассейн р. Суды относится, по наблюдениям А. Н. Башенькина, ко времени не ранее конца XI в. Медленная и постепенная инфильтрация древнерусских поселенцев определила длительное сохранение здесь вепских коллективов, археологически прослеживаемых вплоть до исчезновения курганного обряда в середине XIII в.

О затыжном характере славяно-финского взаимодействия свидетельствует и лексика письменных источников XIV-XVI вв. Судя по составленным лингвокартам, славянские поселенцы в первых веках II тысячелетия н. э. плотно освоили только нижнее течение Суды. «Выше по течению, в районе впадения Андоги, колонизационные волны разбивались о какой-то барьер, который тянулся по левобережью данной реки до Андозера»¹⁸. Этим барьером служила относительно высокая плотность дорусского населения, сохранявшего свою этническую самобытность. Результатом длительного симбиоза веси со славянами явился билингвизм населения Судского стана, фиксируемый источниками XVI в.; еще в середине прошлого столетия в бассейне Суды сохранялись селения полуобрусевших финнов, владевших «чудским» языком¹⁹. Растворение местного субстрата в данном регионе происходило преимущественно в период сложения великорусской народности.

К югу от Свири и Онежского озера, в верхнем течении Ояти, по верховьям Паши и Капши, в верхнем течении Суды, а также в низовьях Ошты, Мегры и, вероятно, Андоги и располагалась зона, не затронутая значительным славянским воздействием. Именно здесь сложились условия для формирования современной вепской народности - сколка древнего прибалтийско-финского массива Ладожско-Онежского межозерья²⁰. Важнейшим из таких условий являлась своеобразная этнокультурная ситуация, сложившаяся в средневековую эпоху на пограничье с областью расселения предков вепсов и характеризующаяся чрезвычайно длительным сосуществованием славян и финнов.

Наибольшие сложности представляет реконструкция механизма славяно-чудского взаимодействия в ареале летописной (белозерско-шекснинской) веси. В этом регионе почти не представлены сельские курганные кладбища. Основным источником для изучения межэтнических контактов служат культурные отложения раннего Белозерья и других единично исследованных поселений, а также материалы грунтовых кладбищ, получивших распространение в Юго-Восточном Прионежье лишь с XI в.

Скупые летописные известия о веси содержатся только при описании начальных событий русской истории (последнее упоминание под 882 г.)²¹. По историческим данным, первоначально Белозерский край находился в сфере новгородского влияния, а в начале XI в. вошел в состав Ростовской земли²².

Древнейшие исследованные памятники веси относятся к X в. Интересная информация об этом раннем периоде получена при раскопках ремесленного поселка Крутик на р. Шексне²³. Его материалы свидетельствуют о том, что весь в конце I тысячелетия н.э. была втянута в систему международных торговых связей, осуществлявшихся по Великому Волжскому пути. Это стимулировало хозяйственную ориентацию аборигенов на добычу пушнины и определило приток в местную среду восточного и прибалтийско-скандинавского импорта. Для жизнедеятельности населения большую роль играли скотоводство и рыболовство; земледелие, по-видимому, получило заметное распространение лишь в последующее время²⁴. В культурных отложениях пос. Крутик, датированных началом - третьей четвертью X в.²⁵, следов славянского присутствия не обнаружено.

К середине или второй половине X в. относится возникновение древнего Белоозера²⁶. Первоначально это был крупный финский поселок, ремесленная и торговая деятельность которого в значительной степени определялась близостью к Волжскому пути. Некоторые элементы славянского происхождения отмечены уже в нижнем горизонте второй половины X-XI вв., однако «ведущее этническое и культурное влияние славян на население древнего Белоозера начинает ощущаться в XI в.»²⁷ Процесс становления поселения в городской центр имел длительный характер и продолжался до середины XII в.²⁸

Приведенные данные свидетельствуют о том, что до рубежа I-II тысячелетий н.э. летописная весь практически оставалась не затронутой славянским влиянием. Противоречия между археологическими и письменными источниками не существует: летописные известия фиксируют установившиеся с IX в. политические, а не этнические отношения племени с Русью, отмечая его «данническое» положение («а се суть инии язъци, иже дань дают Руси»).

Значительные изменения в исторической ситуации происходят в конце X-XI вв. В то время резко увеличивается число поселений, происходит освоение водных путей и волоков, связывавших Белое озеро с Онежской и Северодвинской речными системами, активно функционирует Шекснинский путь, соединявший Белозерский край с Ростово-Суздальской землей²⁹. К XI в. относится функционирование единичных для данного

региона курганных групп в низовьях р.Кемы и в Белозерье; последние фиксируют дальнейший выплеск носителей этой погребальной традиции, имевших, по-видимому, северо-западное происхождение.

Древнерусская колонизация региона осуществлялась из Новгородской и Ростово-Суздальской земель. На это указывают как данные лексики, так и археологические материалы, полученные при изучении грунтовых могильников и обследовании рядовых селищ. Правда, определение новгородского и «низовского» компонентов в памятниках Восточного Прионежья базируется в основном не на привлечении собственно славянских древностей, а на выделении субстратных прибалтийско-финских и волжско-финских элементов. По наблюдениям Н. А. Макарова, в конце X - начале XII в. освоение Белозерья осуществлялось новгородцами, позднее - в XII-XIII вв. - здесь возобладали верхневолжская колонизационная струя³⁰. Наличие значительного чудского субстрата в потоках древнерусских переселенцев подразумевает доминирующее участие в них выходцев из окраинных славяно-финских районов Новгородчины и Ростово-Суздальской земли.

Особый интерес представляет вопрос о причинах распространения в Восточном Прионежье бескурганых сельских могильников с труположениями XI-XIII вв. По имеющимся данным, в середине - второй половине I тысячелетия н.э. у белозерско-шекнинской веси практиковался обряд, при котором остатки кремации помещались на поверхности земли или ссыпались в неглубокие ямки³¹. Известно, что в эпоху функционирования грунтовых кладбищ Белозерья во многих областях Руси произошла смена обряда кремации на обряд ингумации. При синстадиальности этого явления вполне закономерна эволюция местного обряда от поверхностных (или близких к поверхностным) трупосождений к захоронениям несожженных трупов в могильных ямах. Последние, таким образом, могут отражать изменения, протекавшие в рамках традиционной погребальной обрядности веси.

Выясняется, однако, что древнерусское освоение Белозерья также осуществлялось коллективами, практиковавшими захоронения в бескурганых могильниках. Этот факт пока не поддается в полной мере расшифровке. Одно из возможных объяснений заключается в том, что в XI в. грунтовый обряд получил известное распространение в древнерусской метрополии и вследствие этого был приемлем и для славянских переселенцев, оседавших в Восточном Прионежье³². Независимо от окончательной оценки истоков этой погребальной традиции важно общее определение бескурганного обряда как новообразования, возникшего в результате синтеза местной финно-угорской и древнерусской обрядности и отражавшего древнюю традицию уже в трансформированном виде³³.

Действительно, и в ритуале, и в инвентаре захоронений наблюдается сложное переплетение местных и древнерусских элементов, затрудняющее этническую атрибуцию комплексов. Глубокие изменения затронули не только материальную культуру веси, относительно легко поддающуюся внешним влияниям, но и наиболее консервативную сферу погребальной обрядности, отражающую пласт племенных идеологических представлений. Это свидетельствует о коренной ломке традиционного уклада белозерско-шекнинской чудской группировки.

Близкой параллелью наблюдаемым процессам служат явления, прослеживаемые в области мерянского расселения³⁴. Мера, также находившаяся со второй половины IX в. в политической зависимости от Руси, вплоть до середины следующего столетия оставалась в стороне от сколько-нибудь прочных этнических связей со славянами. В отличие от Белозерского края ее территория значительно раньше начала осваиваться новопоселенцами. Поэтому начало аккультурации

центральной группы мери относится еще ко второй половине X - началу XI в. Вместе с тем последняя до начала II тысячелетия н.э. представляла собой этносоциальное единство, т.е. сохраняла традиционную племенную структуру, социально-экономическую самостоятельность и собственные верования, а в конечном итоге этническое самосознание. Разрушение мерянской общности относится ко времени Ярослава Мудрого, подавившего в 1024 г. волнения в Суздале, и по сообщению IV Новгородской летописи, «устави ту землю». Важно отметить, что это «уставление», юридически оформлявшее новое положение, сложившееся к началу XI в., распространялось и на Белоозеро, вошедшее к тому времени в Ростовскую землю.

Как уже говорилось выше, судьба летописной веси близко напоминала историю ростовской мери. Белозерско-шекснинская группировка, сохранявшая до конца X в. различные отношения с Русью и представлявшая собой особую этносоциальную общность, на рубеже тысячелетий подвергается частичной аккультурации, а в начале XI в. также теряет племенную и социально-экономическую самостоятельность. Показательно, что в рассказе о движении волжков в Ростовской обл. и Белоозерье, помещенном в летописи под 1071 г., фиксируется уже использование областного термина «белозерцы»³⁵.

Разрушение племенной структуры отнюдь не исключает существование самого этноса (в центральных районах расселения мери ее ассимиляция завершилась лишь в начале XII в.). Однако новые факторы определили переход к интенсивному смешению веси со славянами, их культурной и физической метисации. Свидетельством этого и являются археологические памятники XI- XIII вв. На протяжении указанного периода происходило постепенное сближение местной культуры с древнерусской и превращение ее в один из локальных вариантов последней, в результате чего сформировалась этнографическая группа средневекового русского населения - белозерцы³⁶. Следы бывшего проживания здесь чудской группировки сохранились в топонимике, лексике и этнографическом материале Белозерского края.

При сопоставлении региональных подразделений Ладожско-Онежского межозерья отчетливо выявляется разнообразный характер процессов, протекавших в зоне славяно-финских контактов. Динамика, продолжительность и результативность этнического взаимодействия определялись общей исторической ситуацией, социально-экономическими, демографическими и иными факторами. Наряду с явлениями частного порядка достаточно отчетливо прослеживаются и общие закономерности, применимые для реконструкции сходных процессов в других областях Северной Руси.

¹Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 13, 18.

²Ключевский В.О. Соч. В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 297.

³О современном состоянии проблемы см.: Кочкуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X-XIII вв. Л., 1973. С. 62-67; Назаренко В.А. Об этнической принадлежности приладожских курганов // финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 152-156; и др.

- ⁴Курличников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев, 1979. С.101-106; Назаренко В.А. Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь ... С.104-115; Кочкуркина С.У., Линеvский А.М. Курганы летописной веси X - начала XIII в. Петрозаводск, 1985. С.175-179.
- ⁵Назаренко В.А. Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С.142-147.
- ⁶Назаренко В.А. Об уровне социально-экономического развития населения Юго-Восточного Приладожья IX-X вв. // Fenno-ugri et Slavi. 1978. Helsinki, 1980. P.261-275.
- ⁷Примерно та же модель этносоциальных процессов реконструируется в X - начале XI в. у муромы, заселявшей нижнее течение Оки.
- ⁸Спиридонов А.М. Керамический материал из оятских курганов: (По материалам раскопок А.М. Линеvского) // Кочкуркина С.У., Линеvский А.М. Курганы ... С.200-203.
- ⁹Хомутова Л.С. Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья // Там же. С.207-213.
- ¹⁰Кочкуркина С.У. Линеvский А.М. Курганы ... С.178.
- ¹¹Назаренко В.А. Погребальная обрядность Приладожской чуди: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С.17.
- ¹²Кочкуркина С.У. Юго-Восточное Приладожье ... С.71, 72.
- ¹³По подсчетам С.И. Кочкуркиной, славянскую принадлежность имеют 98 приладожских погребений (24,8 % этнически определенных комплексов). См.: Кочкуркина С.У. Юго-Восточное Приладожье ... С.95-97. Табл. VII, IX-XIII. Как выясняется, свыше половины таких захоронений выявлено при исследовании древнерусских кладбищ у селений Дрегли, Мозолево и Красная Заря. Остальные комплексы составляют лишь 8,2 % поддающихся диагностике погребений. При всех возможных корректировках этих показателей они явно свидетельствуют о небольшом <удельном весе> славянского компонента в населении Приладожья курганной эпохи.
- ¹⁴Колмогоров А.У. Тихвинские курганы // Тр. XV АС. М., 1914. Т.1. С.431-434; Релников В.У. Жальники Новгородской земли // Изв. ГАИМК. Л., 1931. Т.9. Вып.5.
- ¹⁵Герд А.С. Русские говоры в бассейне реки Оять // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С.188-194.
- ¹⁶Там же. С.193.
- ¹⁷Башенькин А.Н. Юго-Западное Белозерье во второй половине I - начале II тысячелетия н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
- ¹⁸Чайкина Д.У. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С.141.
- ¹⁹Там же. С.142-147.
- ²⁰Пименов В.В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.;Л., 1965.
- ²¹Повесть временных лет ... С.20.

- ²²Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 83, 178, 179; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 59.
- ²³Голубева Л.А. Весь, скандинавы и славяне в X-XI вв. // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 136-137.
- ²⁴Макаров Н.А. Население Восточного Прионежья в X-XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 9, 10.
- ²⁵Макаров Н.А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X-XIII вв. // СА. 1986. N 3. С. 67.
- ²⁶Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере, X-XIII вв. М., 1973. С. 65 и сл. Начальная дата приведена согласно исследованиям Н.А. Макарова. См.: Макаров Н.А. Археологические данные ... С. 67.
- ²⁷Голубева Л.А. Весь и славяне ... С. 83.
- ²⁸Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. М., 1985 С. 89.
- ²⁹Макаров Н.А. Население Восточного Прионежья ... С. 9, 10.
- ³⁰Там же. С. 22.
- ³¹Макаров Н.А. О некоторых комплексах середины - третьей четверти I тысячелетия н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 29, 30.
- ³²Макаров Н.А. Население Восточного Прионежья ... С. 19.
- ³³Там же. С. 19, 20.
- ³⁴Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери: (Постановка вопроса) // СА. 1980. N 2. С. 67-79.
- ³⁵Повесть временных лет ... С. 117-119.
- ³⁶Макаров Н.А. Население Восточного Прионежья ... С. 21, 22.

Н. А Макаров

К ОЦЕНКЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДЕРЕВНИ В XI-XIII ВВ.
(Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья
и Каргополья)

Погребения с крестами-тельниками и подвесками-образками вот уже более столетия привлекают внимание археологов-славистов, пытающихся определить позиции христианства и язычества в древнерусской деревне. Парадоксальное, на первый взгляд, сочетание христианских и языческих черт порождает возможность различных, иногда взаимоисключающих интерпретаций этих комплексов.

А.С. Уваров, впервые исследовавший представительную серию погребений с крестами-тельниками во владимирских курганах, сделал заключение об их языческой принадлежности. Аргументы ученого сводились к следующему. Во-первых, кресты и образки встречаются в погребениях, содержащих многочисленные украшения, бытовые вещи и оружие, в одном случае крест найден в трупосожжении, т. е. обряд всех

этих погребений языческих. Во-вторых, кресты носили в ожерельях вместе с бусами и подвесками, явно не имевшими культового значения. В-третьих, с течением времени, по мере нарастания христианизации, не происходит ожидаемого увеличения числа погребений с крестами и образками. Но, пожалуй, наиболее важным был довод, что в средневековье с его жесткой религиозной нетерпимостью христиане и язычники не могли погребаться на одном кладбище. Считая курганный обряд языческим, А. С. Уваров считал языческими все подкурганые погребения, в том числе содержащие кресты и образки. По мнению исследователя, «... столкновение в одной гробнице предметов христианских с погребальным обрядом языческим может объясняться лишь тем, что предметы эти не имели настоящего своего значения для лиц, которым они принадлежали...».

Точка зрения А. С. Уварова была принята большинством дореволюционных исследователей, а также разделялась многими советскими археологами. Сделанные им наблюдения о находках крестов-нательников в комплексах с бытовыми вещами и о ношении их в составе ожерелий долгое время служили основным аргументом в пользу языческой атрибуции погребений с крестами и образками в древнерусских курганах². Однако уже в конце XIX в. отдельные исследователи признавали возможность несколько иной интерпретации фактов, отмеченных А. С. Уваровым. Интересны некоторые соображения Д. Н. Анучина, подробно проанализировавшего находки крестов и образков в костромских курганах. Он отметил, что кресты в них встречены в погребениях, совершенных по языческому обряду, и, судя по местоположению, служили украшениями, следовательно, носившие их лица сохраняли языческие верования. Но как этнографическую параллель ожерельям из крестов и обычных подвесок, лишенных религиозной символики, Д. Н. Анучин рассматривал нагрудники сибирских хантов с нашитыми на них крестами и круглыми бляхами, т. е. костюм народа, «номинально считающегося христианским, но в сущности остающегося языческим». С таким образом, он не исключал вероятности того, что население Костромского Поволжья в XII-XIII вв. подобно хантам более позднего времени формально приняло крещение.

Мысль о прямой связи появления погребений с крестами в курганах и процесса христианизации стала серьезно обсуждаться в 1970-1980-х годах. Существенные наблюдения, способствовавшие изменению взгляда на роль этих предметов в захоронениях, были сделаны Д. А. Беленькой, обратившей внимание на то, что русские княгини в XV-XVI вв., судя по данным духовных грамот, носили кресты в составе монист вместе с бусами, причем нередко в ожерелье было несколько крестов. Княгини XV-XVI вв., несомненно, были христианками, следовательно, обычай носить кресты в ожерелье, зафиксированный при раскопках курганов, нельзя считать нехристианским. Н. Г. Недошвина выделила древнейшую группу крестов из листового серебра, относящуюся ко второй половине X-началу XI в. Эти предметы, бывавшие в ту эпоху, когда обряд трупосожжения оставался господствующим, встречаются исключительно в ингумациях. Исходя из этого, исследовательница сделала вывод, что находки крестов из листового серебра отражают первые шаги христианства на Руси⁶. Проанализировав находки крестов и образков в подосновных курганах, Н. Г. Недошвина отметила, что они встречаются в подкурганых ямах чаще, чем в погребениях на материке, между тем переход к погребению в ямах был обусловлен христианской идеологией⁷. Общий обзор находок крестов и образков в древнерусских погребениях был дан В. В. Седовым, указавшим на малочисленность их в курганах XI-начала XII в. и значительно большее количество в курганах XII в. В. В. Седов полагает, что хотя в древнейших погребениях кресты

выступали в качестве украшений, В XII в. они уже стали религиозным символом.

Таким образом, в оценке религиозной принадлежности погребений с крестами в настоящее время нет единства. Различны и взгляды исследователей на сам факт появления подобных погребений: одни считают его показателем непонимания язычниками символов новой религии и их значения, другие, наоборот, свидетельством определенных успехов христианизации. Для решения вопроса большое значение имеют новые материалы, полученные при раскопках могильников в отдельных регионах Руси. Более высокое качество полевой документации позволяет обстоятельно проанализировать «археологический контекст», с которым связаны находки крестов и образков в этих могильниках: их местоположение в захоронениях, корреляционные связи с другими находками и деталями обряда, хронологию и планиграфию комплексов.

В настоящей работе рассматриваются материалы могильников Белозерья и Каргополья, полученные в основном при раскопках автора в 1978-1987 гг. Кресты и образки найдены здесь в 29 погребениях шести могильников (Попово, Погостище, Никольское III, Крохинские Пески, Нефедьево I и Шуйгино). Основная масса находок происходит из могильника Никольское III (пять комплексов) и Нефедьево I (17 комплексов). Всего в районе исследовано сейчас около 330 погребений XI-XIV вв., доля погребений с крестами в могильниках невелика - около 9%. Но в численном отношении эта серия уступает лишь двум региональным сериям - из костромских курганов (51 погребение) и курганов Подмосковья (32 погребения)¹⁰, причем и в Костромском Поволжье, и в Подмосковье доля погребений с крестами и образками значительно ниже.

В общей сложности в могильниках найдено 28 крестов и 16 образков, большинство из которых принадлежит к широко распространенным древнерусским типам. Это крестики «скандинавского типа» - 3 экз. (рис. 1, 1-3), плоские крестики с дугами в средокрестье - 5 экз. (рис. 1, 6-10), крестики с эмалью - 1 экз. (рис. 1, 5), различные варианты крестов с шариками на концах - 9 экз. (рис. 1, 12-18). По одному разу встречены плоские кресты с изображением распятия, с профилированными концами (рис. 1, 4), с ромбическим средокрестием (рис. 1, 11), с пирамидками из трех шариков на концах (рис. 1, 18), миниатюрные крестики с криновидными концами (рис. 1, 20) и кресты энколпионы. К более редким типам принадлежат крестики, вырезанные из денариев - 2 экз., и кресты с двуспиральным щитком на верхней лопасти - 2 экз. (рис. 1, 21, 22). Среди образков квадратная иконка с изображением Богоматери с младенцем (рис. 2, 7), круглые иконки с рельефным изображением парных святых - 2 экз. (рис. 1, 23, 24), святого Георгия - 2 экз. (рис. 1, 25), неизвестного святого война - 7 экз., круглые иконки с инкрустированным изображением Спаса - 3 экз. (рис. 1, 26-28). К этой группе предметов примыкает и змеевик с изображением Богоматери на лицевой стороне.

Девять комплексов с крестами и образками относятся к середине XI - началу XII в., 20 комплексов - ко второй половине XII в. Древнейшими в рассматриваемой серии являются пять комплексов могильника Никольское III, относящиеся к середине-третьей четверти XI в. и три нарушенных погребения могильника Попово, дата которого - вторая-третья четверти XI в. Наиболее поздние захоронения с крестами и образками в могильниках Погостище и Шуйгино датируются последней четвертью XII - рубежом XII-XIII вв. В погребениях начала XI в. крестов нет, видимо, в это время обычай носить кресты еще не

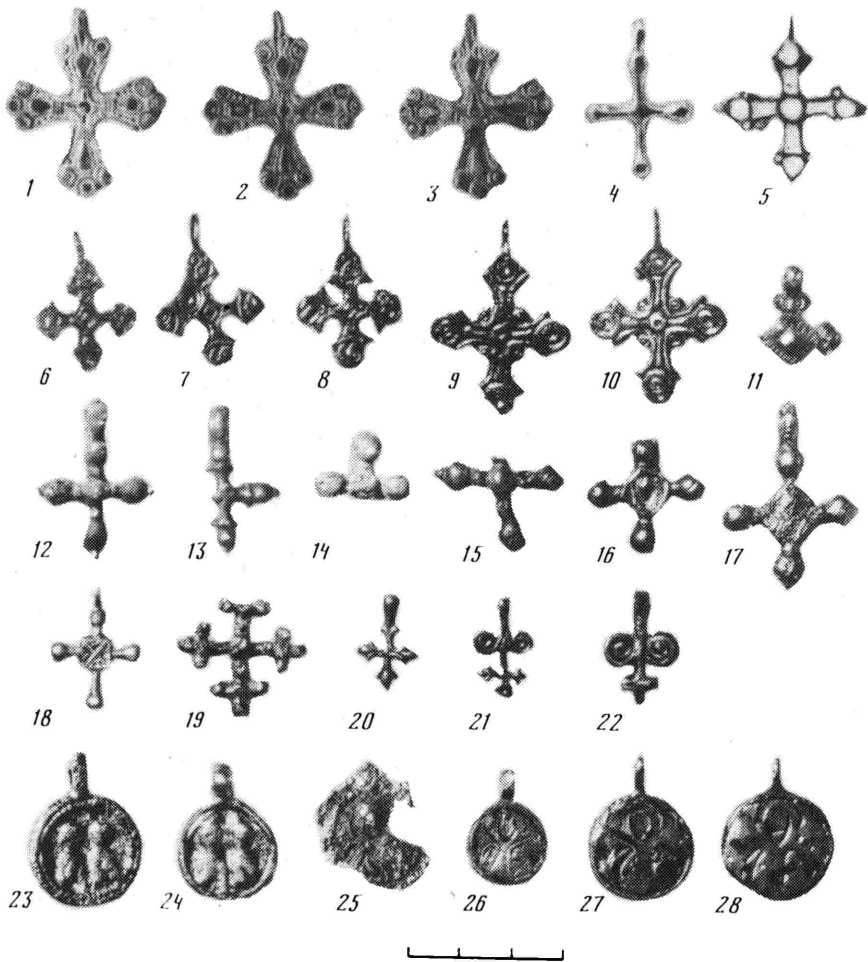

Рис. 1. Кресты и иконки из могильников Белозерья и Каргополя

1-Полово, погр. 1; 2-Полово, погр. 2; 3-Полово, погр. 4; 4-Нефедьево IB, погр. 17; 5 - Нефедьево IA, погр. 20; 6-Крохинские пески, 1983 г., погр. 3; 7,8-Нефедьево IB, погр. 24; 9-Никольское III, кург. 8, погр. 2; 10 - Никольское III, кург. 13, погр. 2; 11-Нефедьево IB, погр. 35; 12- Нефедьево IA, погр. 11; 13-Нефедьево IB, погр. 2; 14-Нефедьево IB, погр. 9; 15, 16-Нефедьево IB, погр. 35; 17-Нефедьево IB, погр. 33; 18-Нефедьево IB, погр. 7; 19-Нефедьево IB, погр. 36; 20, 21- Нефедьево IA, погр. 21; 22-Шуйгино, погр. 23; 23-Нефедьево IA, погр. 6; 24-Нефедьево IB, погр. 18; 25-Нефедьево IB, погр. 48; 26- Нефедьево IB, погр. 46; 27, 28-Нефедьево IB, погр. 42

получил распространения в Белозерье. Полностью отсутствуют эти предметы и в могильниках XIII-начала XIV в. Выясняется, что кресты

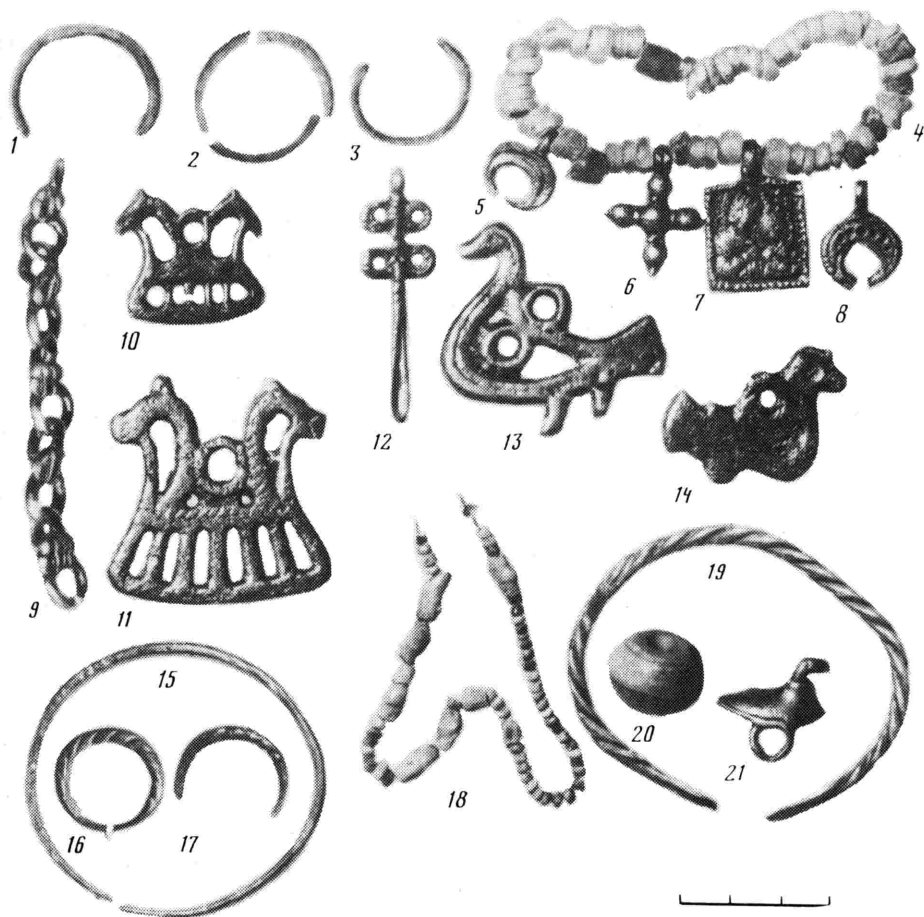

Рис. 2. Инвентарь погребения 6 в могильнике Нефедьево IB

1-3 - височные кольца; 4, 18 - бусы; 5, 8 - лунницы; 6 - крест-тельник; 7 - икона Богоматерь Умиление; 9 - цепочка; 10, 11, 13, 14, 21 - поясные подвески; 12 - копоушка; 15, 19 - браслеты; 16, 17 - перстни; 20 - пряслице

1-3, 5-17, 19, 21 - бронза; 4, 18 - стекло; 20 - камень

и образки попадали в погребения в течение сравнительно небольшого отрезка времени - с середины XI до рубежа XII-XIII вв. Периодом их наибольшего распространения в Белозерье, как и в других регионах - Костромском Поволжье, Подмоскowie, Юго-Восточном Приладожье, был XII в.

Большинство погребений с крестами и образками представляют собой ингумации в простых грунтовых ямах, т. е. произведены согласно нормам того обряда, который в XI-XIII вв. был господствующим в Белозерье. Лишь четыре погребения подкурганые; семь погребений имели западную ориентировку, 18 - восточную, северо-восточную и юго-восточную. Руки у погребенных, как правило, были вытянуты или немного согнуты. Все

женские погребения содержали многочисленные украшения (рис. 2). 21 ненарушенное погребение сопровождалось бытовыми вещами: ножами, гребнями, топорами, пряслицами, наконечниками стрел, в ногах у десяти погребенных стояли керамические сосуды. Все пять погребений, в которых не было бытовых вещей, принадлежали детям. Таким образом, большинство крестов и образков находилось в погребениях, обрядность которых сохраняла яркие языческие черты. Можно указать лишь одно детское погребение, в котором крест был единственным предметом, положенным в могилу, но и оно имело не западную, а восточную ориентировку.

Мы располагаем данными о половозрастной принадлежности 25 погребенных. 11 костяков принадлежали детям в возрасте от 1 года до 11 лет, судя по инвентарю, в шести случаях это останки девочек. 10 погребений женские, большинство из них принадлежит женщинам зрелого, возмужалого и старческого возраста и лишь одно-женщине 18-20 лет. Среди мужских погребений с крестами картина противоположная, три из них принадлежат подросткам 15-20 лет и лишь одно-мужчине 30-40 лет¹¹. Мы видим, что кресты носили главным образом женщины и дети. Присутствие их в уборах детей объясняется, возможно, тем, что дети больше других возрастных групп нуждались в сакральной защите креста: известно, какой высокой была в средневековье детская смертность. Не исключено, что с этим же связано и ношение их подростками, подвергавшимися повышенной опасности в период первого приобщения к занятиям охотника-промысловика и война-ополченца. Примечательно отсутствие крестов и образков (за единственным исключением) в погребениях девушек-невест при наличии их в захоронениях девочек и женщин зрелого возраста. Зная о существовании определенных правил и запретов, регламентировавших состав украшений в уборе девушки-невесты, можно предположить, что с достижением девушкой брачного возраста кресты и образки на какое-то время намеренно изымались из ее убора.

Касаясь вопроса о социальной принадлежности владельцев крестов и образков, отметим, что в могильнике Никольское III их погребения находились под двумя самыми высокими насыпями. В могильнике Нефедьево кресты и образки трижды встречены в парных погребениях с богатым инвентарем, в том числе с шейными гривнами, которые были не только украшением, но и показателем высокого социального статуса. Почти все женские погребения с крестами и образками в могильниках Никольское III, Нефедьево и Погостище выделяются по количеству украшений и принадлежат к числу наиболее богатых. Очевидно, обычай носить кресты и образки получил распространение преимущественно среди социальной верхушки местного общества, хотя и не был исключительной привилегией этой группы населения.

Обратившись к планам могильников, легко заметить, что на их площадках не было отдельных участков, специально выделенных для погребений владельцев крестов и образков: погребения с крестами и без крестов располагаются чересполосно. В то же время три захоронения с крестами в могильнике Никольское III находились в курганах, вплотную примыкавших друг к другу (курганы 8, 9 и 10). Довольно компактные группы погребений с крестами и образками выделяются на площадке могильника Нефедьево I (рис. 3) - в западной (погребения 2, 6, 7 и 9), южной (погребения 35, 36, и 46) и северо-восточной (погребения 20 и 21) ее частях. Вероятно, это захоронения ближайших родственников. По-видимому, ношение крестов было в какой-то мере связано с семейными традициями, в одних семьях этот обычай был нормой, в других не принимался или практиковался спорадически.

Кресты носили на шее или на груди. Подобное положение их

прослежено в 19 женских и детских погребениях и в трех погребениях юношей-подростков. В шести комплексах зафиксировано положение крестов и образков в ожерелье, причем в четырех случаях в составе ожерелья находилось по два креста, в одном-два образка и в одном-восемь образков. Во всех хорошо документированных погребениях кресты и образки занимали центральное место в ожерелье, другие подвески, если они имелись, размещались по сторонам. В семи женских погребениях кресты находились на груди ниже ожерелья. по-видимому,

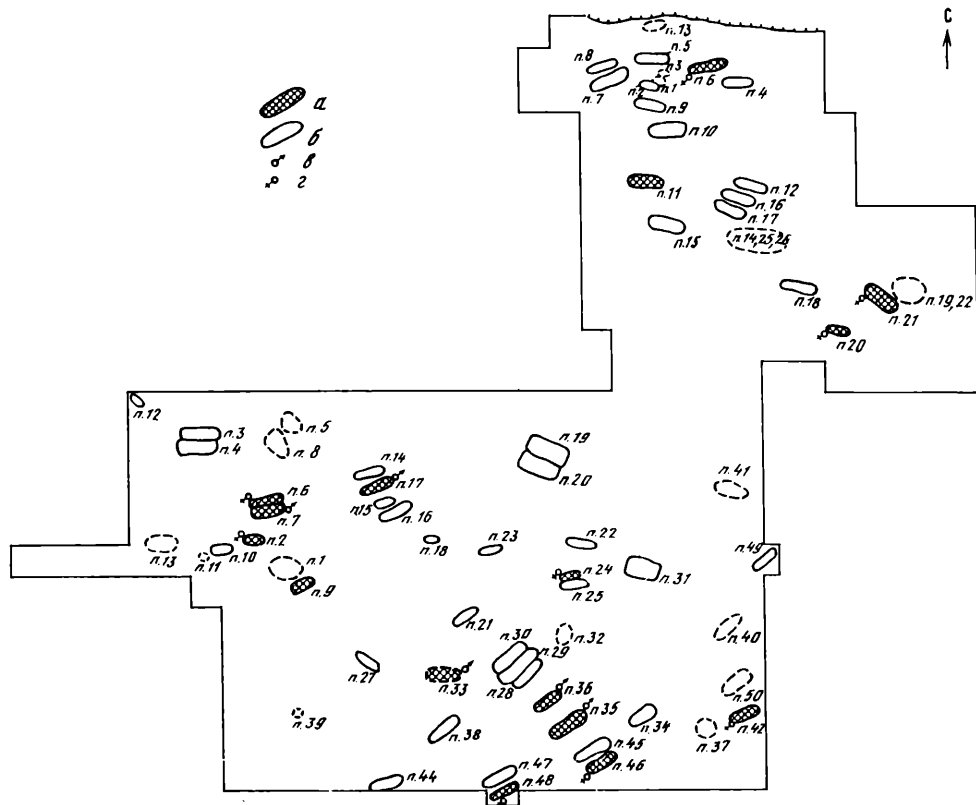

Рис. 3. Могильник Нефедьево. План

а-погребения с крестами и иконками; б-погребения без крестов и иконок; в-мужские погребения; г-женские погребения

они были закреплены на специальных шнурках. В двух детских захоронениях кресты обнаружены в области живота. Симптоматично, что кресты и образки ни разу не были использованы в качестве поясных украшений, ношение которых имело широкое распространение в Белозерье и Каргополье. Хотя обладатели крестов нередко носили их одновременно с зооморфными подвесками, шумящими привесками и бубенчиками, место этих предметов в костюме было различным. Существовало твердое представление, что крест должен находиться на шее или на груди и ни

при каких обстоятельствах не может быть помещен на пояс-т.е. на чрево.

В трех погребениях с крестами были найдены языческие амулеты. Из женского погребения в кургане 10 в могильнике Никольское III происходит миниатюрное бронзовое острие с кольцом и подвеска-ключ; из погребения 2 в кургане 8-подвеска-ложечка, миниатюрное острие с кольцом и около 30 амулетов из зубов, ногтей и астрагалов животных; из погребения 24 в могильнике Нефедьево I- три подвески-кlyка и два астрагала. Если в последнем случае кресты и амулеты находились в разных местах костюма, то в двух первых они, возможно, были закреплены на одном шнурке. Таким образом, ношение крестов и языческих амулетов не исключало друг друга. Впрочем, все три комплекса принадлежат к числу ранних (середина XI-начало XII в.). В погребениях второй половины XII в. совместные находки крестов и языческих амулетов не зафиксированы.

В четырех мужских погребениях кресты были положены в могилу отдельно и находились в ногах у погребенных. В трёх из них (Нефедьево IV, погребения 7 и 17, Крохинские Пески, погребение 4) они лежали вместе с украшениями и бытовыми вещами: бусами, подвеской, поясными пряжками и бляшкой, кресалами, гребнем и обоймицей. В четвертом (Нефедьево IV, погребение 35) два креста-тельника лежали отдельно, ниже левого колена погребенного, а третий находился у него на шее. В археологической литературе подобные комплексы интерпретируются обычно как дары жены умершему мужу, однако в данном случае такое объяснение не может быть принято, так как среди даров мы встречаем характерные предметы мужского снаряжения (пряжки, бляшку, кресала, обоймицу). Ясно, что положение креста в ногах у погребенного неканонично и противоречит нормам христианской обрядности, в то же время оно, несомненно, имело какое-то символическое значение. Возможно, крест в этих случаях выступал в качестве оберега или как своеобразный знак того, что погребенный принял крещение.

Кресты из могильников Белоозерья и Каргополья относятся к 15 различным типам, иконки-к шести типам. Некоторые из этих вещей могли производиться на севере: так, в Белоозере найдена форма для отливки крестов с двумя спиралями на верхней лопасти. Но основная их масса изготовлялась далеко за пределами Белоозерья. Местом изготовления крестиков с эмалью считают Киев¹², отсюда же происходят, очевидно, инкрустированные образки с изображением Спаса¹³. Центр производства крестов «скандинавского типа» локализируют на северо-западе Руси¹⁴, центр производства иконок с изображением Богоматери Умиление-во Владимире¹⁵. Разнообразие типов крестов и образков склоняет к выводу, что эти вещи не были одной партией товара, завезенной на север, или продукцией одного ремесленного центра, располагавшегося в Белоозерье. Спрос на них был обусловлен не приверженностью белоозерцев к устоявшимся, хорошо знакомым формам украшений, это был спрос на предметы христианского культа как на особую категорию вещей, символическое значение которых было хорошо понятно.

В результате анализа погребений с крестами и образками мы получаем крайне противоречивые данные для их конфессиональной атрибуции. Очевидно, что лица, погребенные с крестами и образками, сохраняли многие языческие верования и соблюдали многие языческие обряды. В то же время, вопреки мнению многих исследователей, кресты и образки не были для них чисто декоративными элементами убора, лишёнными религиозной символики. Предметы христианского культа пользовались среди населения широким спросом, существовало убеждение в особых свойствах креста, защищавших его владельца от болезней и

различных опасностей, свидетельством чего можно считать многочисленные находки крестов в погребениях детей и юношей-подростков. При ношении крестов соблюдались определенные правила и запреты, так, кресты не следовало носить на поясе. Характерно, что обычай носить кресты и хоронить с этими предметами был воспринят в Белоозерье в первую очередь той частью общества, которая выделялась в имущественном и социальном отношении.

Весьма вероятно, что владельцы крестов и образков, не усвоившие основ христианского вероучения, были тем не менее крещены. В реальных исторических условиях XI-XIII вв. крещению далеко не всегда предшествовало достаточно подробное и глубокое знакомство с обрядовой практикой новой религии. Формальное принятие христианства на периферии не всегда сопровождалось внедрением погребальной обрядности, строго регламентированной православным «чином погребения». Поэтому нет основания считать все подкурганые погребения и захоронения в грунтовых могилах с украшениями и бытовыми вещами погребениями некрещеного населения.

Чтобы понять ту специфическую религиозную ситуацию, одним из выражений которой стало появление в погребениях крестов и образков, следует учесть, что все рассмотренные комплексы датируются временем не позднее рубежа XII-XIII вв. Кресты и образки оказываются довольно частой находкой в погребениях XII в., обрядность которых во многом ориентирована на языческую традицию, но не встречается в безынварных захоронениях с западной ориентировкой XIII-XIV вв., несомненно, принадлежащих христианам. Иными словами, распространение на севере ортодоксального христианского обряда привело к исчезновению крестов и образков из погребений. Эта закономерность характерна не только для Белоозерья, но и для других областей Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Хорошо изученные некрополи русских городов XII-XIV вв. (Ярополча Залесского, Городца на Волге, Старой Рязани, Белоозера, Новгорода, Смоленска, Новогрудка) практически не содержат захоронений с крестами. Это странно, на первый взгляд, явление может получить лишь одно объяснение: погребения с крестами и образками совершалось на самых начальных этапах приобщения к христианству. Этот обычай имел распространение в среде неофитов, ещё не усвоивших норм православной обрядности, но стремившихся демонстрировать свой переход к новой религии внешними атрибутами. По мере того, как правила православного обряда укоренялись в этой среде и на смену новообращенным приходили следующие поколения христиан, необходимость в такой демонстрации отпадала и кресты и образки в погребениях становились излишними элементами.

Некоторые современные исследователи, отмечая небольшую долю погребений с крестами в древнерусских некрополях, расценивают это как показатель слабого распространения христианства, т. е. фактически исходят из того, что погребения без крестов и образков принадлежат язычникам. В действительности, однако, кресты и образки нельзя считать тем жестким индикатором, который позволяет различать погребения крещеных и некрещеных. По-видимому, на Руси никогда, в том числе и в XII в., не существовало специальных правил, предписывавших погребать христиан с предметами христианского культа. Принадлежность погребенного к православной церкви символизировали другие детали обряда: ориентировка, положение рук, форма погребального сооружения. Даже для новообращенных христиан XI-XII вв. помещение в погребение крестов и образков не было единственным возможным способом указать на христианское вероисповедание погребенных.

Таким образом, находки крестов и образков не дают возможности разделить погребения XI-XIII вв. на христианские и языческие и

проследить постепенное изменение соотношения христиан и язычников в древнерусском обществе. Не являясь подходящим материалом для точных количественных оценок, погребения с крестами и образками в то же время выступают показателями коренных сдвигов в конфессиональной ситуации XI-XII вв.: номинального обращения в христианство части населения древнерусских окраин. Они отражают стремление новообращенных христиан найти элементы обрядности, символизирующие переход к новой религии, и в то же время обращение их в этих поисках к наиболее простым и доступным средствам выражения, не соответствующим сложной теологии и обрядовой практике ортодоксального христианства.

¹ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. С. 62-66.

² Рыбакоу Б. А. Радзімічы // Працы сэццыі археолёгіі. Менск, 1932. Т. 3. С. 126; Мальм В. А. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968. С. 116; Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 123, 124.

³ Анучин Д. Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний России. СПб., 1899. Т. 3. С. 258, 259.

⁴ Недошвина Н. Г. О религиозных представлениях вятичей в XI-XIII вв. // Средневековая русь. М., 1976. С. 49-54; Беленькая Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. 1976. N 4. С. 88-98; Рябинин Е. А. Костромское Поволжье... С. 123-125; Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. Киев, 1987. С. 72-76; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 535, 536; Седов В. В. Распространение христианства в Древней Руси // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси: Сб. тез. М., 1987. С. 40-43.

⁵ Беленькая Д. А. Кресты и иконки... С. 94, 95.

⁶ Недошвина Н. Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. 1983. N 4. С. 222-225.

⁷ Недошвина Н. Г. О религиозных представлениях... С. 49-54.

⁸ Седов В. В. Распространение христианства... С. 40-43.

⁹ Кресты и образки происходят из комплексов: Попово, погребение I, 2, 4; Погостище, 1959 г., погребение I; Никольское III, курган 8, погребение 2; курган 9, погребение I; курган 10, погребение I; курган 13, погребение 2; бескурганый могильник, погребение 7; Крохинские Пески, 1969 г., погребение 4; 1983 г., погребение 3; Нефедьево IA, погребения 6, 11, 20, 21; Нефедьево IB, погребения 2, 6, 7, 9, 17, 24, 33, 35, 36, 42, 46, 48; Шуйгино, погребение 23. См.: Брюсов А. Я. финское погребение X-XI вв. в д. Погостище Кирилловского района Вологодской обл. // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 81-83; Ошибкина С. В. Могильник Пески в Вологодской обл. // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 65-69; Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М., 1986 (рукопись). Л. 227-287; Он же. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1986 г. // Архив ИА. N 11835. P-1. Л. 12, 13, 18, 19; Он же. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1987 г. // Архив ИА. N 12571. P-1. Л. 7-10, 13, 16-18.

¹⁰Рябинин Е. А. Костромское Поволжье... С. 123, 124; Недошивина Н. Г. О религиозных представлениях... С. 49-54.

¹¹Автор глубоко признателен Г. П. Романовой, произведшей половозрастные определения.

¹²Мальм В. А. Крестики с эмалью... С. 116, 117.

¹³Автор признателен М. В. Седовой, познакомившей его с неопубликованной сводкой находок иконок этого типа на территории Руси.

¹⁴Технер М. В. Крестовидные подвески «скандинавского типа» // Славяне и Русь. М., 1968. С. 210-214.

¹⁵Седова М. В. О двух типах привесок-иконок из Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 191-194.

Б. Н. Харлашов

ПСКОВСКИЕ ГУБЫ (К вопросу о происхождении)

Письменные источники XVI-XVII вв. свидетельствуют о том, что в Псковской земле, так же как и в других землях Русского государства, существовало сложное административно-территориальное деление. Вся территория раздвлялась между уездами, которые в свою очередь делились на губы. Согласно писцовой книге 1585/1587 г., в Псковской земле в то время было 14 уездов, 149 губ, 2 четверти, 2 утретка и 2 волостка (следует учесть, что перечень территориальных единиц Себежского уезда сохранился в писцовой книге не полностью). Самый большой из уездов-Псковский- дополнительно подразделялся на 7 засад. Центрами уездов являлись Псков и его пригороды, а центрами губ-погосты¹.

В данной статье предпринята попытка, основываясь на данных письменных источников, кратко охарактеризовать псковские губы как территориальные единицы, затем на археологическом материале проследить процесс их заселения в XI-XVI вв. В результате этой работы удалось получить сведения о микрорегионах древнейшего расселения, на которых развивались губы, перечисленные в писцовой книге.

Происхождение губ ранее специальному изучению не подвергалось ввиду малого количества информации по этой проблеме, содержащейся в письменных источниках. В разное время исследователи неоднократно обращались к вопросу о губах, не углубляясь, однако, в детали. Излагая историю Пскова и тяготеющих к нему районов, о губах и губских старостах писал Е. Болховитинов². И. Беляев сравнивал псковские губы с присудами в Новгороде и считал, что губы произошли от древних округов-вервей³. Деление Псковской земли на губы А. Никитский рассматривал чисто в географическом плане, отрицая роль губ как административных округов. По его мнению, административным являлось деление на волости⁴. Наибольший вклад в изучение губ внес Н. С. Суворов, занимавшийся вопросами церковного землевладения. Им были составлены списки губ по уездам и засадам, выделены погостские церкви. Н. С. Суворов высказал предположение о тождественности волостей и губ, отмечая, что губы совпадали с церковными приходами. Для настоящей статьи важным представляется его вывод о том, что

деление Псковской земли на губы сложилось в эпоху, предшествующую присоединению Пскова к территории Московского государства.

А. Н. Насонов, детально изучивший письменные источники по истории Псковской земли, ограничился замечанием, что деление на губы возникло по мере освоения территории. Кроме того, губы были в Новоторжских волостях и в Ашевском погосте.

Одним из последних исследований, в котором затрагивались проблемы территориальной структуры Псковской земли, является капитальный труд по аграрной истории Северо-Запада России. В главе, посвященной Пскову и его округе, Н. Н. Масленникова приводит схему расположения уездов и засад, дает общую характеристику губ⁷.

Летописные известия о псковских губах не многочисленны. Два из них относятся к 1471 г., ко времени пограничных столкновений между псковичами и новгородцами. «Пригонившие новгородцы с заорубежья с Вышгородка и в Навережской губе много хоромов пожгли и церковь святого Николы сожгли...». Тогда же псковичи ходили «... новгородскую волость воевать... воутре с Бельской губы...».

Под 1480 г. появляются сведения о Пецкой губе, где произошло сражение между псковским войском и войском Ливонского ордена, разорвавшим волости после неудачного штурма Изборска¹⁰.

В духовной грамоте, датированной в рамках XIV-XV вв., имеется упоминание о Смоленской губе; некий Симеон завещает жене «... село свое землю в Смоленской губе»¹¹.

Содержание губы как территориальной единицы раскрывается при картографировании материалов писцовых книг. Определение местонахождения населенных пунктов, земельных угодий, рек, озер, ручьев и т. п. дает возможность достаточно точно очертить границы губ. Располагая этими данными, на археологическом материале можно рассмотреть процесс формирования территориального деления Псковской земли.

Для проведения такой работы был выбран район восточного побережья Чудского озера. Пробный выбор обусловлен двумя причинами. Во-первых, для этой территории получены наилучшие результаты при составлении карты поселений по материалам писцовой книги 1585/1587 г. Во-вторых, этот регион лучше других изучен археологически. В располагавшихся здесь Гдовском и Кобыльском уездах по письму 1585/1587 г. насчитывалось 14 губ. Из 254 перечисленных в них населенных пунктов удалось определить местонахождение 107 (включая 13 погостов). Таким образом, представилась возможность приблизительно очертить территории губ. При проведении границ губ учитывались упомянутые в них гидронимы.

Картографирование показало, что размеры губ различны (рис. 1). Наибольшую территорию (до 500 км²) занимали Наровская, Кушельская губа и губа Ренда. Их размеры приближались к соседним новгородским погостам-округам. Ветвеницкая и Рудницкая губы приблизительно в шесть раз уступали по площади Кушельской. Границы губ проходили по заболоченным и залесенным местам. На хорошо обжитых территориях основными границами служили реки. Псковско-новгородский рубеж был определен согласно исследованиям А. М. Андрияшева, составившего подробные карты погостов Шелонской пятины¹².

Археологическое изучение Гдовского региона началось в середине прошлого века и с некоторыми перерывами продолжается до наших дней. Подробная историография исследований, проводившихся в регионе, дана Н. В. Хвоцинской в работе, посвященной исследованию погребальных

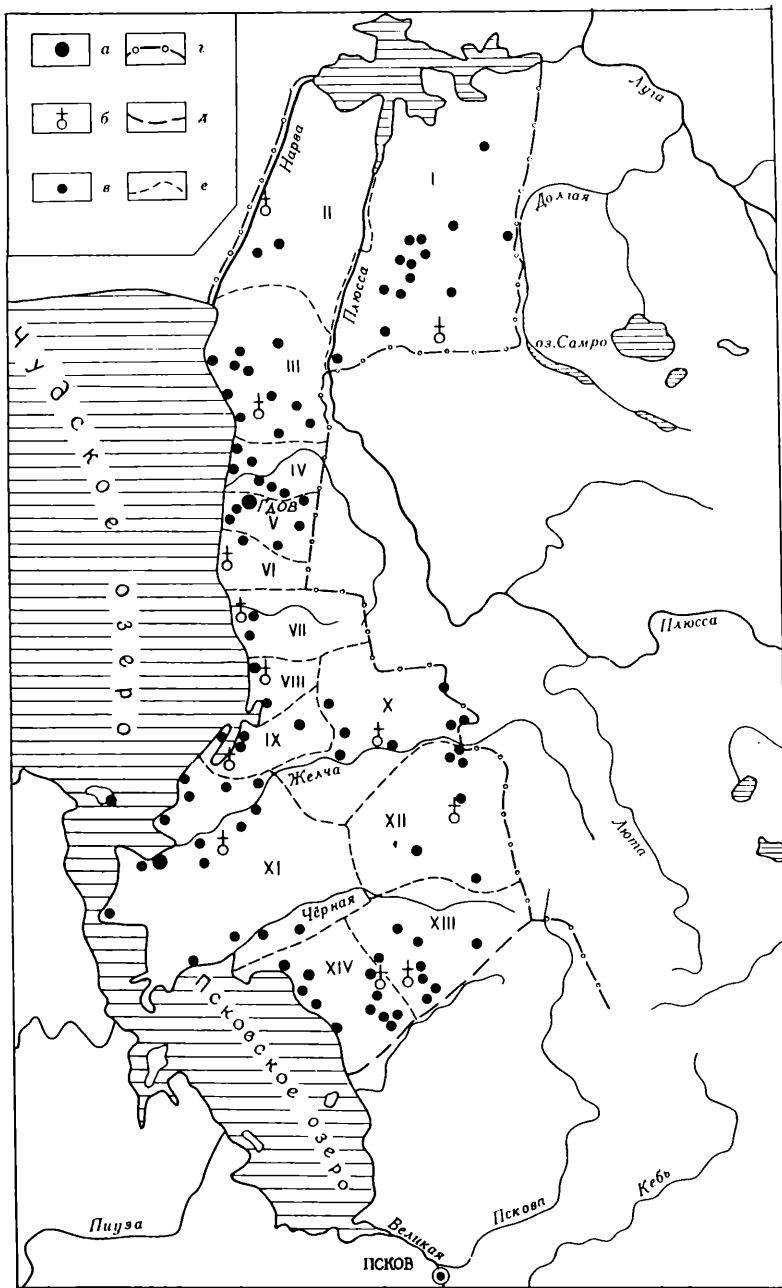

Рис.1. Карта-схема Гдовского и Кобыльского уездов по писцовой книге 1585-1587 гг.

а-центр уезда; б-погост; в-населенный пункт; г-граница Псковской земли; д-граница уезда; е-граница губы

Губы: I-Кушельская; II-Наровская; III-Каменская; IV-Черемосская; V-Гдовская; VI-Ветвеницкая; VII-Кунейская; VIII-Рудницкая; IX-Моцкая (Мда); X-Полянская; XI-Ремда; XII-Гвоздинская; XIII-Мельницкая; XIV-Мыслогостицкая

памятников к северо-востоку и востоку от Чудского и Псковского озер¹³. В 1977-1984 гг. разведочные работы в регионе проводились Е. А.

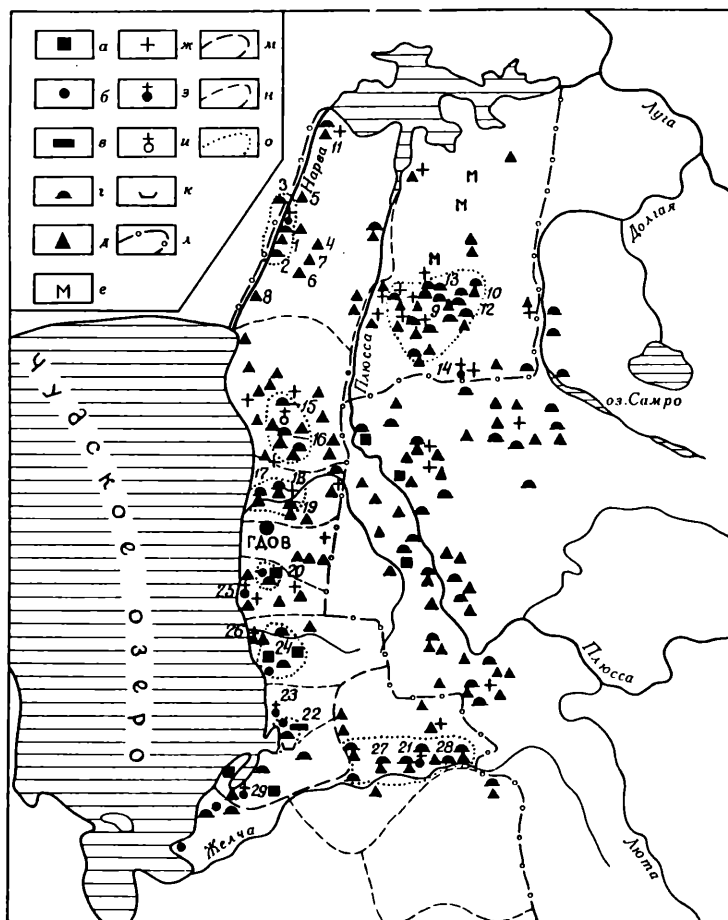

Рис. 2. Археологическая карта северной части Гдовского региона

а-городище; б-селище; в-длинные курганы; г-полусферические курганы; д-жальнику; е-урочище «могильник»; ж-каменный крест; з-погост; и-предполагаемый погост; к-грунтовый могильник; л-граница Псковской земли; м-граница уезда; н-граница губы; о-микрорегион древнейшего расселения

1-Ольгин Крест; 2-Скорятина Гора; 3-Кунингакуля; 4-Кондуши; 5-Омут; 6-Мокреды; 7-Радовель; 8-Маленцово; 9-Кушела; 10-Савиновщина; 11-Криуши; 12-Патреева Гора; 13-Куклина гора; 14-Рудный; 15-Павлов Погост; 16-Малая Каменка; 17-Калихновщина; 18-Бакин Конец; 19-Верхоляны; 20-Городище; 21-Полна; 22-Залахтовье; 23-Рудница; 24-Сторожинец; 25-Ветвеник; 26-Кунесть; 27-Кроксово; 28-Закрапивенье; 29-Мда

Рябининым, В. А. Тюленевым, К. Л. Дубовой, Н. В. Хвошинской, Н. И. Мартинович, Н. И. Платоновой, В. А. Лапшиным, В. П. Петренко¹⁴.

На основании разработанной Н. В. Хвошинской хронологии погребальных памятников Гдовского региона представляется возможным рассмотреть динамику расселения по микрорегионам. На изучаемой территории удалось выделить несколько микрорегионов наибольшей концентрации археологических памятников. Ядра микрорегионов составляют могильники, включающие курганные насыпи с захоронениями XI–XIII вв., причем центральные могильники иногда достигают внушительных размеров. В некоторых случаях древнейшие центры микрорегионов определяются по расположенным в них городищам, к которым примыкают курганные могильники и селища.

Один из микрорегионов занимает территорию правого берега р. Нарвы в среднем ее течении. С запада микрорегион ограничен слегка заболоченным участком вдоль левого берега реки Нарвы; с севера, востока и юга – незаселенными территориями. Древнейшее ядро составлено курганно-жальничными могильниками Ольгин крест, Скорятина гора. Неподалеку от Ольгина креста, на противоположном берегу р. Нарвы, находится еще один могильник с курганами у д. Кунингаюла (Княжсело) (рис. 2). Самые ранние захоронения в могильниках Ольгин крест, Скорятина Гора и Кунингаюла датируются XI в. В XIV в. курганный обряд погребения сменяется жальничным¹⁵. Периферию микрорегиона занимают жальничные могильники Кондуши, Омут, Радовель, Мокреди и Маленцово. Несколько особняком выглядит самый северный по течению Нарвы курганно-жальничный могильник Криуши, функционировавший в XI–XIII вв.¹⁶.

Другой микрорегион занимает компактный участок в среднем течении рек Кушелки и Руи – правых притоков р. Плюссы. Здесь зафиксировано скопление курганных и курганно-жальничных могильников (Кушела, Савиновщина, Патреева Гора, Куклина Гора и др.)¹⁷, общая датировка которых не выходит за рамки XI–XIV вв. Окраины микрорегиона занимают жальничные могильники с каменными крестами. С юго-востока к описанному микрорегиону примыкает массив синхронных памятников верхнего течения р. Руи и окрестностей оз. Долгого.

К северу и югу от Гдова на большом участке располагаются курганные, курганно-жальничные могильники и жальники, протянувшиеся широкой полосой вдоль берега Чудского озера. От памятников бассейна Плюссы эта территория отделена лесистой, слегка заболоченной местностью. Лес отделяет памятники ближайшей Гдовской округи и от микрорегиона в районе р. Нарвы.

Наиболее ранние археологические памятники образуют четыре ядра-центра отдельных микрорегионов. Одно из них это могильники близ Павлова Погоста и Малой Каменки, содержащие захоронения XI–XII вв.¹⁸. Другим является большой курганно-жальничный могильник у д. Калихновщина и примыкающие к нему курганно-жальничные могильники Бакин Конец и Верхоялы, возникшие в XI–XII вв.¹⁹. Следующий археологический комплекс, расположенный близ д. Городище²⁰, включает городище, селище и курганный могильник с погребениями XI в. Один из древнерусских центров сельской округи фиксируется по городищу Сторожинец, рядом с которым находится курганный могильник и синхронное ему селище. Результаты небольших раскопок, проведенных на городище, свидетельствуют о том, что оно существовало в третьей четверти I тысячелетия н. э. как поселение культуры длинных курганов. В XII–XIII вв. здесь было укрепленное поселение с небольшим гарнизон²¹.

Развитие перечисленных в окрестностях Гдова микрорегионов прослеживается по распространению жальничных могильников на удалении

от древнейших центров и вблизи них.

Ситуация, наблюдаемая в распределении древнерусских памятников в северной части Гдовского региона и в окрестностях самого Гдова, повторяется и в более южных районах. Группа курганных и курганно-жальничных могильников находится в среднем течении р. Желчи, близ д. Полна (Кроксово, Полна, Закрапивенье и др.). Большая часть из них научным раскопкам не подвергалась, но на основании общей хронологии курганно-жальничных могильников надо полагать, что они возникли не позже XII в.

Еще один микрорегион находится в бассейнах левых притоков Желчи-рек Студенки и Еглины. Наряду с могильниками культуры длинных курганов здесь присутствуют курганные захоронения XI-XII вв. (Безьва III, Замежничье)²².

Равномерно и довольно редко археологические памятники распространены на большом участке в нижнем течении р. Желчи и на прилегающей территории берега Чудского озера. Здесь выделяется крупнейший в Гдовском регионе комплекс памятников близ д. Залахтовье. Большой курганный могильник функционировал начиная со второй половины I тысячелетия н. э. до XIII в. Рядом с могильником открыто синхронное ему селище²³.

Наконец, обратимся ещё к двум микрорегионам, один из которых занимает верховья рек Лочкиной и Липенки, другой-верховья р. Толбичи. Здесь сконцентрировано большое количество курганных могильников как культуры длинных курганов, так и древнерусского времени, а также захоронений жальничного типа. Пока невозможно дать подробную хронологическую характеристику памятников этих микрорегионов. В первом из них раскопками изучался (кроме длинных курганов) лишь курганно-жальничный могильник у д. Сельцо с курганами XI-XII вв.²⁴, во втором-в начале XX в. было раскопано жальничное погребение в курганно-жальничном могильнике у д. Москва²⁵. По составу могильников оба выделенных микрорегиона идентичны.

Сопоставим выделенные археологические микрорегионы с картой губ, составленной по писцовой книге. Оказывается, что практически все скопления памятников XI-XIII вв. укладываются в границы губ XVI в.

Микрорегион в бассейне р. Нарвы составляет ядро Наровской губы, причем один из древнейших курганно-жальничных могильников расположен рядом с погостом Ольгин Крест.

Кушельский микрорегион полностью вписывается в границы Кушельской губы, являясь ее ядром. Рудный погост - административно-культурный центр губы-расположен на удалении от участка, где концентрируются курганные могильники.

Микрорегионы, сформировавшиеся в XI-XII вв. близ Малой Каменки и Павлова Погоста, Калинховщины и Верхолян, Городища, Сторожинца, территориально совпадают с Каменской, Черемосской, Ветвеницкой и Кунейской губами.

В качестве древнейшего центра Кунейской губы следует рассматривать комплекс памятников у городища Сторожинец. Образование погоста Кунесть по времени совпадает с запустением городища. С возникновением погоста, вероятно, связан жальничный могильник с каменными крестами в Кунести. В Рудницкой губе, неподалеку от Рудницкого погоста, располагается Залахтовский археологический комплекс, который, несомненно, представляет собой следы древнейшего центра округа, предшествовавшего погосту. В губе Мде древний центр округа археологически не фиксируется. Рядом с погостом, так же как и во многих других губах, находится жальничный могильник.

Среди губ Гдовского уезда выделяется территория Гдовской губы, в которой не обнаружено ни одного курганного могильника. Возможно, это

связано с возникновением Гдова в начале XIV в. как крепости-форпоста Пскова, а не развитием его из древнего общинного центра.

Сопоставление микрорегионов концентрации могильников с курганными насыпями с территориями губ Кобыльского уезда дает ситуацию, аналогичную Гдовской. Могильники среднего течения р. Желчи находятся в Полянской губе, а вблизи погоста Полна отмечен курганно-жальничный могильник. Микрорегион в бассейнах студенки и Еглины входит в Гвоздинскую губу, а памятники в нижнем течении р. Желчи-в губу Ренду.

В непосредственной близости от курганных могильников располагаются Мыслогостицкий и Мельницкий погосты-центры одноименных губ. Вблизи от мельниц известны курганно-жальничный могильник Москва и курганная группа Прошкино. Неподалеку от Мыслогостиц были зафиксированы две курганные группы с полусферическими насыпями (Новоселье 1 и 2). Ко времени функционирования погоста, вероятно, относятся четыре жальничных могильника. Два из них находились рядом с Мыслогостицами (могильники Барская Гора и Середка).

Анализ распределения археологических памятников по территории губ Гдовского и Кобыльского уездов позволяет сделать несколько выводов, касающихся происхождения губской системы в Псковской земле.

Освоение губ в XI-XIII вв. прослеживается по распространению курганных могильников с захоронениями по обряду труположения и синхронных им поселений. Скопления этих памятников в радиусе в среднем не превышают 3 км и соответствуют древнейшим ядрам губ, т. е. в основу последних легли более древние административные округа, сопоставимые с территориями отдельных общин (в некоторых случаях с их объединениями). Эти округа могли называться не губами, а как-либо иначе.

Следующий этап заселения губ совпадает по времени с переходом от курганов к погребениям жальничного типа, самые ранние из которых на исследуемой территории относятся к XIII в.²⁶ В топографии жальничных могильников XIV-XVI вв., находящихся на водоразделах вне зоны древнерусского расселения, отражается крестьянская колонизация неосвоенных в XI-XIII вв. земель. По-видимому, на этом этапе завершается формирование губской системы, а самые поздние губы включили в себя земли, обжитые в последнюю очередь.

С возникновением губ появлялись их новые центры-погосты писцовых книг²⁷. Используя хронологию погребальных памятников региона, появление погостов следует отнести к послекурганному периоду. Косвенно это подтверждается тем, что вблизи от большинства погостов зафиксированы жальничные могильники и сопутствующие им каменные кресты, а случаи близости погостов и курганных могильников XI-XIII вв. малочисленны. Процесс образования административно-территориальных единиц вследствие освоения новых земель, происходивший в Псковской земле, во многих чертах сходен с явлениями, имевшими место в северных новгородских землях в XIV-XV вв.²⁸

Археологические данные о времени возникновения погостско-губской системы подтверждаются письменными источниками, в которых губы и погосты в Псковской земле впервые упоминаются в XIV-XV вв.

¹Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т. 5.

²История княжества Псковского. Киев, 1831. С. 27, 42, 43.

³Беляев И. Рассказы из древнерусской истории. Кн. 3. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867. С. 18.

⁴Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 117.

- ⁵ Суворов Р.С. Псковское церковное землевладение в XIV–XVI вв. // Журн. Мин-ва нар. просвещения. СПб., 1905. N 352. С. 249–252, 254.
- ⁶ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 87, 89
- ⁷ Аграрная история Северо-Запада России. Север. Псков. Л., 1978. С. 87, 88.
- ⁸ ПЛ. 1955. Т. 2. С. 181
- ⁹ Там же. Т. 2. С. 183.
- ¹⁰ ПЛ. 1941. Т. 1. С. 77; Т. 2. С. 220.
- ¹¹ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966. С. 57, N 14.
- ¹² Андрияшева А.М. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. СПб., 1913. С. 18.
- ¹³ Хвоцинская Н.В. Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.: (По материалам погребальных памятников): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978 // Архив ЛОИА: КП 2093, ф. 35, оп. 2-д, N 251.
- ¹⁴ Рябинин Е.А. Исследования в Ленинградской области // АО 1977 г. М., 1978. С. 32; Он же. Исследования в западных районах Ленинградской области // АО 1980 г. М., 1981. С. 27; Дубова К.Л. Отчет об археологической разведке в Псковском районе Псковской области // Архив ИА. Р-1. N 7346; Тюленев В.А. Отчет о разведке городищ в районе пос. Середка Псковского района Псковской области и работах на рыночной площади Выборга Ленинградской области // Архив ИА. Р-1. N 7124; Хвоцинская Н.В. Исследования погребальных памятников на восточном берегу Чудского озера // АО 1978 г. М., 1979. С. 44.; Она же. Новые данные о погребальных памятниках западных районов Новгородской земли // АО 1981 г. М., 1983. С. 42, 43; Она же. О работе Гдовского отряда // АО 1983 г. М., 1985. С. 36; Она же. Раскопки на берегу Чудского озера и разведки в бассейне р. Плюссы // АО 1984 г. М., 1986. С. 31, 32; Лалшин В.А., Платонова Н.У. Работы в Ленинградской области // АО 1983 г. М., 1985. С. 18; Петренко В.П. Разведки в западных районах Ленинградской области // АО 1982 г. М., 1984. С. 27; Он же. Разведки в западных районах Ленинградской области // АО 1984 г. М., 1986. С. 20; Мартинович Н.У. Обследование памятников Псковского района // АО 1980 г. М., 1981. С. 20.
- ¹⁵ Хвоцинская Н.В. Западные районы Новгородской земли... С. 36, 46, 54.
- ¹⁶ Там же. С. 36, 43.
- ¹⁷ Хвоцинская Н.В. О некоторых различиях курганов северо-запада Новгородской земли // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 36; Она же. Западные районы Новгородской земли... С. 63, 65.
- ¹⁸ Хвоцинская Н.В. Западные районы Новгородской земли... С. 32, 46.

¹⁹ Там же. С. 36, 46.

²⁰ Там же. С. 40.

²¹ Попов С. Г. Исследования городища Сторожинец // История и археология Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков, 1988.

²² Хвоцинская Н. В. Западные районы новгородской земли... С. 103, 105.

²³ Там же. С. 17.

²⁴ Там же. С. 103.

²⁵ Ученый каталог археологических памятников Ленинградской области // Архив ЛОИА. Ф. 2. Д. 725, 1931. С. 26.

²⁶ Хвоцинская Н. В. Западные районы Новгородской земли...: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978. С. 8, 9, 15.

²⁷ Харлашов Б. Н. К вопросу о происхождении и развитии погостов писцовых книг в Псковской земле // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков, 1986. С. 33.

²⁸ Спиридонов А. М. Северное Приладожье и Прионежье в X-XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 15.

Г. А. Массалитина

МОШИНСКИЙ КЛАД

Клад, обнаруженный в конце XIX в. Н. И. Бульчевым при раскопках городища Мошины (бассейн верхней Оки) является интереснейшим памятником римского периода и начала эпохи переселения народов. Он оказался одной из первых в ряду аналогичных ему находок и с тех пор не переставал привлекать внимания исследователей. Этот неослабевающий интерес связан с наличием в кладе большого числа изделий с выемчатой эмалью, которые остаются важнейшим источником по воссозданию этногенетических и общеисторических процессов в Восточной Европе в первой половине I тысячелетия н. э. Вопросы происхождения, этнической принадлежности и хронологии эмалей являются предметом более чем вековой дискуссии. Полемическую заостренность проблеме придает связь этих изделий с вещевым комплексом археологических культур, изучение которых занимает важнейшее место в раннеславянской проблематике.

Задача настоящей статьи заключается не в многоаспектном анализе клада на широком фоне восточноевропейской истории, а в уточнении и конкретизации его даты и на этой основе - в попытке по-новому взглянуть на некоторые вопросы в истории функционирования Мошинского городища.

Хронология изделий Мошинского клада представляет особый интерес не только в связи с общим вниманием к этим предметам. Он объясняется еще и тем обстоятельством, что в свое время на основе анализа изделий клада была датирована целая группа верхнеокских городищ, относящихся к мошинской культуре². Предложенная датировка культуры - IV-VII вв. н. э. стала традиционной, и за прошедшие 50 лет не было сделано ни одной попытки пересмотреть или, напротив, обосновать ее,

опираясь на значительно пополнившиеся материалы и изменившиеся взгляды на многие моменты истории племен Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э.

В настоящее время в изучении изделий, украшенных выемчатой эмалью, достигнуты большие успехи. В частности, для многих категорий украшений созданы типологические ряды, детально разработана их хронология. Но, учитывая обширность территории, на которой обнаружены эмали, разнообразность населения, в среде которого они были широко распространены, противоречивость мнений о месте, времени изготовления, путях их распространения, представляется, что при определении времени бытования эмалей на конкретном памятнике решающую роль должен играть анализ условий находки изделий. Опора на место изделий в типологическом ряду должна носить подчиненный характер, поскольку свое место в этом ряду, а соответственно и дату вещь получает на основе классификации по формальным признакам. Логика развития вещи и логика рассуждений автора, пытающегося это развитие проследить, могут не совпадать. Свидетельством этому служат типологические ряды, созданные, например, для треугольных лунниц или намеченные для больших лунниц-держателей, где одна и та же вещь у разных исследователей занимает различную позицию³.

Все указанное особенно относится к эмалевым изделиям верхней Оки - району, удаленному от мест массовой концентрации эмалей.

Клад, как известно, был обнаружен у подошвы вала, под древнейшей из его насыпей. Насыпь вала содержала изделия, аналогичные найденным в кладе. Это, а также отсутствие подобных изделий на площадке городища, привели Г. Ф. Корзухину к выводу о том, что первоначально поселение было неукрепленным, а впоследствии культурный слой с площадки городища был использован на сооружение вала⁴. Новые материалы, полученные в результате работ И. К. Фролова на городище и примыкающем к внешней стороне вала селище, а также более внимательное знакомство с материалами Н. И. Бульчева дают возможность решить этот вопрос иначе.

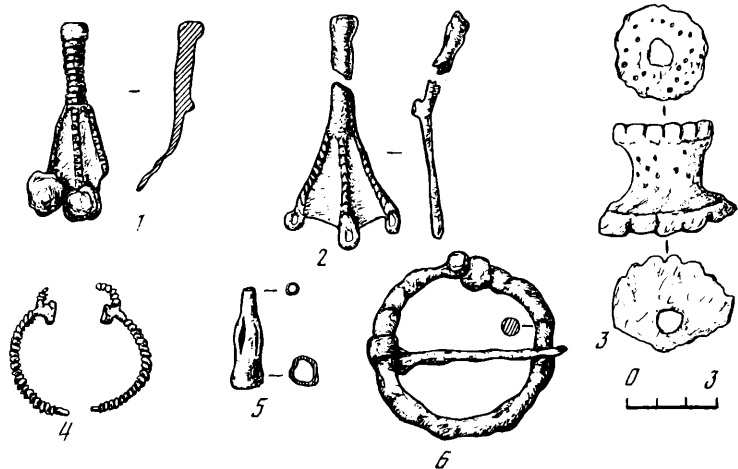
Н. И. Бульчев, прорезавший вал несколькими траншеями, выявил три напластования, из которых состояла насыпь⁵. Самое нижнее было обложено булыжником по внутреннему склону; два других, видимо, отличались друг от друга по характеру (Н. И. Бульчев не оставил описания слоёв). Все находки, о которых говорилось выше, были сделаны в верхней и средней частях насыпи; нижний слой, под которым был обнаружен клад, находок не содержал. На площадке городища в результате многолетних работ И. К. Фролова собрана большая коллекция изделий, синхронных тем, которые содержались в насыпи вала и в кладе. Им же установлено, что вал покоился на тонком слое подзолистой почвы, а следовательно, был возведен в то время, когда культурный слой на поселении отсутствовал⁶.

Таким образом, строительство оборонительного сооружения, первоначально в виде невысокой (около 1,5 м) насыпи, относится к началу функционирования городища. Спрятать клад под такой насыпью его владельцу не составляло труда.

Культурный слой на площадке городища также состоит из трех напластований. Верхний, древнерусский слой, часто отделен от нижележащих стерильной прослойкой глины или извести. Самый нижний, очень тонкий, характеризуется находками вещей, которые известны в позднедьяковских и более восточных, прикамских древностях, в напластовании II-IV вв. н. э.⁷ (рис. 1).

* Рис. 1. Находки
нижнего слоя горо-
дища (1-3, 5, 6)
и селища (4) Мощины

1, 2, 5 - подвески;
3 - грузик; 4, 6 -
застежки. 1, 2, 4 -
бронза; 3 - глина;
6 - железо

Средний слой, с
которым связана ос-
новная часть жилых
и производственных
сооружений, насыщен
керамикой мощин-
ского типа. Здесь

же найдено множество металлических изделий, при этом находки, специфичные для второй половины I тысячелетия н. э., не обнаружены. Вещи, имеющие широкий хронологический диапазон, надежным основанием для вывода о функционировании городища во второй половине I тысячелетия н. э. служить не могут.

Насыпь вала содержит находки, характерные для всех трех напластований, что свидетельствует о сооружении его в несколько приемов.

Н. И. Бульчев полагал, что жизнь на городище в середине I тысячелетия н. э. прекратилась в результате внешнего нападения, когда одна часть населения погибла, а другая часть вынуждена была его покинуть. Свидетельством первого он считал остатки шести человеческих черепов, обнаруженных почти у материка, неподалеку от места, где найден клад. Поза единственного сохранившегося костяка не позволяла видеть в нем погребенного. Свидетельством второго - зарытый клад. Надо заметить, что ни одного дополнительного доказательства происходящей на городище «ожесточенной драки» многолетние раскопки И. К. Фролова не принесли. А очень тщательно уложенные вещи клада («... диадемы были сложены... как обручи на бочке») не наводят на мысль о поспешном бегстве.

Г. Ф. Корзухина, принимая предположение о гибели городища, относила его к VI в. Основанием для этого послужила находка проволочного браслета с расплюснутыми концами в виде утиной головки в насыпи вала и пара окских фибул в самом кладе. Эти находки, по мнению Г. Ф. Корзухиной, датируют городище VI в., так как в рязано-окских могильниках, по хронологической шкале П. П. Ефименко, они датируются VI-VII вв. Эта шкала, созданная еще в 20-е годы и пересмотренная вскоре самим автором, а позже А. К. Амброзом, в настоящее время если и может быть использована, то с большой осторожностью, поскольку процесс ее пересмотра продолжается. Даже если дата браслетов в могильниках рязанского течения Оки определена верно, это не может служить основанием для отнесения времени запустения городища к VI-VII вв. Этому противоречит весь комплекс находок из культурного слоя. Кроме того, небольшой фрагмент изделия, принятый Г. Ф. Корзухиной за браслет, мог быть частью гривны. Гривны с подобными концами широко распространены в азелинской культуре III-V вв.

Обратимся к анализу самого клада. Мощинский клад - самое крупное на сегодняшний день собрание изделий с эмалью в одном комплексе. Его характеризуют разнообразие входящих в него украшений и серийность некоторых из них. С точки зрения состава эмалевых изделий клада, набор не выглядит продуманным, не составляет единого комплекта. Наряду с сериями лунниц, треугольных фибул, браслетов, крестчатых привесок, в него входят отдельные различные по конфигурации звеньев-цепедержатели от парадных цепей, фрагмент цепи от ритона, единичная накладка. Такая же случайность в наборе, фрагментарность характерна и для других вещей. И состав клада, и способ употребления некоторых из его изделий (соединение треугольных фибул, цепедержателей и колокольчатой привески в единое, «пышное, но бессмысленное» украшение) в свое время вызвали предположение о случайности появления эмалей на верхней Оке - покупка или военный трофей¹¹. Н. И. Бульчов, сопоставляя изделия клада с находками в насыпи вала и на площадке городища, отмечал резкое их различие¹².

В настоящее время тезис об исключительности мощинских находок с эмалью устарел. Украшения, аналогичные содержащимся в кладах, неоднократно встречены на поселениях мощинской и соседней с ней культур (городища Дуна, Федяшево¹³, Ленское¹⁴, Огубское, Луковня¹⁶, Дьяково, Боровский курган, Кузнечики, Шербинское¹⁵, Демидовка¹⁶, селища Шепилово¹⁷, Мошины I¹⁸).

Систематические раскопки Мощинского городища дали большую коллекцию как предметов с эмалью, так и без нее, за которыми в литературе закрепилось название «изделия круга выемчатых эмалей» из-за постоянной взаимовстречаемости с эмальями. Помимо треугольных лунниц, к ним относятся браслет с тремя валиками на ободке, пирамидальные колокольчики с шариками зерни по углам основания, пластинчатая бляха со штампованным орнаментом, красные пастовые бусы в форме «кирпичика», привески в виде полумесяца, спиральные бронзовые пронизи (рис. 2). Изделия этого же круга встречены и на других памятниках мощинской и дьяковской культур. Все это позволяет рассматривать Мощинский клад не как удачную покупку или объект добычи, а набор вполне характерных для бассейна верхней Оки изделий. Это дает возможность при определении даты всего комплекса опираться на наблюдения за распределением аналогичных им изделий в слоях хорошо стратифицированных поселений, например, селища Мошины I, синхронного городищу, и некоторых городищ дьяковской культуры.

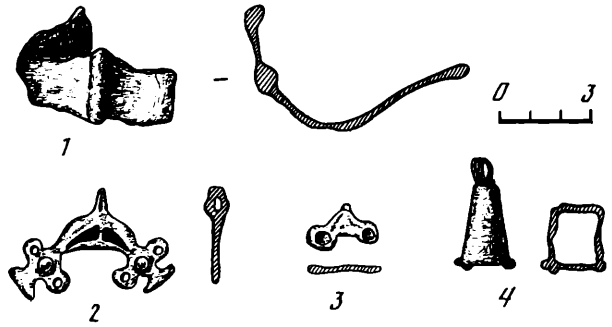
Серия лунниц дьяковского городища, типологически близких мощинским, происходит из закрытого комплекса - спекшился в один комок лунницы обнаружены между обманными глиной полами неоднократно перестраивавшегося жилища. Для горизонта, с которым связана эта постройка, установлены¹⁹ узкие хронологические рамки - вторая четверть I тысячелетия н. э.

По одной луннице, близкой по типу встреченным в кладах, обнаружено в постройках 1 и 2 селища Мошины I, относящихся к верхнему слою, синхронному среднему горизонту культурного слоя городища. Обе постройки перекрывают или пререзают нижний горизонт культурного слоя с вещами II-IV вв., соответствующий нижнему слою городища. И. К. Фролов относил обе постройки ко времени не ранее IV-V вв.²⁰

Маленькие треугольные лунницы, одна из наиболее распространенных категорий украшений с эмалью, чаще других привлекали внимание исследователей. Типологический анализ развития форм этих изделий позволил выделить несколько этапов в их эволюции. По типологии И. К. Фролова мощинские лунницы относятся к этапам Б и В, т. е.

Рис. 2. Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей с площадки городища (1, 4) и селища (2, 3)

1 - браслет; 2-4 - подвески

датируются IV-V вв.²¹, по Е. Л. Гороховскому эти же этапы относятся к III-IV вв., не исключается возможность удревнения²². Опора на схемы, предложенные для лунниц И. К. Фоловым и Е. Л. Гороховским, не позволяет получить узкую дату лунниц Мощинского клада. Если встать на позицию этих авторов и допустить равномерность в скорости эволюции этапов, остается признать растянутость дат мощинских лунниц во времени и считать клад комплексом длительного накопления. Однако вполне допустимо и признание неравномерной скорости эволюции, влекущей за собой синхронное бытование изделий различных эволюционных этапов. Кроме того, могло иметь место переживание форм, когда изделия предыдущего этапа сосуществуют с недавно возникшей формой: этот случай не дает оснований предполагать растянутость дат изделий клада. Вероятность обоих предположений одинакова, поэтому вслед за Н. А. А. Кренке считаем возможным датировать лунницы клада лишь в широких пределах III-V вв.²³

В рамках данной работы нет возможности подробно останавливаться на анализе хронологической позиции всех представленных в кладах изделий. Большинство из них, имея отношение к вполне определенному кругу древностей, может быть датировано на основе более или менее точных аналогий или на основе постоянной взаимовстречаемости с вещами, обладающими надежной датой. В первую очередь это относится к изделиям клада, имеющим аналогии в комплексах восточнолитовских курганов, городах Северо-Западного Причерноморья, в хорошо стратифицированных поселениях дьяковской культуры (браслеты с эмалью и без нее, пирамидальный колокольчик, пластинчатые гривны, гривна, витая из трех проволок, некоторые типы бус). Даты, которые получают вещи клада на основе сопоставления в перечисленных древностях, укладываются в интервал времени, предложенный для лунниц - III-V вв.

Бусы, в большом количестве обнаруженные в кладах, подразделяются на 16 типов. Наряду с бусами, распространенными только в римское время (с ковровым орнаментом, нанесенным на мозаичную основу, красные пастовые в форме «кирпичика», полые металлические), в нем содержатся и типы, доживающие до средневековья. Принимая во внимание специфичность рассматриваемого комплекса - клад, - невозможно допустить большого разброса во времени дат его изделий. Поэтому датировку бус клада следует ограничить временем употребления предметов с эмалью и изделий их круга.

На двух изделиях клада необходимо остановиться подробнее. Речь идет о паре фибул, за которыми в литературе не закрепилось определенного названия. Их называют фибулами «типа мощинских городищ», «типа найденных в курганах Шаньково-Почепок», «местными окскими с кнопкой на ножке» или просто «окскими».

Область распространения действительно охватывает ограниченную территорию - бассейн верхней и средней Оки. Название «окская с кнопкой» не совсем удачно, поскольку не характеризует всю известную серию в целом. Для удобства дальнейшей работы всю группу будем называть «окской», не настаивая на термине.

Окские фибулы интересны тем, что именно их присутствие в кладах, как уже упоминалось, послужило основой для отнесения времени его зарытия к VI в. Там же отмечалось, что эти предметы не входят в круг изделий с выемчатой эмалью.

Рассматриваемые фибулы знакомы исследователям прежде всего по погребальным комплексам: на верхней Оке - в курганах типа Шаньково-Почепок²⁴, в среднем течении Оки - в группе рязано-окских могильников²⁵.

Известны случаи, когда фибулы встречены вне комплексов погребений: это два экземпляра Мощинского клада и по экземпляру с городищ Поречье, Огубское и Серенск²⁶.

Прежде чем оценить справедливость мнения о дате сокрытия клада, необходимо рассмотреть всю серию окских фибул с выделением внутри нее вариантов. К варианту 1 относятся фибулы Мощинского клада, Серенского и Огубского городищ (рис. 3, 2). Фибулы из верхнеокских курганов и среднеокских могильников, а также экземпляр из Поречья принадлежат к варианту 2 (рис. 3, 3).

Оба варианта, несомненно, представляют два этапа в развитии окских фибул. Прототипом этой группы послужили, вероятно, сильнопрофилированные фибулы западных типов с гребешком на дужке и кнопкой на ножке (рис. 3, 1), центром производства которых во II-III вв. была Северная Паннония (тип Альмгрен-84). Развитие шло в направлении уменьшения профилированности корпуса, его расширения, изменения формы кнопки: она превращается в диск. Гребень на корпусе исчезает, его место обозначается лишь бороздками.

Правильность построения рядов должна быть обоснована хронологией комплексов. Опорой при определении вероятной даты фибул варианта 1 служит экземпляр из Серенска, так как огубская находка происходит из перемешанного культурного слоя. Серенская фибула обнаружена в нижнем слое городища, где наряду с ней найдены две железные фибулы IV в. - воинская двучленная и подвязная, типичная для черняховской культуры.

Фибулы варианта 2 по хронологической шкале П. П. Ефименко (с поправками) датируются V-VI вв. А. К. Амброз относит их к VII в.²⁷ При попытке определить дату варианта 2 нельзя не учитывать экземпляр из Поречья, который, несомненно, происходит из нижнего слоя городища. С этим же слоем связана пластинчатая гривна, аналогичная найденным в Мощинском кладах и в слоях некоторых поселений дяковской культуры, а также черешковый жаловидный наконечник стрелы, часто встречающийся в рассматриваемом регионе в слоях поселений первой половины I тысячелетия н.э. Сочетание пластинчатой гривны и подобног наконечника в одном стратиграфическом горизонте IV-V вв. известно на Троицком городище²⁸. Это позволяет и нижний слой Поречья датировать в этих же пределах. Другие находки из слоя не противоречат этой дате - напротив, они допускают вероятность удревнения²⁹.

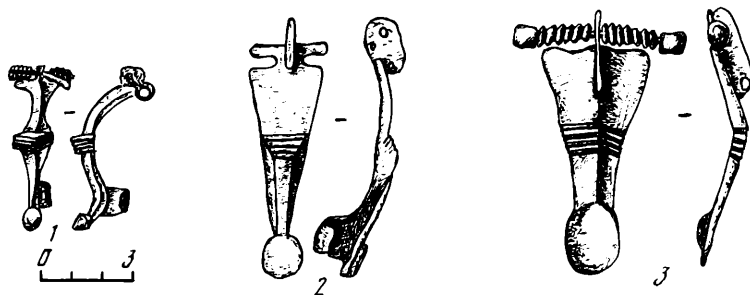

Рис. 3. Окские бронзовые фибулы и их прототип

1 - Ольвия; 2 - городище Огубское; 3 - городище Поречье

Г. Ф. Корзухина, относя мощинскую фибулу к VII в., опиралась на датировки П. П. Ефименко и А. К. Амброза. Если в отношении рязанских могильников эта дата как вероятная может быть принята, то для мощинских экземпляров, типологически более ранних, она должна быть отвергнута. Учитывая тождество мощинских фибул с серенской, считаем возможным датировать их IV в.

Что касается утверждения об инородности окских фибул изделиям круга выемчатых эмалей, то с ним также нельзя согласиться. Их прототипы - Альмгрен-84 и подобные им не были чуждыми в среде изделий с эмалью, совместно с ними они найдены в Прибалтике. Е. Л. Гороховский считает дериватами типа Альмгрен-84 выделенную им первую серию Т-образных фибул со вставками эмалевых гнезд³⁰.

Несмотря на разнообразие входящих в состав Мощинского клада предметов, весь их набор характеризуется стилистическим единством и включает в себя изделия одного круга древностей. Их стилистический анализ, а также условия находки клада в контексте конкретного памятника позволяют предполагать лишь широкоую дату клада - III-V вв. Не разделяя мнения о гибели городища, считаем все же вполне возможным связывать зарытие клада с одним из последних этапов его функционирования в середине I тысячелетия н. э., так как изделий, относящихся к более позднему времени, на поселении не обнаружено.

¹Бульчов Н. У. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899. С. 15-21.

²Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена // МИА. М., 1941. N 6. С. 19.

³Фролов У. К. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980. С. 111-124; Кухарская Е. М., Терпиловский Р. В. Некоторые типы лунниц III-V вв. в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С. 75, 76.

⁴Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатой эмалью V - середины VI в. в Среднем Поднепровье // САИ. Л., 1978. Вып. E1-43. С. 55.

- ⁵ Булычов Н.И. Журнал раскопок... С. 16.
- ⁶ Фролов У.К. Работы Среднерусской экспедиции // АО 1979 г. М., 1980. С. 91.
- ⁷ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // Вопр. археологии Урала. Ижевск, 1970. Вып. 10. Табл. XIX, 5, 17, 18, 21; Он же. Азелинская культура III- V вв. // Там же. 1963. Вып. 5 Табл. 1, 12; Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987 // Архив ИА. Р-2, 2392. С. 82, 113. Рис. 88.
- ⁸ Булычов Н.И. Журнал раскопок... С. 17.
- ⁹ Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатой эмалью... С. 55.
- ¹⁰ Генинг В.Ф. Азелинская культура... Табл. XXII, 11.
- ¹¹ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1984. С. 53, 54.
- ¹² Архив ЛОИА. Ф. 1, N 23. 1886. С. 107.
- ¹³ Никольская Т.Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. // МИА. М., 1959. N 72. С. 99, 118.
- ¹⁴ Раскопки И.К. Фролова 1978 г. Судьба находок неизвестна. Устное сообщение калужского краеведа В.П. Есипова, участника многих экспедиций И.К. Фролова. По его словам, изделия из городища Ленское, расположенного по соседству с Мошинским, аналогичны находкам последнего.
- ¹⁵ Кренке Н.А. Культура населения... Рис. 89.
- ¹⁶ Шмидт Е.А. Исследования в Смоленском Поднепровье // АО 1967 г. М., 1968. С. 42. Рис. 1, 2.
- ¹⁷ Узюмова С.А. Бронзовые лунницы с городища у д. Щепилово // СА. 1958. N 4. С. 203. Рис. 1.
- ¹⁸ Архив ИА. Р-1, 5679, 1975.
- ¹⁹ Кренке Н.А. Культура населения... С. 87.
- ²⁰ Фролов У.К. О домостроительстве первой половины I тысячелетия н.э. на территории Подесенья и Поочья // СА. 1979. N 1. С. 67.
- ²¹ Фролов У.К. Лунницы с выемчатой эмалью... С. 111-124.
- ²² Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1981. С. 75, 76.
- ²³ Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. 1988. Вып. 194. С. 41.
- ²⁴ Булычов Н.И. Журнал раскопок... С. 5-7.
- ²⁵ Ефименко П.П. Рязанские могильники // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1.
- ²⁶ Никольская Т.Н. Культура племен... С. 43. Рис. 15, 8; Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974. Табл. 5, 20; Фролов У.К. Нижний слой городища Серенск // МИА. М., 1970. N 176. С. 80-82.

- ²⁷Ефименко П. П. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. по археологическим источникам // СА. 1937. N 2. С. 50, 80; Амброз А. К. Проблемы средневековой археологии Восточной Европы // СА. 1971. N 3. С. 113.
- ²⁸Дубынин А. Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970. Табл. 13, 19.
- ²⁹Материал не опубликован. ГИМ. Инв. N 37918.
- ³⁰Гороховский Е. Л. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982. С. 133, 134.

ПОЛЕВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

ЛЕТОПИСНЫЙ ГОРОД КСНЯТИН И ЕГО НЕКРОПОЛЬ НА СУЛЕ

Наиболее раннее упоминание Кснятина содержится в «Поучении» Мономаха между событиями 7 мая 1107 г. и 12 января 1108 г.: «Бонякъ приде со всеми половци къ Кснятию, идохом за не ис Переяславля за Сулу...»¹ В «Списке русских городов» он именуется как Сокнятин². Название происходит от древнерусского варианта имени Константин (Къснята)³.

В грамоте Бориса Годунова (1605 г.) упомянуто «Снетино городище», у Боплана обозначен просто «Sniatin», а в универсале Мазепы (1689 г.) отмечено «пустелое городище Снетин»⁴; последнее было кратко описано в 1873 г.⁵

В конце XIX в. В. Г. Ляскоронский отождествил летописный город с городищем в с. Снитин, опубликовал подробное описание и план укреплений⁶.

Раскопки Н. Е. Макаренко в 1907 г. выявили на городище полностью перемешанный культурный слой мощностью до 1 м, укрепления с применением деревянной конструкции к этому времени оказались большей частью уничтожены. Памятник и позже посещался археологами: в 1945 г. - Ф. Б. Копыловым, а в 1971 г. - М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым⁷. Городище учтено в сводке И. И. Ляпушкина и археологической карте поселений Среднего Поднепровья⁸.

В 1979 г. остатки укреплений уничтожены при строительстве дороги.

Городище располагалось на краю второй надпойменной террасы правого берега Сулы (8 м над уровнем поймы), в старом центре села (уроч. Городок, Бурты). Диаметр округлой в плане площадки около 170 м (2,24 га); она защищалась кольцевидным валом высотой до 4 м и рвом. В северной и южной частях укрепления разрезаны сквозным проездом к броду (рис. 1). К юго-западу от городища В. Г. Ляскоронским прослеживались еще две линии валов с рвами (посад?). Селище охватывает крепость полукольцом с напольной стороны, площадь его более 20 га.

Наиболее ранний керамический материал первоначального поселения хранится в Полтавском краеведческом музее (сборы Сквирской 1954 г.), он относится к так называемым «курганным типам» и датируется концом X - началом XI в. (рис. 2, 1). Подобной керамики с «воротничком» относительно немного, хронологически она хорошо увязывается с

синхронной роменской посудой позднего этапа, известной здесь по подъемному материалу и из коллекции раскопок Н. Е. Макаренко (хранящейся в Гос. Эрмитаже). К этому же времени относится хранящийся в снитинском сельском музее узколезвийный железный топор с вырезным обухом и щекавицами (рис. 3, 5); подобные топоры встречаются в дружинных погребениях X-XI вв. в большинстве русских областей¹².

Из находок, сделанных на городище, наиболее полный типологический ассортимент фрагментов круговой посуды представлен сборами Ф. Б. Копылова (Лубенский краеведческий музей). Керамика характеризуется хорошо отмученным и промешанным тестом, черепок тонкий, звонкий, хорошего обжига. Профилировка более ранней посуды отличается реликтовыми пережитками «воротничка» и появлением бороздки на внутреннем крае венчика. В целом посуда датируется серединой XI - началом XIII в. (рис. 2, 3; 3, 1); среди находок - фрагмент херсонесской амфоры XI-XIV вв.¹³ (рис. 3, 2). Аналогична керамика из раскопок Н. Е. Макаренко, им найден также ключ от цельно-деревянного врезного замка «с желудями» (первого типа - рис. 2, 2), бытовавшего в Новгороде в X и XII вв.¹⁴

На селище из зачисток и подъемного материала нами собрана керамика, основная масса которой синхронна времени существования укрепления (рис. 2, 5; 3, 3, 4, 6, 8, 9).

В литературе сложилось представление еще об одном городище на территории Снитина. В 0,8 км к северо-западу от круглого городища над долиной Сулы нависает высокий и узкий отрог третьей надпойменной террасы. Боковые склоны отрога крутые, мысовой склон полого спускается к круглому городищу. По верху отрога от плато ответвляется узкая треугольная в плане и неровная площадка длиной до 150 м и шириной до 30 м. По плану В. Г. Ляскоронского, площадка была укреплена двумя узко расходящимися и повторяющими периметр мыса лучами земляных валов, причем перемычки напольного вала между ними не было, а вместо нее на площадке заходили древнерусские курганы¹⁵.

К настоящему времени следы валов исчезли. В 1971 г. М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым на этом месте были собраны обломки роменской и древнерусской керамики¹⁶. Мысовое укрепление могло функционировать только ранее XI в., когда здесь появились курганы.

В ближайших окрестностях Кснятина располагались два курганных могильника. Меньший из них размещался в 0,9 км к югу от крепости, в 50-е годы он был уничтожен при закладке сельского парка.

Другой могильник сохранился в 1 км к северо-западу от городища, справа от дороги в г. Лохвицу. Он расположен на высоком (более 40 м над уровнем поймы) мысе третьей надпойменной террасы, образованном стыком долин Сулы и впадающей в нее справа р. Сулицы (в середине XVI в. эта доминирующая над долинами обеих рек высота именовалась «Княжею Горой»¹⁷). С севера могильник ограничен рвом, с запада - кладбищем и с юга - склоном в долину. По Д. Я. Самоквасову (сведения 1873 г.) могильник насчитывал 1700 насыпей¹⁸, Ф. Б. Копылов выявил здесь до тысячи курганов; в 1984 г. инструментальной съемкой учтена 501 насыпь и более 50 прослеживаются на территории кладбища.

Курганы имеют полусферическую форму, задернованы (часть поросла ковылем), ровики прослеживаются очень редко. 42 % насыпей несут следы повреждений, из них только 36 курганов, вероятно, окончательно уничтожены квадратными колодцами, траншеями и ямами. Высота насыпей от 0,1 до 2 м; наиболее распространены курганы высотой от 0,2 до 0,6 м (56 %) и диаметром от 3 до 6 м, курганы высотой 1,3-2 м составляют лишь 7 % от их общего числа.

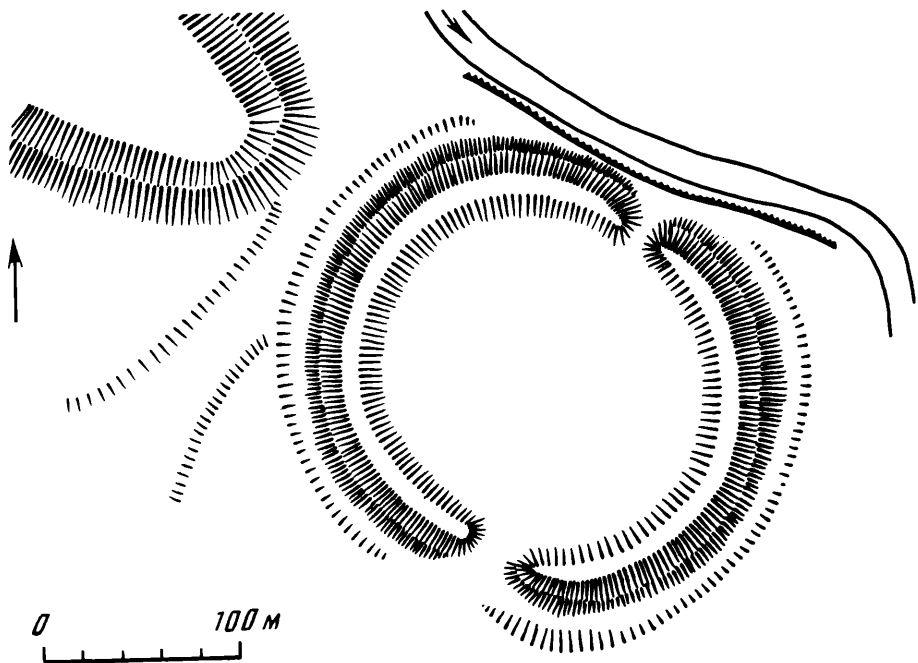

Рис. 1. План укреплении Княтина (по В. Г. Ляскоронскому)

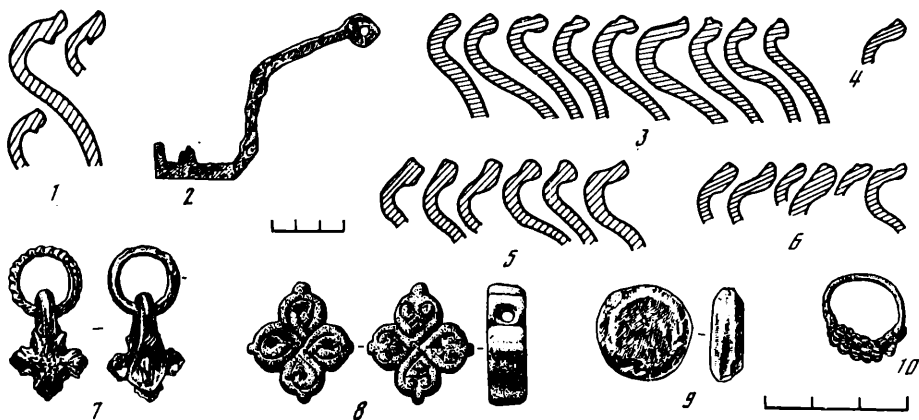

Рис. 2. Фрагменты керамики и вещевые находки

1-3, 5, 6 - городище и селище; 4, 7-10 - могильник
 1, 3-6 - фрагменты посуды; 2 - ключ; 7 - ременная накладка; 8 - крестик; 9 - бусина; 10 - кольцо
 1, 3-6, 8 - глина; 2 - железо; 7, 10 - бронза; 9 - сердолик

Раскопки Д. Я. Самоквасова и И. Я. Стеллецкого (начало XX в.) показали, что по обряду¹⁹ и вещам снитинские курганы близки черниговским и переяславским²⁰. В сельском музее хранится несколько случайных находок, сделанных во время прокладки через памятник шоссейной дороги. В одном из разрушенных погребений найдена большая серебряная ширококорая лунница конца X - второй половины XII в.²¹ вместе с золото-стеклянными бусами, датируемыми в основном XI в. В другом кургане был обнаружен витой из трех проволок петлеконечный перстень. Подобные в Новгороде известны в слоях от 30-х годов XII до конца XIII в.²²

Нами раскопано 12 насыпей в разных частях могильника. Стратиграфия большей частью не читается, поскольку и насыпь, и почвенный слой из чернозема. Могильные ямы прослеживаются только в материке, ниже уровня 1,1 м от современной поверхности (такова мощность чернозема). Некоторые стратиграфические наблюдения получены только на одном кургане (422): погребенный дерн (0,1 м) прорезан могильной ямой, над которой возведена насыпь из чернозема с вкраплением материкового суглинка высотой 0,9 м. Насыпь перекрыта слоем чистого чернозема (0,2 м), образовавшегося после насыпки кургана. Погребенный дерн ниже современной дневной поверхности на 0,2 м (глубины могильных ям везде отсчитывались от этой условной точки древней поверхности).

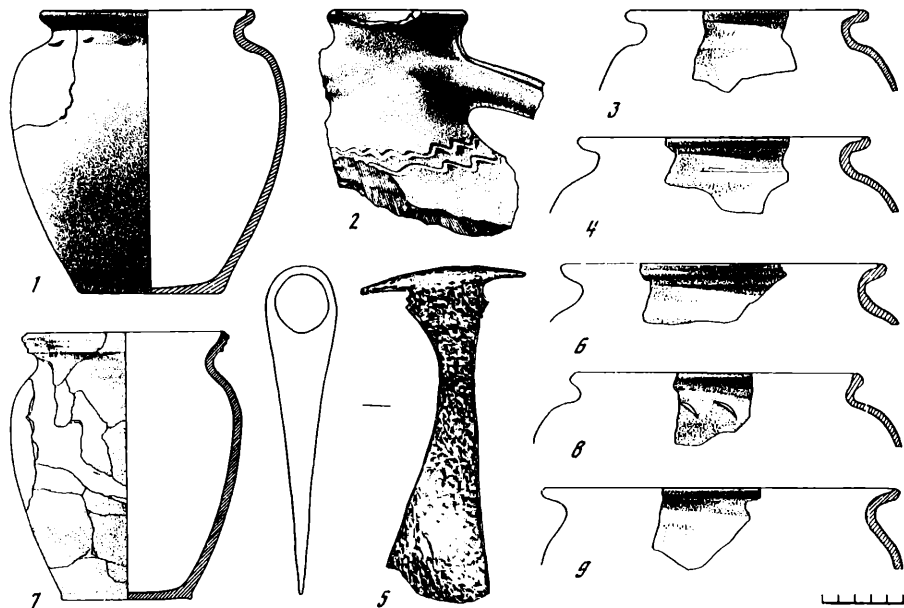

Рис. 3. Железный топор и керамика

1, 2 - городище; 3-6, 8, 9 - селище, 7 - могильник

В каждом кургане содержалось по одному погребению, совершенному в ямах вытянуто на спине головой на запад (с сезонными отклонениями); наблюдались вариации в положении рук (вытянуто, на груди, на плечах, на тазе). Деревянные элементы погребальных сооружений могил

сохранились плохо: прослеживаются тлен от гробов и гвозди; иногда над скелетом фиксируются остатки плах перекрытий ямы (см. таблицу). один курган ограблен настолько, что не сохранилась даже форма могильной ямы; ограбление другого лишило нас возможности изучить скелет и сопровождающий инвентарь.

По обряду и инвентарю раскопанные погребения делятся на две группы.

Т а б л и ц а
Погребальный обряд

№ кургана	Насыпь			Могильная яма			Погребальное сооружение			Пол
	высота	диаметр	тризна	глубина	размеры	ориентировка	гроб	гвозди, шт.	перекрытия ямы	
26	0,5*	6	-	1,1	1,9x0,6	З	+	6	0,4**	Муж.
63	0,6	6	-	0,8	Не прослежены	СЗ	-	-	-	Жен.
119	0,6	6	-	1,0	2,0x0,7	З	+	7	-	Муж.
197	0,6	6	-	1,2	2,27x0,8	ЮЗ	+	-	-	Жен.
251	0,5	6	+	1,0	1,8x0,6	СЗЗ	-	-	0,5	<
281	0,2	4	-	1,2	2,3x0,7	СЗЗ	+	-	-	<
282	0,5	4,6	-	1,1	1,5x0,5	ЮЗ	+	1	-	Ребенок 6-7 лет
390	0,4	5	+	0,9	2,2x0,7	СЗ	-	-	-	Муж.
442	1,2	9	-	1,3	Ширина 0,5	З	+	10	-	<
499	0,6	6	-	0,8	Не прослежена	СЗЗ	+	9	-	<

* Параметры указаны в метрах.

** Указана высота расположения перекрытия над уровнем скелета.

Количественно преобладает группа более поздних погребений (первая). Инвентарь в них или отсутствует (курганы 26 и 119), или представлен круглопроволочными перстнями с сомкнутыми или заходящими концами (281, 390, 442, 499) и височными перстнеобразными кольцами (197, 281, 282). Для погребений мужчин характерно наличие перстня, женщинам клали в могилу височные кольца (197) или гарнитуры из перстня и височных колец. Диаметр перстней и колец почти одинаков - 1,7-2 см (перстни несколько более массивны).

При погребении ребенка (курган 282) наряду с перстнеобразными височными находились два редко встречающихся кольца с навитой на круглую основу тонкой спиралью (рис. 2, 10). Находки подобных украшений («кудрявых», - по типологии В. П. Левашевой) территориально тяготеют к северу Руси (возможно, сюда они занесены с Запада); рамки бытования весьма широки; в Новгороде встречены в слоях конца X в. и второй половины XIII в.²³

Почти все погребения этой группы совершены в деревянных гробах (исключение составляет курган 390, где без гроба погребен мужчина с

перстнем).

В насыпи кургана 197 обнаружен фрагмент оселка и кругового венчика XII в. Остатки тризны прослежены в кургане 390: по всей насыпи рассеяны редкие угли; встречены также обломки гвоздей, обломок амфоры, стенки горшков, фрагмент венчика XII в. (рис. 2, 4) и обломки разбитого гончарного сосуда середины XI в. с характерным рифленным венчиком - реликтом раннего «воротничка» (рис. 3, 7).

Погребения этой группы совмещены не ранее XII в.; из них наиболее древним, вероятно, следует считать курган 390 (погребение мужчины без гроба в самой мелкой могильной яме и с остатками тризны в насыпи).

Ко второй, более ранней группе погребений относятся курганы 63 и 251. По обряду и инвентарю они резко отличаются от поздней группы погребений. Два женских захоронения совершены без гробов; могильные ямы наиболее мелкие (соответственно 0,8 и 1 м ниже уровня погребенной почвы) и занимают меньшую площадь по сравнению с ямами курганов первой группы.

В насыпи кургана 251 прослежены остатки тризны: угли, много костей животных²⁴, отдельные круговые черепки и фрагменты венчиков сосудов XI-XII вв. (рис. 2, 6), а также крестопорезной грушевидный бубенчик середины X - середины XII в.²⁵

Инвентарь погребения кургана 63 представлен перстнеобразными височными кольцами и круглопроволочным перстнем. Вместо тельника на шее погребенной висела медная концевая ременная накладка в форме крестика с криновидными концами (рис. 2, 7). Вблизи головы найден керамический крестик, орнаментированный двумя вариантами плетенки и криновидными ростками (рис. 2, 8); он вырезан из обожженной глины, рисунок прочерчен резцом, отверстие изготовлено двусторонним сверлением (трассологическое определение М. Г. Жилина).

Датирующие находки представлены двумя стеклянными битрапециоидными бусами синего цвета (пропорции 1:1), бытовавшими в Новгороде в основном в XII, включая и рубеж XI-XII вв.²⁶, и монетовидной сердоликовой бусиной (рис. 2, 9) - подобные известны в погребениях с X по²⁷ XII в., но основной их приток с Востока прекратился в XII в.

При погребении кургана 251 расчищены: проволочный перстень, перстнеобразные височные кольца, золото и серебро-стеклянные бусы с каймой стекла по краям и янтарная бипирамидальная бусина X-XII вв. Наиболее вероятная дата обоих погребений - вторая половина - конец XI в.

Кснятин в XII в. входил в состав Посульской волости Переяславской земли²⁸ и тяготел к летописному г. Лохвице, вероятно, ключевой крепости в системе защиты от кочевников этого оборонительного узла юго-восточной границы Руси. Город был построен на твердых бродах через сильно заболоченную пойму Сулы, на хорошо известной половцам дороге в глубинные районы Переяславской земли.

Большая площадь крепости и посада, наличие двух значительных курганных могильников и узловое стратегическое положение укрепления показывают, что Кснятин в конце XI - начале XIII в. был крупным центром на посульской границе.

¹ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. СПб. 250.

- ²Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Ист. зап. М., 1952, Т. 40. С. 232.
- ³Стрижак С.С. Про походження назв населених пунктів в Полтавщині XIV-XVI ст. // Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1962. С. 83; *Роспонд Ст.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 29, 45.
- ⁴Сборник кн. Оболенского. М., 1838. Вып. 8. С. 8.
- ⁵Ляскоронский В.Г. Г.Л. де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901. Карта Левобережной Украины.
- ⁶Универсал Мазепы 1689 г. полковнику Илье Новицкому (изд. Н.В. Стороженко) // Киевская старина. Киев, 1897. Т. 10 (59). С. 6.
- ⁷Макаренко Н.Е. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917. С. 29.
- ⁸Ляскоронский В.Г. Остатки древнего городища в м. Снетине Лубенского у. Полтавской губ. // Киевская старина. Киев, 1896. Т. 12. С. 329-335.
- ⁹Макаренко Н.Е. Археологические испытания 1907-1909 гг. // ИАК. СПб., 1911. Вып. 43. С. 108-115; ОАК за 1907 г. СПб., 1910. С. 104.
- ¹⁰Копылов Ф.Б. Відвіт про розвідку археологічних пам'ятників середнього Посулля в 1945 р. // Архів ІА УРСР. ф. з., N 507; Кучера М.П., Сухобоков О.В. Звіт Лівобережного розвідагону ІА АН УРСР за 1971 р. // Архів ІА АН УРСР. ф. з., N 5994. С. 33, 34.
- ¹¹Ляпушкин У.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. N 104. С. 341, 342 (N 321); Кучера М.П., Сухобоков О.В., Беляева С.А., Блажевич Н.В., Горюшній П.А. и др. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984. N 359, 360. С. 146, 147.
- ¹²Кирличников А.Н. Древнерусское оружие // САИ. М.; Л., 1966. Е1-36. Вып. 2. С. 35, 36 (Тип III).
- ¹³Антонова У.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.У., Романчук А.У. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. С. 95 (Тип XXV). (Учен. зап. Урал. ун-та. Сер. ист.; N 112. Вып. 22).
- ¹⁴Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. N 2. С. 96.
- ¹⁵Ляскоронский В.Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы // Тр. XI АС. М., 1901. Т. 1. С. 440.
- ¹⁶Кучера М.П., Сухобоков О.В. Звіт... С. 34.
- ¹⁷Описание Каневского замка (1552 г.) // Архив Юго-западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов. Киев, 1886. Ч. XII. Т. 1. С. 102.
- ¹⁸Самохвасов Д.Я. Северянская земля в северяне по городищам и могилам М., 1908. С. 43.

- ¹⁹Каталог выставки XIV АС в Чернигове. Чернигов, 1908. С.51; Русанова У.П. Курганы полян X-XII вв. // САИ. М., 1966. Е1-24. С.37, N 197.
- ²⁰Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. С.103. (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- ²¹Колчин Б.А. Хронология... С.104; Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972. С.85.
- ²²Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981. С.125.
- ²³Там же. С.16.
- ²⁴Любезно проделанный В.П. Данильченко остеологический анализ показал, что для трисны использовались части свиньи и мелкого рогатого скота (по одной особи), части туш трех особей крупного рогатого скота (две молодых и одна взрослая) и части туш четырех особей лошадей (две молодых - до трех лет, одна старше 12 и одна старше 16 лет).
- ²⁵Седова М.В. Ювелирные изделия... С.156.
- ²⁶Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. М., 1956. N 55. С.169, 170.
- ²⁷Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни. Тр. ГИМ. М., 1959. Вып. 33. Т. 2. С.153-156.
- ²⁸Моргунов Ю.Ю. О территориальном делении Посульской границы // Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: (Тез. докл.). Баку, 1985.

Ф. Д. Гуревич

О ПЛАНИРОВКЕ И ЗАСТРОЙКЕ ДРЕВНЕГО НОВОГРУДКА

В 1982 г. была опубликована статья А.И. Кутового, в которой автор, характеризуя планировку древнерусских городов, писал: «Сходство в характере планировочной организации жилых кварталов городов различных земель Руси X - XII вв. свидетельствует о единстве градостроительной культуры этого периода».

Бесспорно, открытие и исследование усадеб на территории древнерусских городов является большим достижением в изучении их культуры. Наряду с новгородскими усадьбами и усадьбами других северных городов такие комплексы были выделены в Киеве и других южнорусских городах. До недавнего времени наиболее ранние усадьбы на территории Древней Руси относились к X в. Этим временем датировались первые скромные усадьбы Неревского раскопа в Новгороде. В X в. появляются усадьбы Киева, наиболее выразительно представленные на Подоле. Более ранняя дата возникновения усадеб появилась с новой атрибуцией больших домов Старой Ладogi (VIII-IX вв.), к которым, по мнению А.Н. Кирпичникова, тяготели хозяйственные строения. В отдельных случаях размеры таких усадеб достигали 700-1000 м². На земляном городище Старой Ладogi Е.А. Рябинин открыл остатки усадеб,

обнесенной частоколом, которая состояла из малого дома и хозяйственных помещений. По данным дендрохронологии этот комплекс относится к 810 г.⁴

Однако усадебный принцип застройки отнюдь не являлся единственным в Древней Руси. Если в стольных городах наряду с Новгородом и Киевом остатки усадеб открыты в Суздале, Старой Рязани и Смоленске⁵, то в Полоцке, включенном А.И. Кутовым в города, где были открыты усадьбы, таковые не встречены. Как пишет Г.В. Штыхов, материалов основного раскопа на полоцком Верхнем Замке «недостаточно, чтобы говорить о принципах внутриусадебной планировки. Можно лишь говорить, что вскрытые раскопками постройки входили в состав хозяйственных комплексов, обнесенных частоколами»⁶. Планировка других древнерусских городов - Чернигова, Переяславля, Галича и Владимира Волынского пока не изучена.

Интересно соотношение древнерусских городов, имевших усадебную застройку и лишенных ее. По данным А.В. Кузы, стационарные раскопки, производившиеся на 64 памятниках, которые можно считать городами, показали, что усадебно-дворовая застройка была лишь на 22 поселениях⁷. Следовательно, градостроительная структура городов Руси не была столь единой, как об этом писал А.И. Кутовой.

Из всех древнерусских городов, на территории которых не было усадебной застройки, объяснение этому явлению существует для Берестья и Изборска. В первом случае автор раскопок П.Ф. Лысенко полагает, что это было вызвано теснотой застройки. В.В. Седов считает, что плотная уличная застройка без усадеб, развившаяся в Берестье и Изборске, напоминает планировку западноевропейских городов. Вопросы о том, в силу каких причин города, нередко входившие в одни и те же древнерусские княжества, имели различную планировку и застройку, еще ждут своего разрешения.

Новогрудок по характеру своей планировки и застройки весьма своеобразен. К тому же систематические археологические работы, производившиеся на двух основных возвышенностях древнего города - Малом Замке и Замковой горе, показали, что каждая из них застраивалась по-своему. Единственной объединяющей чертой планировки обеих частей города является прочная ориентация всех видов строений углами по странам света. В тех случаях, когда углы построек не сохранились, о такой ориентации можно было судить по бревнам и доскам, сохранившимся *in situ*. На территории Замковой горы были открыты изолированно лежавшие настилы, но относившиеся к ним доски лежали в том же направлении, что и бревна и доски строений.

Ориентация построек углами по странам света - распространеннейшая черта в восточнославянском и русском домостроительстве. Направление построек углами или сторонами по странам света обычно связывают либо с отношением построек к реке, на которой стоит памятник, либо с валами поселения. Для Новогрудка такие объяснения неприемлемы. Реки у подножия новогрудских холмов нет, а прочная ориентация построек отмечается уже у первых обитателей Малого замка с конца X в., когда оборонительных сооружений там еще не существовало. Несомненно, что древнейшие жители Новогрудка появились со своей домостроительной традицией, для которой было характерно возведение построек, ориентированных углами по странам света. Этой особенностью ограничивается общность в характере планировки и застройки обеих частей древнего Новогрудка, рассматривать которые следует отдельно.

Древнейшие обитатели Малого замка с конца X в. обживали как края

площадки, так и ее центральную часть. В первоначальном поселении в северной части стояли жилые постройки, а в южной и в центре - хозяйственные, там же были открыты ямы, предназначенные для производственной деятельности. В первой половине XI в. жилища строились и в южной части площадки.

Замковая гора начала XI в. пустовала. Она начала заселяться исключительно по краям площадки. В середине или в первые десятилетия второй половины XI в. там сооружается вал, и Замковая гора становится детинцем Новогрудка. Однако это обстоятельство не отражается на его застройке. Следы жизни второй половины XI в. на новогрудском детинце крайне неинтенсивны. Это маловыразительные очаги и отдельные ямы. Видимо, в это время площадка Замковой горы, огражденная валом, служила крепостью для городского посада, в который превратилось первоначальное поселение на Малом замке.

В жилых постройках посада второй половины XI в. все больше появляются следы ремесленной деятельности, главным образом ювелирной. В этом плане особенно характерна постройка 21, в которой найдены литейная формочка, обломки тиглей и оплавленная бронза. То же можно сказать о постройке 13 - наиболее раннем большом доме (рис. 1).

В планировке и застройке обеих возвышенностей Новогрудка вплоть до конца XI в. трудно усмотреть какую-либо систему. Замковая гора, став детинцем, практически оставалась незастроенной, а на Малом замке господствовала свободная застройка. В жилых постройках городского посада повсеместно сохранились следы занятия ремеслом, но ни при одном из жилищ не было хозяйственных помещений, обычных для древнерусских поселений.

С начала XII в. новогрудский посад обносится валом и превращается в окольный город. Господствующей формой домостроительства на той территории, которая была раскопана (около 2000 м²) становятся большие и богатые дома. Вместе с тем планировка поселения остается свободной. Вплотную к валу на месте старых жилищ возводятся новые. Постройка 12 сменяет постройку 13, а постройки 18 и 19 строятся на том же месте, где находилась постройка 21. Вторая линия домов занимает центральную часть площадки. Там был открыт большой углубленный дом (постройка 6), а также постройка 3. Вряд ли можно считать пространство между этими двумя линиями домов улицей. Оно было слишком широко (более 10 м). Улиц такой ширины нет в древнерусских городах. К тому же на этом пространстве не было никаких следов замощения деревом. Южная часть площадки в это время была занята кладбищем, что можно объяснить возникновением церкви на территории окольного города.

Вторая половина XII в. была временем максимального расцвета окольного города Новогрудка. На месте домов предшествующего времени, стоявших у вала, возводятся новые дома (постройки 7, 10, 16). Застраиваются пустыщие привальные участки. В центре площадки над углубленным домом сооружается постройка 5, а недалеко от нее - постройки 1 и 2. Богатые дома занимают территорию кладбища. Там же открыты единичные рядовые жилища, отличавшиеся своей ориентацией. В южной части площадки встречено довольно много столбовых ям, возможно, от кажих-то строений облегченного типа. Некоторое количество хозяйственных ям, заполненных костями животных, керамикой и обломками амфор, открыто в центре между постройками 1 и 28.

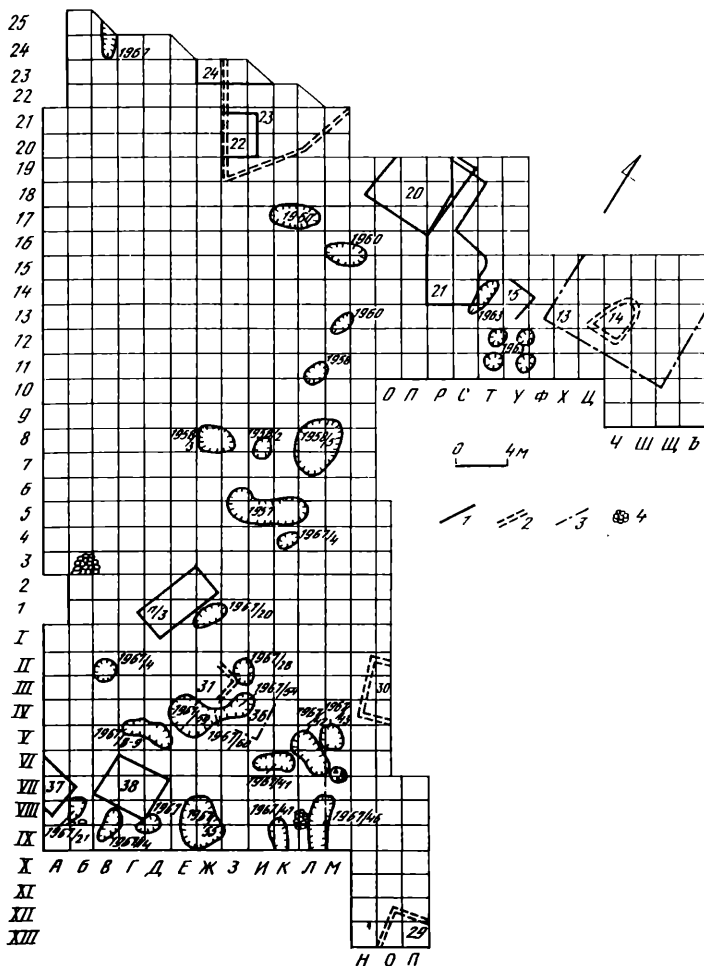

Рис. 1. Застройка Малого замка в конце X-XI вв.

1 - строительные остатки конца X в.; 2 - первой половины XI в.; 3 - второй половины XI в.; 4 - очаги

Полнокровная жизнь окольного города второй половины XII в. сменяется резким упадком в начале XIII в. Южная часть площадки вновь отводится под кладбище, на этот раз детское. Жилых построек этого времени было только три. Это постройка 9 у вала и 4 - в центре над постройкой 5. В северной части площадки на ранее незастроенном участке сооружается постройка 17. Жители домов XII-XIII вв., как и в предшествующее время, занимались ремеслом, преимущественно ювелирным (рис. 2). В таком виде окольный город Новгородка

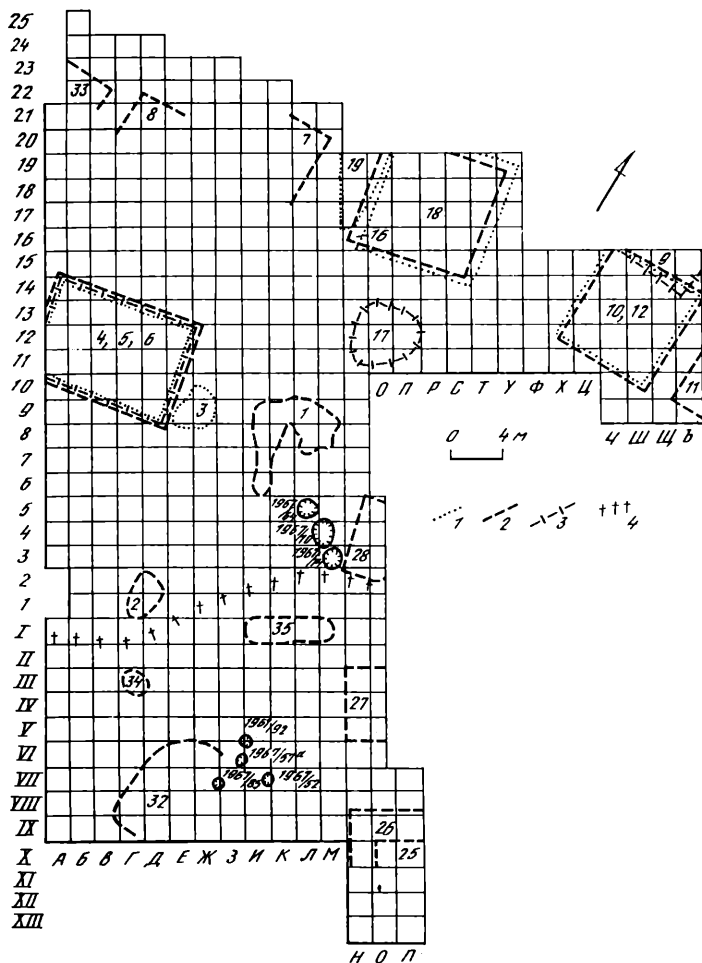

Рис. 2. Застройки малого замка в XII-XIII вв.

1 - строительные остатки первой половины XII в.;
 2 - второй половины XII в.; 3 - начала 70-х годов
 XIII в.; 4 - границы кладбища

существовал до 70-х годов XIII в., когда он был завоеван волынским князем Львом Даниловичем. Под 1274 г. Ипатьевская летопись, сообщая о Новогрудке, отмечает, что этот князь «взя околнии град».

Археологические материалы Малого замка Новогрудка свидетельствуют в пользу того, что его первоначальное поселение, ставшее во второй половине XI в. посадом, который, в свою очередь, с начала XII в. превращается в окольный город Новогрудка, имело свободную нерегламентированную застройку. Небольшое количество захороненных построек раннего поселения впоследствии почти полностью исчезает.

Если не считать постройку 11 (по-видимому, представляющую собой подсобное помещение постройки 10), относящейся ко второй половине XII в., то на территории окольного города за исключением некоторых ям-погребов, о которых упоминалось выше, не найдено ни одного строения, которое можно было бы назвать кладовой, амбаром, хлевом, скотным двором или другим помещением, обычно сопровождавшим жилой дом. Очевидно, такие постройки, без которых немислима жизнь, находились за пределами раскопанной территории.

Таким образом, ни усадеб, ни улиц, ни даже дворов на территории Малого замка не было. Спецификой его застройки и планировки является разьединенность жилых и хозяйственных построек, при том что ремесленные работы производились в пределах жилищ, превратившихся в XII в. в богатые дома.

В результате археологических исследований древнерусских городов открыто немало богатых жилищ. Особый интерес представляет улица, раскопанная в Киеве на территории «города Ярослава». Здесь находились остатки домов, принадлежавших верхушке киевского общества XI—XIII вв.¹² Сопоставляя богатые постройки Киева с новгородскими, следует отметить, что они уступали последним по характеру домостроительства и особенно по инвентарю. При этом в отличие от Новгорода богатые дома «города Ярослава» входили в усадебные комплексы, сосредоточенные вдоль одной улицы¹³. В Новгороде богатые дома занимали всю восточную часть окольного города. Не исключено, что такие же жилища были и за пределами раскопа — территории, занятой зданиями современного города.

Активная застройка Замковой горы-детинца начинается лишь с начала XII в. Раскопки 1985 г. показали, что юго-восточная часть площадки детинца начала застраиваться не ранее конца этого столетия.

Застройка новгородского детинца столь же необычна, как и застройка его раннего поселения — посада-окольного города, но своеобразие этой застройки иное. Большая часть северной привальной территории была отведена под хозяйственные помещения — амбары и кладовые. К югу от них, по-видимому, работали ювелиры. Об этом свидетельствуют находки матриц и другого инструментария, а также бронзовых пластин и слитков. В северо-западной части площадки открыты два сменявших друг друга дощатых настила. Они предшествовали настилам более позднего времени, примыкавшим к церкви XIV в., и в силу этого рассматривались как площадки перед храмом, построенным в XII в., который должен был быть деревянным. Южная часть площадки детинца была застроена домами рядовых, зависимых от феодала горожан. Интенсивная застройка Замковой горы в XIV в. и в более позднее время не дала возможности установить место, где жил владелец детинца, и облик принадлежавшего ему дома. Основываясь на преемственности домостроительства, которое прослеживается в Новгороде, можно предположить, что палаты феодала древнерусского времени стояли на том же месте, где в XIV в. была сооружена гражданская монументальная постройка, или там, где в XV—XVI вв. стоял дворец, примыкавший с востока к центральной башне «Шитовке». Характер застройки новгородского детинца позволил определить его как феодальный двор¹⁴.

Некоторую аналогию в членении детинца по социальному признаку можно отметить в материалах Друцка. В южной части площадки его детинца селились зависимые горожане. В западной части,¹⁵ по-видимому, стояли княжеские хоромы, а центральная часть пустовала. Однако, как

мною указывалось ранее, по своей планировке и застройке XII-XIII вв. новогрудский детинец больше сходен с детинцем Любеча XI в.¹⁶

Насколько планировка и застройка Новогрудка с их спецификой была свойственна другим городам Белорусского Понеманья? Стационарные археологические работы, кроме Новогрудка, производились еще в Гродно, Волковыске¹⁷ и Слониме, при этом в Гродно и Слониме выявлена дворовая застройка¹⁷. Что касается Волковыска, то его планировка остается невыясненной. По данным поселения X-XI вв., расположенного на одном из городских холмов - «Замчище», там открыты свободно расположенные землянки, большая часть которых ориентирована углами по странам света, и многочисленные ямы¹⁸.

В особенностях планировки и застройки Новогрудка, а также тех древнерусских городов, которые не имели усадебно-дворовой застройки, отражается не единство градостроительной структуры городов Древней Руси, а ее многообразие. Оно еще ждет своего истолкования.

¹ *Кутовой А.У.* Усадьбы как основные элементы градостроительной культуры древнерусского города // *Древнерусский город.* Киев, 1982. С. 65.

² *Колчин Б.А., Янин В.Л.* Археологии Новгорода 50 лет // *Новгородский сборник.* М., 1982. С. 72; *Харламов В.О.* Київська садиба X ст. // *Археологія.* 1977. Вип. 24. С. 27-47; *Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX - первой половины XIII в. Киев, 1982. С. 121; *Орлов Р.С., Моця А.П., Локас А.П.* Исследование летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // *Земли Южной Руси в IX-XIV вв.* Киев, 1985. С. 36, 37; *Толочко П.П., Блажевич Н.В.* Раскопки Ивангорода // *АО* 1982 г. М., 1984. С. 336.

³ *Засурцев П.У.* Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 79-83; *Новое в археологии Киева.* Киев, 1981. С. 114.

⁴ *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога: (Итоги археологических исследований) // *Средневековая Ладога.* Л., 1985. С. 14, 15; *Рябинин Е.А.* Древнейшая Ладога: (Итоги работы последних лет на Земляном городище). Доклад на заседании сектора славяно-финской археологии 13 февр. 1986 г.

⁵ *Седова М.В.* Работы Владимиро-Суздальской экспедиции // *АО* 1983 г. М., 1985. С. 81, 82; *Даркевич В.П.* Раскопки на городище Старой Рязани (1966-1969 гг.) // *Археология Рязанской земли.* М., 1974. С. 19-28; *Авдусин Д.А., Асташева Н.У.* Раскопки в Смоленске // *АО* 1975 г. М., 1976. С. 52.

⁶ *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 50.

⁷ *Куза А.В.* Малые города в Древней Руси X-XIII вв. // *Древнерусский город.* Киев, 1982. С. 64.

⁸ *Лысенко П.Ф.* Берестье. Минск, 1985. С. 176; *Седов В.В.* Изборск - город-крепость XII-XIII вв. // *Древнерусский город.* Киев, 1982. С. 119.

⁹ *Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок. Л., 1981. С. 18-32.

¹⁰ Там же. С. 32-101.

¹¹ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 873.

- ¹²Боровский Я.Е., Сагайдак М.А. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978-1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. Киев, 1985. С. 38-51.
- ¹³Боровский Я.Е., Сагайдак М.А. Археологические исследования... С. 51.
- ¹⁴Гуревич Э.Д. Застройка новогрудского детинца в XII-XIII вв. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 54-58.
- ¹⁵Алексеев Л.В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 153-157.
- ¹⁶Гуревич Э.Д. Застройка Новогрудского детинца... С. 58.
- ¹⁷Воронин Н.Н. Древнее Гродно // МИА. 1964. N 41. С. 46-54; Зверуго Я.Г. Археологические работы в Слониме // Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972. С. 259-269.
- ¹⁸Зверуго Я.Г. Новые данные о древнем Волковыске // Древности Белоруссии. Минск, 1969. Рис. 1.

Д. И. Фоянков

ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТЕКЛА И ФАЯНСА В ДРЕВНЕМ ТОРОПЦЕ

Предметы из стекла, одна из многочисленных категорий находок при раскопках средневековых городов, давно привлекли к себе внимание археологов. Последние десятилетия были временем интенсивного изучения изделий из стекла. Исследования, проводившиеся различными методами на огромном материале из городов Древней Руси, ознаменовались значительными успехами. Было открыто древнерусское стеклоделие и его различные школы; стекла определенного состава удалось связать с центрами средневекового стекольного производства. Благодаря этому обработка коллекции даже скромного объема может дать содержательные выводы.

В Торопце при раскопках 1957-1965 гг. найдено 75 стеклянных предметов: 43 браслета во фрагментах, обломок одного перстня, 29 целых и разбитых бусин, фрагменты двух сосудов.

Большинство браслетов (42) происходит с детинца (Малого городища), а один обнаружен в шурфе на посаде (Большом городище). Сохранность стекла различная. В некоторых случаях слой патины был настолько толст, что истинный цвет браслета определялся только в изломе.

В культурном слое детинца браслеты распределены неравномерно. Из горизонта начала XII в. происходит единственный фрагмент. В дальнейшем число браслетов постепенно увеличивается и достигает наибольшего количества в горизонте, постройки которого были, по-видимому, возведены в конце 30-х - начале 40-х годов XIII в. и вскоре погибли в огне пожара. Этот горизонт вскрыт раскопками на площади вдвое большей, чем нижележащие, поэтому для того, чтобы оценить объем поступления браслетов в культурный слой детинца на разных этапах его существования, следует уменьшить число находок в горизонте пожара наполовину. При этой поправке можно видеть примерно равную насыщенность верхних трех горизонтов обломками стеклянных браслетов.

Найденные браслеты различаются по диаметру, форме сечения и

цвету. Диаметр варьирует в пределах от 50 до 75 мм. Возможно, что меньшие экземпляры были детскими украшениями. По форме сечения выделяются круглые, крученые, квадратные и треугольные браслеты. По цвету различаются бирюзовые, зеленые, синие, желтые, черные, фиолетовые и коричневые. Размеры и форма сечения не коррелируют с их цветом.

Для всех стеклянных изделий важным показателем является их химический состав (см. таблицу). Стекло Торопца исследовано в Лаборатории археологической технологии ЛОИА В.А.Галибиним методом полного количественного спектрального анализа. По составу стекла определились три группы браслетов. К первой из них относятся те из них, которые изготовлены из калиево-свинцово-кремнеземного стекла (Si-K-Pb). (Здесь и далее запись химического типа стекла по системе, предложенной В.А.Галибиным). Это самая многочисленная группа (30 экз.), в которой и самый древний торопецкий браслет, и большая часть браслетов из вышележащих горизонтов. В ее составе браслеты различного сечения: крученые (большинство), круглые, треугольные и квадратные. Цвет украшений получен посредством различных окрашивающих добавок: бирюзовый - добавлением окиси меди, синий - окиси меди в сочетании с окисью марганца, фиолетовый - прибавкой к составу шихты окиси марганца, бутылочно-зеленый, черный и коричневый - примесь различных количеств окиси железа. Некоторые браслеты этой группы перевиты желтой нитью. Стекло аналогичного состава Ю.Л.Шапова связывает со стеклоделем крупнейших русских городов, в частности Киева, где оно существовало с XI в.,² и Новгорода, где это производство началось на рубеже XII-XIII вв.²

Четыре браслета, относимые ко второй группе, сделаны из свинцово-кремнеземного стекла (Si-Pb). Первый такой браслет обнаружен в горизонте 60-х - начала 90-х годов XII в., остальные три происходят из горизонтов 30-40-х годов XIII в. Представлены круглые и крученые браслеты зеленого, синего и желтого цветов. Зеленая окраска придана добавкой окиси меди, синяя - окиси меди и окиси марганца, желтый цвет обусловлен отсутствием в составе стекла каких-либо цветообразующих примесей. Состав стекла браслетов этой группы, цветовая гамма и набор форм соответствуют школе стеклоделия, существовавшей во второй половине XII в. и позднее во многих древнерусских городах³.

Третья группа - девять браслетов, одинаковых по составу стекла, цвету и примененному красителю. Они изготовлены из натриево-калиево-кремнеземного стекла [Si(Al)-Na(K)-Ca(Mg)]. Ярко-синий цвет сообщает им добавка окиси кобальта. в числе этих браслетов большинство круглые, затем крученые; квадратные и треугольные представлены единичными фрагментами. В культурном слое детинца кобальтовые браслеты встречаются начиная с 60-х годов XII в. вплоть до слоя пожара, где они представлены тремя находками. Изготовление браслетов из стекла этого типа Ю.Л.Шапова считает возможным связывать с деятельностью реконструируемой ею греческой стекольной мастерской в Киеве. Греки, варившие натриево-калийное стекло по так называемому «античному» рецепту, рассчитанному на применение природной египетской соды, за неимением этого сырья обратились к использованию золы местных растений. Поэтому в составе изготавливаемых ими стекол появился калий, непременно содержащийся в золе. Использованный для определения стекол Торопца полный количественный спектральный анализ позволил определить не только присутствие в стекле известных элементов, но и указать их

концентрацию. Появилась возможность сравнить состав стекла с составом золы различных растений. Так, выяснилось, что в стекле торопецких кобальтовых браслетов содержание натрия в 3,5-5 раз превышает содержание калия. Соотношение между этими элементами в стекле соответствует соотношению между ними в растительной золе, входившей в состав шихты. Такой состав характерен для золы растений, произрастающих на солончаковых почвах в засушливых районах: саликорнии, поташника, солероса и др. Это обстоятельство дает возможность предполагать среднеазиатское или византийское происхождение браслетов тем более, что для стеклоделия обоих этих регионов характерно и применение окиси кобальта для получения синего цвета.

Единственный стеклянный перстень бирюзового цвета происходит из горизонта пожара. Перстень утолщен с внутренней стороны, имеет овальный щиток, изготовленный отдельно от корпуса, а затем прикрепленный к нему. Перстни этого типа известны на русских, болгарских и византийских памятниках преимущественно с вещами XI-XII вв. Только в Болгаре и в Новгороде, а теперь и в Торопце они найдены в слоях более позднего времени. По составу стекла перстень примыкает к браслетам последней группы и соответственно относится к восточным или византийским изделиям. Однако его непрозрачное стекло окрашено не кобальтом, а окисью меди, в качестве глушителя - вещества, устраняющего прозрачность, использована окись олова. Подвергнутые спектральному анализу перстни этого типа из Новгорода имеют тот же состав.

Стеклянных бус из Торопца - 29. Малое их число в раскопках торопецкого детинца не удивительно, известно, что и в других древнерусских городах начиная с X в. количество бус постепенно уменьшается. По-видимому, такие ожерелья перестают быть модными среди горожанок. Первые по времени находки бус в Торопце приходится на строительный горизонт 60-х - начала 90-х годов XII в. В следующем по времени горизонте их количество достигает максимума, а затем уменьшается. Сокращение количества бус к середине XIII в. становится очевидным, если учесть ту же поправку, что мы делали, рассматривая динамику поступления в культурный слой стеклянных браслетов: то есть взять половину от числа находок бус в горизонте пожара, раскопанном на площади, вдвое большей, чем нижележащие.

Большинство найденных бус имеют зонную форму, среди них есть двух- и трехчастные, обнаружены также шарообразные бусы, бусинный бисер и цилиндрическая ребристая бусина. 22 зонные бусины по цвету разделяются на 13 синих, три бирюзовые, две зеленые, две коричневые и две бесцветные. Синие зонные бусы появляются в городах Древней Руси в начале XII в. и исчезают в середине XIV в. Бытование их в Торопце начинается почти на столетие позже. Они найдены в строительных горизонтах конца XII - 30-х годов XIII в. Зеленые зонные бусы, свойственные памятникам начала XII - второй половины XIII в., обнаружены в Торопце в горизонте 30-х годов XIII в., так же как и обе зонные бусы коричневого и одна из бусин бесцветного стекла. Другая зонная бесцветная бусина происходит из горизонта, сооружения которого датируются 60-90-ми годами XII в.

Крупные шарообразные бусины - их всего четыре: бирюзовая, желтая, винно-красная и бесцветная - находят себе подобия среди древностей XII-XIII вв. В Торопце эти бусы встречены в слоях конца XII - первой половины XIII в.

Цилиндрическая ребристая бусина молочно-белого стекла найдена в

горизонте построек 60-90-х годов XII в. От прочих торопецких бус ее отличают не только форма, но и техника изготовления. В то время как большинство бусин изготовлены путем навивки стеклянной массы на стержень, эта бусина отрезана от горячей стеклянной трубочки.

Бусинный бисер, характерный для XII-XIII вв., представлен в Торопце желтой и зеленой бисеринами в горизонтах конца XII - первой половины XIII в.

По составу стекла бусы могут быть отнесены к четырем группам: из калиево-свинцово-кремнеземного стекла (Si-K-Pb) сделаны шесть зонных бус - все бирюзовые и коричневые, а также одна из бесцветных, две шарообразные бусины - бирюзовая и бесцветная. В качестве красителей использованы окись меди и окись железа. Бусы из этого стекла представлены во всех горизонтах, начиная с 60-х годов XII в. В этот период их поступление в культурный слой было постоянным. По аналогии с браслетами можно предположить киевское и новгородское происхождение этих бус.

Из свинцово-кремнеземного стекла (Si-Pb) сделаны зеленые зонные бусы и бисер. При добавлении в стекло этого состава окиси меди получается яркий зеленый цвет. Для заглушения стекла, из которого изготовлены бисерины и одна из зонных бусин, использована окись олова. Бусы и бисер данной группы могли быть сделаны в одном из городов, где существовало производство свинцово-кремнеземного стекла.

Бусы восточного происхождения из натриево-калиево-кремнеземного стекла [Si(Al)-Na(K)-Ca(Mg)] насчитывают 6 экз. К ним относится одна из двух наиболее древних для Торопца бусин: ребристая из молочно-белого заглуженного оловом стекла. В строительном горизонте, датированном 90-ми годами XII - началом 30-х годов XIII в., найдены две зонные бусины из стекла этого же состава. В слое пожара выявлены три такие бусины: зонная бесцветная, окрашенная окисью свинца желтая шарообразная и крупная шарообразная бусина винно-красного цвета, для которой в качестве красителя использована окись марганца.

Следующая группа включает 11 бусин из двух соседних строительных горизонтов конца XII - конца 30-х годов XIII в. Это зонные одиночные двух- и трехчастные бусы. Их ярко-синий цвет обуславливает примесь окиси кобальта. В составе прозрачного калиево-натриево-кремнеземного стекла [Si(Al)-Na(K)-Ca(Mg)] содержание калия значительно превышает содержание натрия. Такую золу дают при сжигании растения, характерные для широколиственных лесов, например, бук или дуб, зола которых широко использовалась в западноевропейском средневековом стеклоделии. Вероятно, эти кобальтовые бусы были изготовлены где-то в средней полосе Европы. Интересно, что анализы синих кобальтовых бус Новгорода показали восточный состав стекла с преобладанием натрия.

В верхнем строительном горизонте Малого городища вместе с вещами второй половины XIII-XV в. найдены три фаянсовые бусины. Две из них имеют значительные размеры и сложнопрофилированную поверхность, третья бусина - небольшая ребристая усеченно-конической формы. Бусы покрывает глазурь бирюзового цвета. Изделия из фаянса, именуемого еще кашинном, хорошо известны в странах Востока и в золотоордынских древностях. Наряду с посудой там делали и бусы, покрытые голубой опаконной глазурью. Однако среди золотоордынских и среднеазиатских бус не удалось найти прямые формальные аналогии бусам из Торопца. Кроме того, опубликованные анализы теста и голубой поливы кашинной керамики дали высокое содержание натрия, характерное для восточных

Результаты спектрального анализа

№ ан.	Вид изделия	Шифр	Гор- зонт	Al ₂ O ₃	Содержание окислов в %				
					Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃
367-15	Браслет	ТЭ58 МГ4206	2	3,50	0,15	17,0	4,10	0,19	0,50
389-16	<	ТЭ61 МГ413	2	0,60	0,25	6,50	1,30	0,13	0,55
389-16	<	ТЭ58 МГ4061	2	0,55	0,11	15,0	4,50	0,19	1,20
367-11	<	ТЭ58 МГ2624	2	0,15	0,17	20,0	2,40	0,14	0,45
367-12	<	ТЭ58 МГ3031	2	0,15	0,22	19,0	2,30	0,11	0,45
367-31	<	ТЭ60 МГ945	2	0,14	0,15	21,0	2,50	0,14	0,45
367-25	<	ТЭ60 МГ504	2	0,40	0,14	18,0	3,80	0,20	8,00
367-18	<	ТЭ60 МГ315	2	0,40	0,14	15,0	3,70	0,21	0,50
367-30	<	ТЭ60 МГ944	2	0,30	0,17	20,0	3,20	0,16	0,50
366-50	<	ТЭ57 МГ2418	2	0,70	0,14	18,0	3,60	0,09	0,65
367-54	<	ТЭ60 МГ29	2	0,23	0,14	20,0	2,80	0,11	4,70
366-54	<	ТЭ57 МГ2399	2	0,70	0,12	17,0	2,70	0,08	9,0
367-26	<	ТЭ60 МГ505а	2	0,15	0,12	18,0	2,70	0,12	3,10
367-29	<	ТЭ60 МГ940	2	1,20	0,90	19,0	4,00	0,35	13,0
367-28	<	ТЭ60 МГ740	2	5,50	15,0	3,10	9,50	3,60	1,10
367-27	<	ТЭ60 МГ505	2	6,50	14,0	3,20	9,50	4,90	1,50
367-16	<	ТЭ58 МГ4606	2	0,75	13,0	3,20	10,0	2,70	0,70
367-23	<	ТЭ60 МГ492	2	0,35	0,14	2,40	3,60	0,18	0,50
367-24	<	ТЭ60 МГ493	2	0,35	0,04	-	-	0,009	0,45
367-39	<	ТЭ60 МГ1406	3	0,40	0,08	22,0	3,30	0,16	0,50
367-47	<	ТЭ60 МГ1875а	3	0,30	0,12	1,60	3,00	0,15	0,55
367-37	<	ТЭ60 МГ1405	3	0,13	0,08	25,0	2,70	0,17	0,40
367-38	<	ТЭ60 МГ1404	3	0,25	0,10	22,0	2,40	0,12	0,45
369-38	<	ТЭ61 МГ504	3	0,50	0,11	18,0	2,00	0,10	6,00
367-53	<	ТЭ60 МГ1419	3	0,75	0,07	-	1,20	0,12	0,55
367-42	<	ТЭ60 МГ1413а	3	1,70	11,0	8,00	8,50	1,80	0,90
369-28	<	ТЭ61 МГ663	4	2,40	18,0	4,00	16,0	5,50	1,20
369-21	<	ТЭ61 МГ1138	4	2,70	13,0	3,08	12,0	5,00	1,70
369-19	<	ТЭ61 МГ969	4	1,70	18,0	3,50	13,0	3,90	1,30
369-26	<	ТЭ61 МГ634	4	0,80	0,14	20,0	2,60	0,09	0,45
369-29	<	ТЭ61 МГ636	4	1,20	0,33	20,0	5,00	0,35	0,018
369-32	<	ТЭ61 МГ1206	4	0,40	0,09	21,0	2,10	0,12	0,45
369-18	<	ТЭ61 МГ952	4	0,65	0,15	21,0	3,90	0,23	0,55
369-12	<	ТЭ61 МГ1043	4	0,25	0,16	2,70	1,60	0,07	0,65
369-11	<	ТЭ61 МГ1039	4	1,90	18,0	3,50	17,0	5,00	1,10
369-14	<	ТЭ61 МГ796	4	0,60	0,07	9,50	1,90	0,08	4,0
369-24	<	ТЭ61 МГ628	4	0,70	0,16	21,0	3,70	0,20	0,50
367-52	<	ТЭ60 МГ2023	ш4	6,00	13,0	3,80	17,0	4,00	1,60
369-35	<	ТЭ61 МГ1254	5	0,45	0,09	17,0	3,00	0,22	0,85
369-45	<	ТЭ65 МГ60	5	4,50	15,0	3,20	10,0	7,00	1,60
369-46	<	ТЭ65 МГ73	5	0,45	0,06	22,0	1,50	0,08	3,30
369-34	<	ТЭ61 МГ1347	5	0,55	0,046	-	0,70	0,06	0,35
369-42	<	ТЭ65 МГ202	6	0,65	0,08	20,0	2,60	0,32	7,50
369-40	<	ТЭ65 МГ293	8	0,55	0,12	12,0	1,90	0,09	2,70
367-19	Бисер	ТЭ60 МГ384	2	0,14	0,039	-	1,0	0,09	0,40
369-15	Бусина	ТЭ61 МГ62	2	0,30	0,08	9,50	1,80	0,07	0,28

стеклянных вещей из Горопца

TiO ₂	MnO	PbO	CuO	Sn	Sb	As	Ag	Bi	Co	Ni	P
0,04	0,47	20,0	0,85	0,19	-	-	0,003	-	-	-	-
0,05	0,05	40,0	1,70	0,00	-	-	0,006	-	-	-	-
0,07	0,01	20,0	1,10	0,05	-	-	0,003	-	-	-	-
0,04	0,01	25,0	1,00	0,11	-	-	0,004	-	-	-	-
0,03	0,55	21,0	0,40	0,04	-	-	0,002	-	-	-	-
0,02	0,45	27,0	0,45	0,05	-	-	0,003	-	-	-	-
0,09	0,02	24,0	0,03	0,20	-	-	0,002	-	-	-	-
0,07	0,80	22,0	0,05	-	-	-	0,003	-	-	-	-
0,03	0,60	23,0	1,20	0,015	-	-	0,002	-	-	-	-
0,017	0,01	24,0	1,40	0,028	-	-	0,004	-	-	-	-
0,13	0,02	24,0	0,02	0,012	-	-	-	-	-	-	-
0,23	0,02	24,0	0,05	-	-	-	0,003	-	-	-	-
0,04	0,03	22,0	0,05	-	-	-	0,002	-	-	-	-
0,21	0,06	18,0	0,05	-	-	-	-	-	-	-	-
0,17	0,045	-	0,005	-	-	-	-	-	0,10	-	-
0,28	0,004	-	0,002	-	-	-	-	-	0,05	-	-
0,07	0,016	0,012	0,008	-	-	-	-	-	0,04	-	-
0,08	1,10	23,0	0,07	0,065	-	-	0,003	-	-	-	-
0,02	-	49,0	0,34	0,017	-	-	0,002	-	-	-	-
0,06	0,85	22,0	1,60	-	-	-	0,003	-	-	-	-
0,06	-	21,0	1,00	0,10	-	-	0,002	-	-	-	-
0,02	-	21,0	0,25	0,025	-	-	-	-	-	-	-
0,02	1,80	21,0	0,009	-	-	-	-	-	-	-	-
0,09	0,03	26,0	0,25	0,065	0,03	-	0,003	-	-	-	-
0,03	-	62,0	0,014	0,05	-	-	-	-	-	-	-
0,09	0,45	19,0	0,45	0,07	-	-	0,002	-	0,04	-	-
0,15	0,28	0,005	0,007	-	-	-	-	-	0,075	-	-
0,23	0,30	0,01	0,003	0,004	-	-	-	-	0,08	0,007	-
0,15	0,19	0,005	0,003	-	-	-	-	-	0,06	-	-
0,24	0,45	22,0	1,20	0,06	-	-	0,03	-	-	-	-
0,07	11,20	50,0	1,50	0,018	0,08	-	0,007	-	-	-	-
0,04	1,60	2,40	0,025	0,06	-	-	-	-	-	-	-
0,09	1,0	20,0	0,025	0,005	-	-	0,002	-	-	-	-
0,03	0,015	20,0	1,10	0,025	0,025	0,004	-	-	-	-	-
0,14	0,23	0,008	0,006	-	-	-	-	-	0,006	-	-
0,20	0,01	20,0	0,25	0,02	-	-	-	-	-	-	-
0,06	0,30	24,0	1,00	0,01	0,025	-	0,003	-	-	-	-
0,17	0,45	0,017	0,07	-	-	-	-	-	0,15	-	-
0,05	0,11	21,0	0,25	0,05	-	-	-	-	-	-	-
0,38	0,05	0,005	0,003	-	-	-	-	-	0,09	-	-
0,06	0,055	23,0	0,002	0,023	-	-	-	-	-	-	-
0,03	0,01	60,0	0,75	0,80	-	-	0,006	-	-	-	-
0,13	0,03	24,0	0,003	0,006	-	-	-	-	-	-	-
0,04	0,03	27,0	0,10	0,60	-	-	0,002	-	-	-	-
0,03	-	34,0	1,20	0,80	-	-	0,015	0,22	-	-	-

№ ан	Вид изделия	Шифр	Горизонт	Содержание окислов в %					
				Al ₂ O ₃	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃
366-51	<	З-д57тор2423	2	4,60	21,0	4,40	14,0	0,46	1,50
367-17	<	ТЭ58 МГ5611	2	9,00	11,0	4,50	12,0	3,30	1,80
367-32	<	ТЭ60 МГ1036	2	3,30	13,0	3,60	13,0	10,0	1,0
367-34	Бусина фаянс.	ТЭ60 МГ1199	2	0,60	0,25	-	5,0	0,40	0,75
367-33	Бусина глазурь	ТЭ60 МГ1199	2	0,80	1,0	3,30	4,50	0,50	0,85
367-35	Бусина фаянс.	ТЭ60 МГ1202	2	0,90	2,10	3,30	4,50	0,50	1,0
367-21	Бусина	ТЭ60 МГ398	2	0,60	0,045	13,0	3,80	1,17	7,50
367-22	Бусна фаянс.	ТЭ60 МГ400	2	1,0	0,70	2,80	3,0	0,40	0,80
367-48	Бисер	ТЭ60 МГ1878	3	0,60	0,04	-	2,0	0,07	0,70
367-43	<	ТЭ60 МГ1453	3	-	0,35	-	0,10	-	0,270
367-45	<	ТЭ60 МГ1808	3	0,10	0,05	-	2,40	-	0,60
367-46	<	ТЭ60 МГ1812	33	0,70	0,05	8,50	2,30	0,15	1,90
367-36	<	ТЭ60 МГ1380	3	5,00	2,80	21,0	19,0	3,70	1,20
367-41	<	ТЭ60 МГ1408	3	7,00	3,90	22,0	21,0	5,50	1,00
367-49	<	ТЭ60 МГ1879	3	5,50	3,90	20,0	19,0	4,00	0,70
369-37	<	ТЭ61 МГ577	3	3,00	2,80	21,0	19,0	2,50	0,70
367-44	<	ТЭ60 МГ1776	3	5,50	2,80	20,0	17,0	3,60	0,90
369-39	<	ТЭ61 МГ486	3	1,60	0,25	9,0	7,50	2,60	1,0
369-20	<	ТЭ61 МГ1123	4	0,45	0,18	19,0	1,50	0,10	0,70
369-31	<	ТЭ61 МГ1197	4	0,40	0,11	19,0	2,20	0,16	0,25
369-31	<	ТЭ61 МГ1198	4	0,40	0,11	19,0	2,20	0,16	0,25
369-13	<	ТЭ61 МГ797	4	1,80	16,0	7,0	15,0	4,50	0,20
368-30	<	ТЭ61 МГ1193	4	2,80	3,80	16,0	16,0	5,0	0,80
369-25	<	ТЭ61 МГ659	4	3,40	2,20	19,0	19,0	8,80	1,10
369-27	<	ТЭ61 МГ624	4	4,00	4,50	19,0	18,0	4,00	1,20
369-23	<	ТЭ61 МГ610	4	3,90	3,00	21,0	20,0	3,90	1,10
369-44	<	ТЭ65 МГ35	4	3,00	12,0	20,0	11,0	3,60	1,50
369-20	<	ТЭ61 МГ635	4	3,10	5,00	25,0	19,0	2,20	0,85
369-43	<	ТЭ65 МГ68а	5	0,70	0,11	18,0	7,00	0,30	0,45
369-41	<	ТЭ65 МГ41	5	0,50	17,0	15,0	15,0	10,0	3,20
367-14	Перстень	ТЭ58 МГ4064	2	5,00	12,0	3,70	6,90	1,50	1,10
367-14	Сосуд	З-д57тор2392	2	6,00	0,05	7,90	23,0	4,10	4,00
367-50	<	ТЭ60 МГ2013	ш4	6,80	0,45	10,0	18,0	2,20	2,00

стекло. Полива и тесто фаянсовых бус из Торопца отличаются от них присутствием большого количества калия, что позволяет сближать бирюзовую глазурь, покрывающую эти бусы, со стеклом зонных бус последней группы и относить торопецкие фаянсовые бусы к числу западных изделий.

При раскопках в Торопце найдены небольшие фрагменты двух стеклянных сосудов. Один из них происходит из верхнего горизонта Малого городища. Этот обломок настолько мал, что не позволяет надежно реконструировать форму. Возможно, это был небольшой кувшин или бутыл. Состав окрашенного окисью железа в желтоватый цвет стекла [Si(Al)-K(Na)-Ca(Mg)] дает возможность предположить его

TiO ₂	MnO	PbO	CuO	Sn	Sb	As	Ag	Bi	Co	Ni	P
0,06	0,01	19,0	0,002	-	-	-	-	-	-	-	-
0,07	2,10	13,0	0,036	3,10	-	-	0,05	-	-	-	-
0,50	4,50	0,01	0,03	-	-	-	-	-	-	-	-
0,11	0,80	0,014	0,012	-	-	-	0,004	-	-	-	-
0,03	0,07	0,001	0,19	-	-	-	-	-	-	-	3,00
0,03	0,21	0,07	2,40	0,01	-	-	0,011	-	-	-	-
0,03	0,07	0,04	1,30	0,01	-	-	0,003	-	-	-	-
0,10	0,015	25,0	0,20	0,045	-	-	-	-	-	-	-
0,03	0,017	0,033	1,10	-	-	-	-	-	-	-	-
0,03	-	62,0	0,06	18,0	-	-	0,01	0,02	-	-	2,0
0,03	-	56,0	0,35	0,04	-	-	0,002	-	-	-	-
-	-	53,0	1,10	17,0	0,03	-	0,021	-	-	-	2,30
0,10	0,055	29,0	0,30	0,80	-	-	-	-	-	-	-
0,15	0,70	0,03	0,08	-	-	-	-	-	0,13	-	4,40
0,11	0,65	0,019	0,15	-	-	-	-	-	0,35	-	4,40
0,13	0,50	0,06	0,09	0,016	-	-	-	-	0,50	-	4,40
0,17	0,50	0,06	0,10	0,005	-	-	-	-	0,13	0,008	-
0,15	0,44	0,90	0,12	-	-	-	-	-	0,35	-	0,40
0,11	0,25	0,065	0,07	0,006	-	-	-	-	0,10	-	-
0,12	0,016	23,0	1,60	0,60	-	-	0,005	-	-	-	-
0,04	0,01	20,0	0,50	0,07	0,01	-	0,003	-	-	-	-
0,04	0,01	20,0	0,50	0,07	0,01	-	0,003	-	-	-	-
0,16	0,20	0,02	0,027	0,007	-	-	-	-	0,05	-	2,70
0,17	0,50	0,045	0,17	0,005	-	-	-	-	0,10	0,008	3,60
0,27	0,90	0,06	0,08	0,055	-	-	-	-	0,10	0,01	5,30
0,45	0,80	0,09	0,15	0,006	-	-	-	-	0,14	0,008	4,70
0,12	1,10	0,33	0,20	0,011	-	-	-	-	0,19	0,09	6,00
0,65	0,40	0,045	0,10	0,003	-	-	-	-	0,15	0,01	4,0
0,21	0,29	0,17	0,20	0,01	-	-	-	-	0,14	0,01	2,70
0,24	0,02	21,0	0,008	0,05	-	-	-	-	-	-	-
0,65	0,10	4,50	0,08	5,50	-	-	-	-	-	-	-
0,17	0,04	0,70	3,90	2,00	-	-	0,004	-	-	-	-
0,07	0,55	0,10	0,018	-	-	-	-	-	-	-	-
0,22	0,70	0,16	0,011	-	-	-	-	-	-	-	2,80

западноевропейское происхождение. Сходный состав имеет и зеленоватое стекло сосуда, придонная часть которого была обнаружена в шурфе, заложеном на посаде древнего Торопца.

В заключение подведем некоторые итоги. Среди найденных в Торопце многочисленных стеклянных предметов нет бракованных вещей и заготовок, не обнаружены в раскопках и другие следы стекольного производства: остатки мастерских и шлаки соответствующего состава. Таким образом, есть основания предполагать, что все стекло в Торопце привозное. Это предположение подтверждается разнообразием состава химических изделий, которое объясняется происхождением их из разных источников. Интересно, что хотя число стеклянных вещей из Торопца невелико, среди них представлены все химические типы стекла, бытовавшие в это время на территории Руси. В этом отношении Торопец подобен крупнейшим торгово-ремесленным центрам: Киеву и Новгороду. Характерно, что при раскопках в Торопце найдено меньше всего изделий

из свинцово-кремнеземного стекла, производство которого существовало во многих городах и являлось бы наиболее вероятным для Торопца.

Ввоз стеклянных изделий в Торопец не был массовым. Относительно постоянный характер имело поступление вещей из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, которое варили стеклоделы Киева, а затем Новгорода. Во второй половине XII в. круг источников стеклянных предметов расширяется. Появляются первые украшения из свинцово-кремнеземного стекла. Возможно, что их источником был Смоленск, в мастерских которого делали наряду с другими синие, зеленые и желтые браслеты. Одновременно в Торопец попадают и первые изделия восточного и, вероятно, византийского происхождения. Отметим, что поступавшие из этого источника синие кобальтовые браслеты составляют более 20% от общего количества украшений. Это больше, чем в каком-либо другом русском городе, где обычно их бывает менее 10%. В конце XII - первой четверти XIII в. начинается ввоз в Торопец вещей западноевропейского происхождения.

Большое количество источников стеклянных изделий, поступавших в небольших количествах, с одной стороны, не позволяет предположить направленный импорт этого товара в Торопец. Более вероятно, что стеклянные украшения и сосуды привозились из поездок жителями города или людьми, посещавшими Торопец, в качестве личных вещей, подарков и т.п. С другой стороны, обширная география этих источников характеризует направления и протяженность прямых и опосредованных торговых и иных связей небольшого древнерусского города, стоящего у перекрестка водных путей средневековья. Расширение контактов во второй половине XII в. связано, по-видимому, с ростом значения города и образованием торопецкого удельного княжества.

¹ Галибин В. А. Состав стекла из памятников Красноярского края // Древние культуры евразийских степей Л., 1983. С. 98-100.

² Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 130.

³ Там же. С. 191.

⁴ Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969. Табл. 5.

⁵ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода // МИА. 1963. N 117. С. 113.

⁶ Шапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Там же. 1959. N 65. С. 164.

Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский исторический сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 169.

⁸ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей... С. 169.

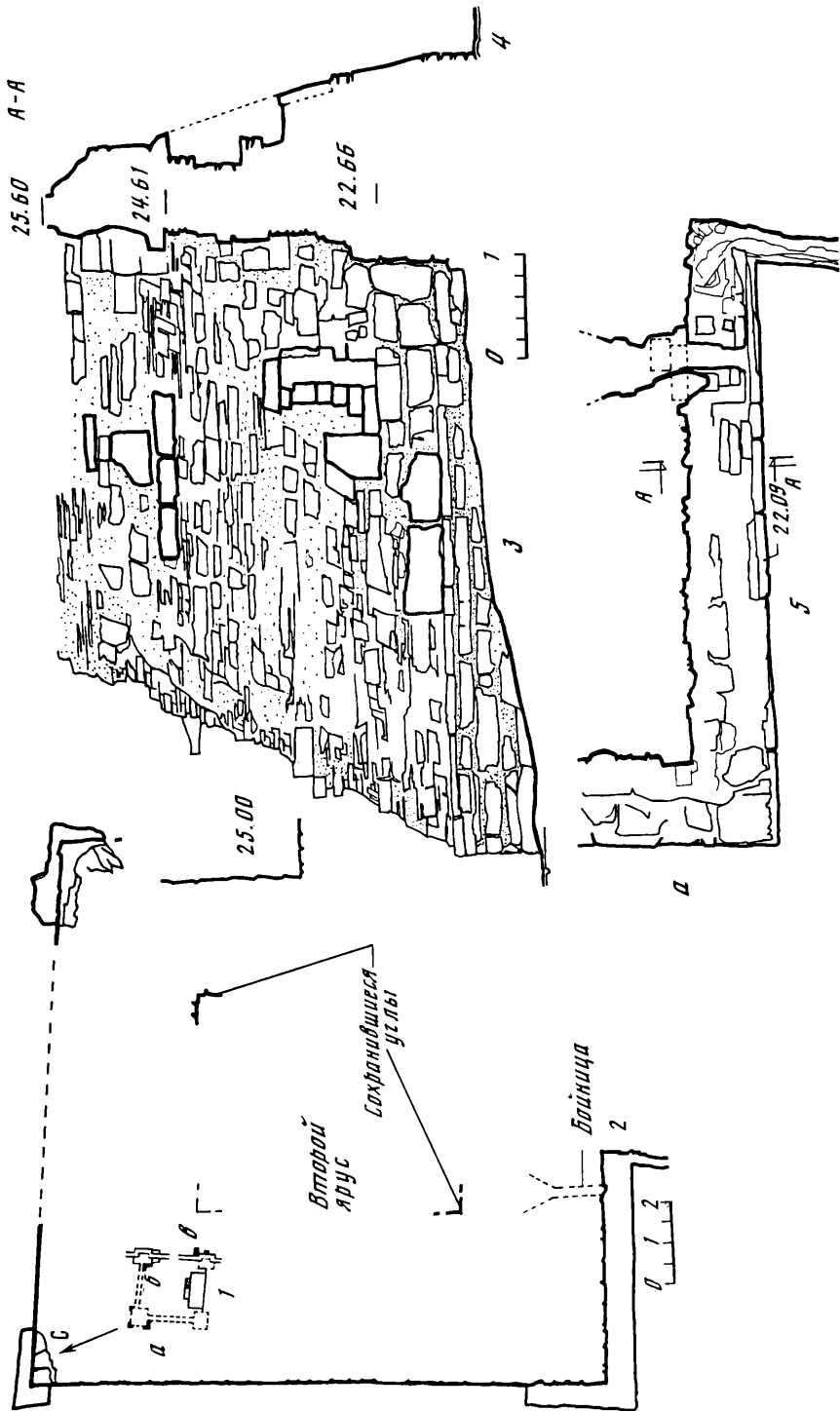
⁹ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси... С. 82.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИВАНГОРОДА

Основанный в 1492 г. на старом новгородском порубежье Ивангород - мощная боевая крепость, важный экономический и военно-политический центр, форпост православия на границах с Ливонией играл большую роль в реализации внешней политики московского правительства. Находясь в течение нескольких веков в гуще событий, имевших первостепенное значение для судеб России и соседних государств, город давно привлекал внимание историков. Благодаря фундаментальным исследованиям В. В. Косточкина, разработкам Е. А. Кальюнди и А. Н. Кирпичникова, а также других авторов создана целостная картина сложения этого оборонительного комплекса; намечено место ивангородской крепости в истории отечественной фортификации. Рассматривались и некоторые другие вопросы, связанные с прошлым Ивангорода. К сожалению, долгое время памятник оставался практически не изученным в археологическом отношении, а предпринимаемые небольшие по объему раскопки носили случайный характер. Названную лакуну удалось восполнить в результате работ экспедиции ЛОИА АН СССР в 1980-1986 гг. За указанный период на территории крепости 1492 г., Большого Бояршего города, Замка и Переднего города исследован культурный слой мощностью 1,6-2,5 м, а местами и больше на площади свыше 1800 м²; полученные в ходе раскопок данные существенно дополняют представление о городе XV-XVII вв.

Появление Ивангорода в непосредственном соседстве со старым ливонским центром - Нарвой - знаменовало начало новой эпохи во взаимоотношениях русского государства с западными соседями. Основание города, защищенного изначально каменными стенами и башнями в столь «горячей точке» Прибалтики, явилось событием международного значения. Неудивительно поэтому, что при строительстве престижного в политическом отношении комплекса, явно предназначенного для решения важнейших стратегических задач, были использованы самые передовые достижения отечественной фортификации. Определенное влияние на облик Ивангорода оказали градостроительные идеи европейского Возрождения. В этой связи интересна мысль об участии в предпринятых работах зодчего, увлеченного идеями о ведущей роли математики в архитектуре.

Начальным этапом в реализации плана создания первых укреплений Ивангорода было строительство в 1492 г. небольшого четырехугольного сооружения площадью около 1600 м². В основе построения плана древнейшей крепости с четырьмя угловыми башнями лежит правильная геометрическая фигура - квадрат со сторонами около 40 м. Подобная структура объекта, получившая название «регулярная», необычная для русского военно-оборонительного зодчества своего времени, привлекала внимание уже летописцев, неоднократно отмечавших, что новый «город» был «четвероуголен». В процессе раскопок удалось выявить ряд оригинальных особенностей древнейшего комплекса. В частности, интерес представляют размеры объектов в основании, т. е. непосредственно связанные с разбивкой плана сооружений. Так, ширина прясел оказалась в основании около 4 м. Длина наружных стен северной башни составляла 13,2 и 13,8 м. Размеры других, также расширяющихся к низу башен, близки приведенным. Специфична и плановая структура крепости. Если южная и восточная башни выступают за линию фасада стены в сторону Большого Бояршего города на 3,3 м, то северная и западная башни выдаются наружу, за северо-западное прясло на

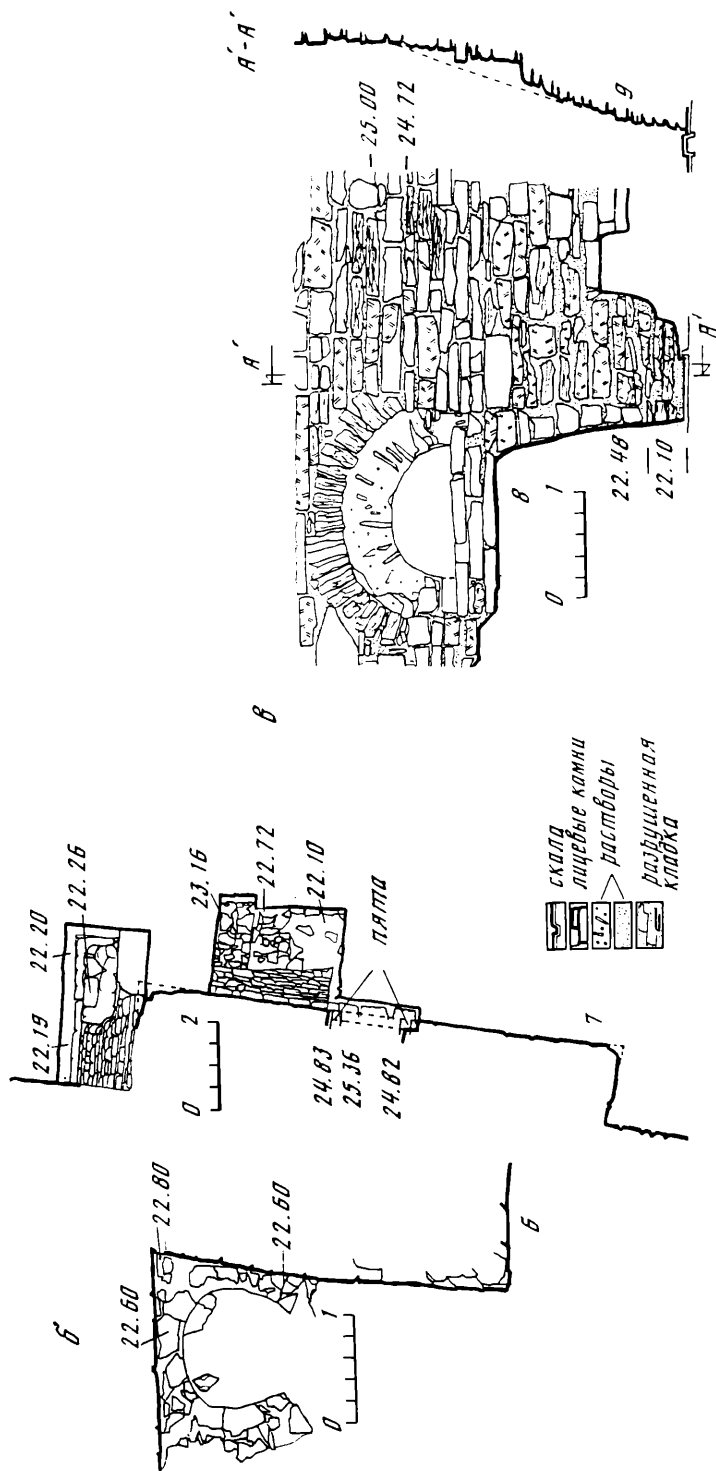

Рис. 1. Крепость 1492 г.

1 - ситуационный план размещения исследованных участков; 2 - северная башня, план основания; 3-5 - юго-западная стена северной башни (фасад, профиль, план); 6 -

западный угол восточной башни, план; 7 - юго-восточная часть южной балки, план; 8,9 - юго-восточная стена южной башни со следами заложения прохода (фасад, профиль)

5, 7-5, 85 м. Внутри же крепостного двора в юго-западном направлении восточное наугольное сооружение выдвинуто на 3,3 м. Иными словами, восточная и южная башни в сравнении с западной и северной оказались заметно смещенными внутрь четверугольной крепости (рис. 1, 1-7), что связано с различными особенностями комплекса, в частности, с размещением бойниц, организацией входов на верхние ярусы башен, устройством прохода в южной башне (рис. 1, 8-9)⁸ и т.д.

Существует мнение, будто бы не рассчитанные для ведения продольного огня башни крепости 1492 г., представлявшей укрепление «кастельного типа» (?), имели лишь фронтальные оконообразные бойницы. Аналогичные же устройства башен Большого Бояршего города были переделаны за счет вставок в щелевидные проемы на одном из поздних этапов модернизации укреплений⁹. Действительно, оконообразные фронтальные устройства сохранились в верхних ярусах наугольных сооружений, однако раскопками во всех башнях древнейшей крепости открыты и фланкирующие бойницы подошвенных (рис. 1, 2-5; 4) ярусов¹⁰. Среди них определенно имеются и щелевидные амбразуры. Такой, в частности, оказалась бойница размером 0,17 х 0,95 м, сложенная из прямоугольных брусков красноватого известняка, рассчитанная на высоте 1,3 м в юго-западной стене северной башни, причем следов перестройки проема на фасаде не прослежено (рис. 1, 3-5). Фланкирующие бойницы в крепости 1492 г. отсутствуют лишь с юго-восточной, напольной до возведения Большого Бояршего города, стороны. Отмеченные особенности плановой организации древних башен свидетельствуют, что сооружение четверугольной крепости и пристроенного к ней самого крупного (площадь 25 200 м²) объема комплекса - Большого Бояршего города - являлось реализацией этапов единого плана создания первых укреплений на Девичьей горе. Обе части крепости связывают общие принципы построения плана, основанные на применении методов пропорционирования¹², использование близкой облицовки с включением плит, поставленных «на иконку», одинаковых зубцов, а также сходные элементы,¹³ отмеченные в башнях и крепости 1492 г. и Большого Бояршего города¹³.

Возведение Большого Бояршего города, снабженного четырьмя круглыми угловыми и тремя прямоугольными башнями, увеличило боевую мощь крепости¹⁴, что отмечали уже современники строительства. Видимо, среди причин создания столь крупных по площади укреплений следует учитывать и соображения престижного характера. Ведь рядом, за рекой, высилась старая ливонская крепость Нарва, окруженная к тому времени многобашенной городской каменной стеной¹⁵.

Под защитой крепостных сооружений грод развивался чрезвычайно быстрыми темпами. Не случайно летописец, повествуя о захвате Ивангорода в августе 1496 г. шведским десантом под руководством Стена и Свана Стуре, поясняет, что неприятель «немилостиво пограбился живот и товар бесчисленно»¹⁶. А шведские источники называют среди трофеев: золото, серебро и меха (в основном соболей). Запасов же воска в городе было так много, что, расплавившись во время пожара, он превратился в настоящую реку по которой можно было плыть на лодке¹⁷. Разумеется, информаторы могли преувеличить богатство добычи, однако и другие источники, в частности археологические данные, подтверждают высокие темпы развития нового экономического центра. Судя по раскопкам, городская территория, защищенная каменными стенами, уже на ранних этапах имела регулярную планировку с элементами благоустройства и была плотно застроена деревянными домами. Жилые избы вместе с хозяйственными сооружениями образовывали многочастные связи. В застройку входили и производственные комплексы. Композиция связей, плановая структура построек, конструкция стен, организация

интерьеров представлены весьма разнообразно. Очаги, каменные и глинобитные печи занимали один из углов или центральную часть помещения либо стояли у стены. Печи были наземные, на высоком основании, в ряде случаев выявлены столбы опечков. Иногда такие устройства ставили на бревенчатый настил, перекрытый изоляционной прослойкой из песка и глины. Бревенчатые или досчатые полы настланы как «по ходу», так и «поперек». Лаги-переводины врублены в бревна первого или второго венца. В одном случае настил пола был дополнительно закреплен в специальных продольных пазах в бревнах окладного венца. Дверные проемы сохранились в виде порогов с «пяточным» пазом, выбранных на глубину 0,1 м с внутренней стороны бревен первого или второго венца. Ширина порогов 0,9-0,95 м. Перед входом, как правило, устраивали деревянные или каменные настилы. Найдены и дверные полотна. Наряду со срубам, являвшимися заметными элементами в застройке Ивангорода, здесь открыты деревянные сооружения иного облика, например несколько типов каркасных построек, в том числе с печами. Помимо жилых изб, во дворах находились хлева, конюшни (среди находок имеются предметы из снаряжения всадника и коня: шпоры, псалий, стремена, удила, подпружные пряжки, подковы, а также орудия сенокосения) (рис. 2, 21, 22; 26-30; 47, 48), клетки и другие хозяйственные сооружения. Выделим «мукомольню», в районе которой обнаружены деревянные части мельницы, жернова и расположенную между двумя срубам постройку с легкими стенами, где открыты кострище, окруженное крупными валунами, и развал саней (рис. 2, 5). Постройки располагались вдоль улиц. Мощеная камнем улица шириной около 3 м расчищена в древнейших отложениях на протяжении 19 м (в границах раскопа).

Одновременно с развитием застройки продолжалось совершенствование оборонительных сооружений. За период с 1507 по 1557 г. значительно расширилась территория города, защищенная каменными стенами. Появились такие важные в фортификационном отношении отделения крепости, как Замок и Передний город. «Четвероугольная» крепость, оказавшись на территории Замка, не утратила своего боевого значения, как это представляется некоторым авторам¹⁸, а превратилась в наиболее защищенный узел крепости - цитадель. При модернизации укреплений был введен ряд новшеств: устроены так называемые «ловушки», сводчатые перекрытия ярусов башен, пристенные лестницы и т. д.¹⁹ За счет сооружения деревянных острогов, в частности в устье Наровы²⁰, укреплен фронт обороны вдоль старой ливонской границы.

Позднее в застройке возрастает роль каменных сооружений. Камень стали использовать для строительства не только церквей и оборонительных объектов, но и для жилых, хозяйственных и производственных комплексов. Раскопками полностью или фрагментарно раскрыто свыше 20 разновременных каменных сооружений. Среди них выделяется серия близких по структуре каменных построек размером 3,2-3,6 x 3,4-4,4 м, обнаруженных близ Никольской церкви. Стены шириной 0,5-0,8 м, сложенные известняковыми плитами на светло-сером растворе, сохранились на высоту 0,2-1 м. Полы каменные и деревянные. В стенах прослежены специальные уступы-опоры для деревянных настилов. Каменные прямоугольные печи чаще занимали один из углов помещения. В одном случае рядом с печью обнаружен очаг. Ширина входных проемов около 1 м. Иногда, рядом со входом, у наружной стены устраивали специальную, мощеную камнем площадку или деревянный настил. Большинство сооружений входили в сложные комплексы, состоявшие из нескольких каменных и деревянных сооружений.

Традиционно Ивангород конца XV - начала XVII в. рассматривают как мощную крепость, крупный торговый центр, ближайший к

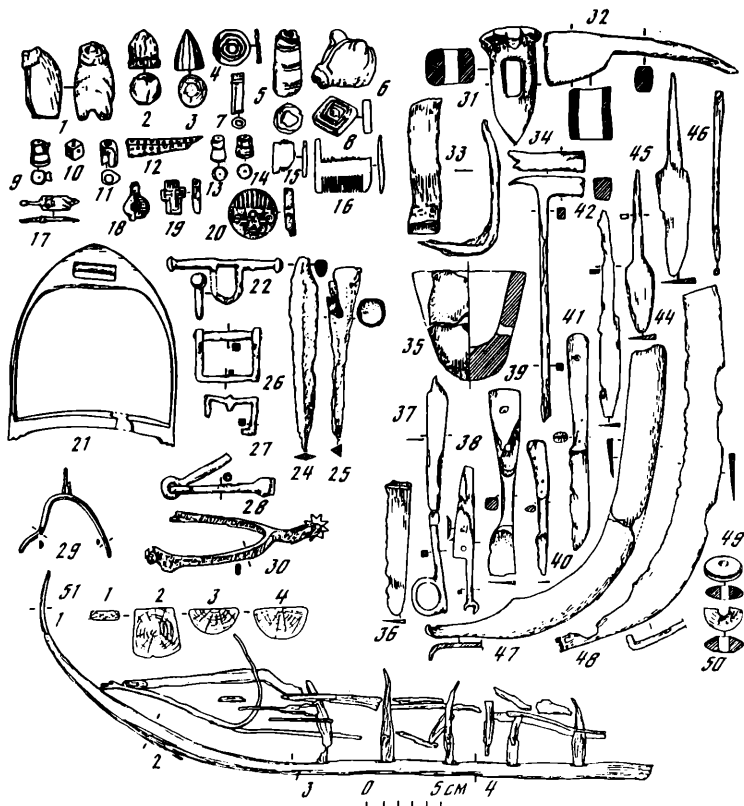

Рис. 2. Находки из раскопок в Ивангородской крепости

1-4, 8-10, 13-14 - шахматные фигуры, игральные фишки, кубик; 5, 11, 12 - фрагменты рукоятей; 6 - игрушка (медведь); 7 - угольник; 15, 16 - гребни; 17 - книжная накладка; 18 - бубенчик; 19 - крестик; 20 - роговой диск с геральдическими лилиями; 21 - стремя; 22 - псалий; 24, 25 - колья; 26, 27 - пряжки; 28 - удила; 29, 30 - шпоры; 31 - кузнечное зубило (?); 32 - тесло; 33 - сапожная лапа (?); 34 - молоток; 35 - тигель; 36, 39-42, 44, 45 - ножи; 46 - сверло; 47, 48 - косы; 49, 50 - пряслица; 51 - часть саней; 1-4, 51 - дерево; 7, 17, 18, 21-34, 36-38, 42-48 - металл; 6, 35, 49 - глина; 5, 9-16, 19 - кость; 8, 50 - камень; 39, 40 - кость, металл; 41 - дерево, металл

западно-европейским странам, морской порт русского государства. Менше внимания уделено ремесленному производству и экономике города. Н. Д. Чечулин, опираясь на писцовую книгу, составленную на исходе XV в., вычислил, что ремеслами и различными промыслами (всего упомянуто 16 специальностей) занималось 23% жителей города. В целом же, по его мнению, в городах новгородских и псковских земель, в том числе и в Ивангороде, ремесленное производство было развито слабо²¹. Еще дальше идет эстонский буржуазный историк А. Соом, который полагает, что в XVI в. «трудно было бы назвать Ивангород - городом.

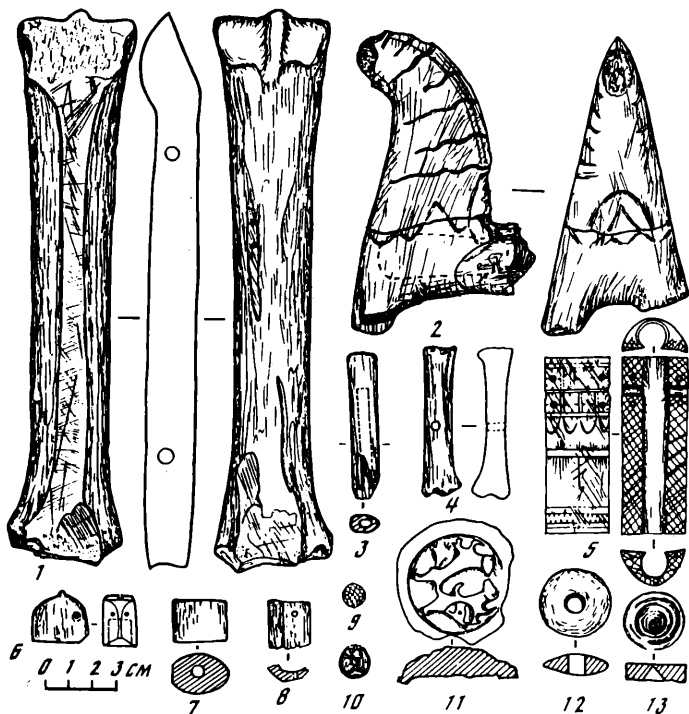

Рис. 3. Находки из раскопок Большого Боярского города

1 - конек; 2 - игрушка (конь); 3, 5-8 - часть рукоятей; 4 - журналка; 9, 10 - бусы; 11 - фрагмент изделия с геральдическим изображением; 12 - пряслице; 13 - шашка
1, 3-8, 12 - кость; 2, 11 - глина; 13 - дерево; 9 - камень; 10 - стекло

Это было просто поселение, подобное другим поселениям торговцев и ремесленников, примыкавшим к крепости Интерманландии». Лишь после включения в 1617 г. Ивангорода в состав шведских владений русские ремесленники «переняли от немцев даже некоторые новые для них профессии, приобрели необходимые навыки и сноровку... благодаря близости к Нарве. Так, ревизионный список 1640 г. упоминает даже двух золотых дел мастеров...»²²

Согласиться с приведенными утверждениями нельзя. Не только мощные оборонительные сооружения, каменные храмы, тесная регулярная застройка, но и состав находок (рис. 2; 3), собранных в ходе раскопок, свидетельствуют об изначально городском характере рассматриваемого населенного пункта. Ремесленное производство с древнейшего периода истории Ивангорода занимало заметное место в различных отраслях социально-экономической структуры города. Письменные источники по ряду причин²³ далеко не полностью освещают эту сторону деятельности ивангородцев. Восполнить указанную лауну позволяют археологические исследования. Уже в нижних отложениях, вскрытых на территории Большого Боярского города, обнаружены следы кожевенного и сапожного производства. Мастерскими служили обычные жилые срубы или пристройки к избам. При раскопках найдено свыше 6,5

тыс. кожаных предметов, включая отходы производства, заготовки, детали и целые изделия, связанные преимущественно с сапожным ремеслом. Кроме того, в коллекции представлены целые или фрагментированные рукавицы, ножи, мячи, кошельки, сумки, пояса, ремни и т. д. Есть и набор различных приспособлений и инструментов сапожника: деревянные колодки, железная «лапа» (?), специальные ножи, шилья. На одном из исследованных участков города трудилось, видимо, несколько поколений сапожников²⁴. Неподдалеку, в срубе площадью 11,9 м², сложенном из толстых бревен, размещалась мастерская бронзолитейщика. В помещении расчищен развал крупной каменной печи, поставленной над специальной ямой. В постройке и рядом с ней найдено 43 обломка не менее чем от 11-12 тиглей (рис. 2, 35) по форме трех типов. По наблюдениям Н. В. Селивановой, состав исследованных образцов свидетельствует о наличии не менее трех рецептов приготовления теста для тиглей. Специальный анализ также показал, что тигли подвергались термическому воздействию при разных температурах²⁵. Приведенные факты отражают сложность применявшейся технологии. В районе мастерской собраны куски бронзы, шлак, бронзовые височные кольца, перстни, пуговицы, фрагмент фибулы, иконка и т. д. При раскопках обнаружены инструменты, связанные с бронзолитейным, кузнечным, слесарным производством (рис. 2, 31, 34, 35, 46,). К более позднему времени относится металлообрабатывающая мастерская, занимавшая каменное сооружение площадью около 26 м², состоявшее из двух помещений. В одном - открыты остатки наземных плавильных печей, в другом - горн, части кузнечных мехов, колоды-подставки, в том числе под наковальни. Здесь собрано огромное количество шлаков, обрезков металла, обломков крупных тиглей (?), обзаки печей. Судя по находкам, в Ивангороде работали специалисты и других профессий, например, резчики по дереву и кости, мастера бондарного дела, возможно, оружейники. Очень важно, что материалы раскопок дают возможность наметить градации уровней и форм производственной деятельности. Наряду с ремесленной деятельностью разного, если иметь в виду сложность применяемой технологии, уровня, можно говорить и о распространенности домашнего производства. В частности, во многих постройках обнаружены находки, связанные с обработкой прядильных растений²⁶, прядением и ткачеством: вальки, трепалки, чесала, веретена, пряслица, детали мотовил и горизонтальных ткацких станков (нитченки, чины, собачки, челнок, притужальники, пришвицы)²⁷. Таким образом, раскопки позволили значительно расширить список ремесленных специальностей, упоминаемых в письменных источниках. Неполнота такого списка, видимо, связана с разнообразием форм организации производства и неодинаковым положением мастеров в системе фиска. В этой связи требует уточнения представление о социальной стратификации территории Ивангорода на исходе XV в.²⁸

Быстрый рост Ивангорода был обеспечен главным образом выгодным географическим положением, экономической и политической конъюнктурой, а также соответствующими мероприятиями центрального правительства и местной администрации. Открытие ганзейской конторы в Новгороде, перемещение на берега Наровы нового, отмеченного и писцомой книгой²⁹ населения (сбережения такого, судя по составу монет³⁰ (рис. 4), московского «испомещенца», оказавшиеся в земле после пожара в конце первой четверти XVI в., были обнаружены при раскопках в 1982 г.), планы организации иноземных гостиных дворов, укрепление границы, борьба за признание торговых прав Ивангорода, забота о создании и развитии морского порта, строительство новой, стратегической дороги и т. д. - звенья государственной политики,

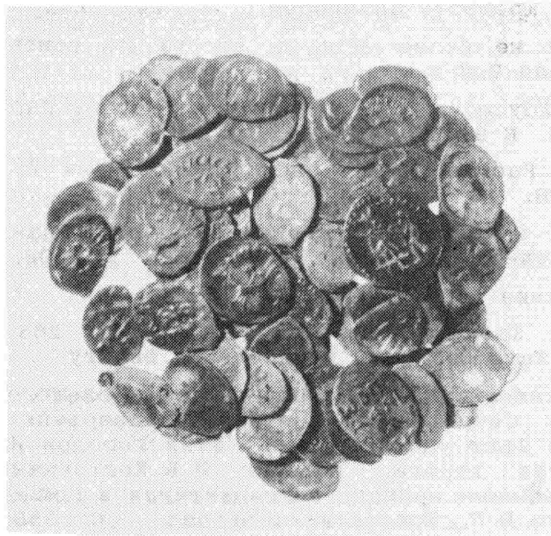

Рис. 4. Монетный «клад» 1982 г.

способствовавшей расцвету города. Одновременно в течение всего XVI в. продолжались модернизация и расширение ивангородских укреплений.

¹Библиографию до 1950 г. см.: Косточкин В.В. Крепость Ивангород // МИА. 1952. N 31. С. 224; и др.

²Косточкин В.В. Крепость Ивангород... С. 224-317; Он же. Русское оборонное зодчество конца XIII - начала XVI в. М., 1962 С. 56; и др.

³Кальюнди Е.А. Крепость Ивангород. Историческая справка. Архив Гос. инспекции охраны памятников Управления культуры Леноблисполкома. Дело N 26/5. Л. 5-54. 1967; Курличников А.Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978 г. Л., 1979. С. 488, 489.

⁴Косточкин В.В. Топография Ивангорода в XVI в. // СА. 1961. N 3. С. 261-269; Клейнберг П.Э. Мероприятия Русского государства по укреплению наровской границы в конце XV в. // Воен.-ист. журн. М., 1960. N 2. С. 125-127; Козакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XV - начало XVI вв. Л., 1975. С. 178-337; Кивимяэ Ю.Ю. Нарва и Ивангород в торговой политике России и Ливонии 1492-1558 гг. // Русское централизованное государство. Образование и эволюция, XV-XVII вв. М., 1980. С. 68-72; Дорошенко В.В. Русский экспорт через Нарву: (По данным Ивангородской таможни 1619-1620 гг.) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 339-350.

⁵Kaljundi E. Narva kindlustused // Restaureerimisalaste artiklite kogumik. Tallinn, 1976. Lk.27. (О раскопках К. Штрауса в 1942 г.); Уоаннисян О.М. Раскопки в Ивангородской крепости // АО 1978 г. М., 1979. С. 10.

⁶Это предложение высказано О.Г.Гусевой в неопубликованной работе, с которой я смог ознакомиться в 1982 г. благодаря любезности автора.

- ⁷ Косточкин В. В. Крепость Ивангород... С. 241, 242.
- ⁸ Ширина прохода не более 2 м, а высота по обмерам фасада башни составляет около 2,8 м.
- ⁹ Мильчик М. У., Хаустова У. А. Крепость на берегу Наровы // Ленингр. панорама. 1985. № 9. С. 24, 25.
- ¹⁰ Петренко В. П. Работы Ивангородской экспедиции // АО 1983 г. М., 1985. С. 25, 26.
- ¹¹ Петренко В. П., Стеценко Н. К. Новые данные об Ивангороде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 108, 109.
- ¹² Любезное указание О. Г. Гусевой.
- ¹³ Косточкин В. В. Крепость Ивангород... С. 249, 268, 269, 284, 285; Мильчик М. У., Хаустова У. А. Крепость на берегу... С. 24.
- ¹⁴ Вопрос о времени завершения строительства Большого Бояршего города ясен не вполне. Свидетельством в пользу завершения строительства до 1498 г. служит факт упоминания под этим городом Никольской церкви, стоявшей внутри города, которую В. В. Косточкин отождествлял с одноименным каменным храмом, сохранившимся в Большом Бояршем городе (см.: Косточкин В. В. Крепость Ивангород... С. 256-258). Однако при раскопках 1982-1986 гг. установлено, что существующее здание Никольской церкви не может относиться к начальному этапу ивангородской истории. См.: Петренко В. П., Стеценко Н. К. Раскопки Ивангородской крепости // АО 1982 г. М., 1984. С. 28, 29.
- ¹⁵ Suvaler A. Narva Ajalugu. Narva, 1936. Т. 1.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 233.
- ¹⁷ Савельева Е. А. Книга Олауса Магнуса «История северных народов» и ее известия о России // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 335, 336.
- ¹⁸ Мильчик М. У., Хаустова Н. А. Крепость на берегу... С. 25.
- ¹⁹ Там же. С. 25, 26.
- ²⁰ Косточкин В. В. Русские военно-оборонительные сооружения у устья реки Наровы // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 25-32.
- ²¹ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб. 1889. С. 50-52.
- ²² Soom A. Ivangorod als selbständige Stadt, 1617-1649 // Sitzungsberichte der Gelehrten Estischen Gesellschaft. 1935. Tartu, 1937. S. 210-315.
- ²³ Курличников А. Н. Посад средневековой Ладogi // Средневековая Ладoga. Л., 1985. С. 171.
- ²⁴ Петренко В. П., Стеценко Н. К. Новые данные... С. 107, 108. В источниках конца XV в. деятельность сапожников не отражена. В 40-х годах XVII вв. здесь отмечены четыре таких мастера. Коллекцию кожаных предметов из Ивангорода в настоящее время изучает А. В. Курбатов.
- ²⁵ Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // МИА. 1949. № 12. С. 192-195.
- ²⁶ Эта серия предметов в составе коллекции деревянных изделий выделена С. В. Елпашевым.

²⁷ Среди названных Писцовой книгой конца XV в. жителей Ивангорода трепальщики льна не указаны (Новгородские писцовые книги. СПб. 1886. Т. 4. С. 227-230), тогда как по документам 1646 и 1647 гг. здесь значатся 34 представителя этой профессии (Soom A. Ivangor als selbständige Stadt, 1617-1649... S. 308-310.)

²⁸ Косточкин В.В. Топография Ивангорода... С. 263.

²⁹ Новгородские писцовые книги... С. 227-230.

³⁰ Калинин В.А., Петренко В.П. Клад русских монет первой четверти XVI в. из Ивангорода // Новое в археологии Северо-Запада. С. 128-130.

А. В. Курбатов

КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ИВАНГОРОДА

(По раскопкам 1980-1986 гг.)

В Ивангороде собрана значительная коллекция кожаных предметов насчитывающая более 3000 изделий и деталей, а также 3400 обрезков кожи. Свыше 2900 находок связаны с обувным производством. Кроме того, представлены части рукавиц, мячей, кошельков; сумок, а также пояса, ножи для ножей, т.е. основные категории кожаных изделий, известных по раскопкам в Ивангороде, Москве и других средневековых русских городах.

В Ивангороде основными видами обуви были поршни и сапоги. Поршне найдено 15 целых и 37 фрагментов, различающихся по способу шивания носковой и пяточной частей, а также по наличию декоративных элементов. Закройка поршня представляет прямоугольный кусок кожи расширенный в носке, размерами 20-32,5 x 10-16 см. По длинным сторонам с равными промежутками (0,8-1,2 см) сделаны надрезы в 1,5-2 см для кожаных ремешков. Отмечены два варианта пошива. Первый (рис. 1, 2) имеет в носковой части прорезы длиной 2,5-3 см, идущие по краям через 0,5-0,6 см. В каждой прорезанной полоске сделан надрез, который продевался ремешок. Такое оформление встречено и в других городах в слоях XVI-XVII вв. На переднем обрезе закройки выреза язычок, закрывающий отверстие в носке, который сшивался кожаным ремешком шириной 0,3-0,4 см, образуя своеобразную плетенку или «плетешок». Для удобства ношения, в местах соприкосновения обуви мышелками стопы, вырезы для обор не делали. Здесь имеется надрез для крепления обуви на подъеме. Пяточная часть стягивалась через пары отверстия. Ремни, состоящие из нескольких частей, соединялись петлями. Всего выделены семь целых и девять фрагментов поршне первого варианта. В носковой части закройки второго варианта нарезки по краю язычка отсутствуют (рис. 1, 3). Шивание велось «через край» 4 экз. обуви отличаются простотой покроя и некоторой небрежностью исполнения, что проявляется в различной длине прорезей для шнурования и расстоянии между ними. Концы ремней связаны узлом. Кож. плохой выделки: сохраняется мездра, жирование слабое. Можно предположить, что поршни второго варианта шились не профессиональными сапожниками.

Сапоги. С ними связана большая часть коллекции - около 80 деталей и более 1400 обрезков. Подбор деталей позволил реконструировать 30 изделий. Учтено 69 целых головок. Длина головок от 10 до 19,5 см. Форма их края различается оформлением носка боковин (круглый или раздвоенный носок, обрез боковин под прямым или

острым углом), мереи (линование, вышитый узор). Выделено 17 элементов края, совместная встречаемость которых позволила разделить детали на 17 вариантов. Основной формой (36 экз.) являются головки с раздвоенным носком, срезанными под прямым углом боковинами и вогнутым обрезом подъема, с мыском или без него (рис. 1, 4а). Они устойчиво встречаются во всех строительных горизонтах. Среди целых деталей 54 соотносятся с остроносими подошвами, 59 имеют линование для придания им продольного изгиба, что позволяло предотвратить появление складки на подъеме, уменьшавшей прочность обуви. Эти два элемента отличают сапоги жесткой конструкции, появившиеся в русских городах с XIV в.² В носок сапога подшивалась кожаная прокладка-поднаряд, бывшая как цельно-, так и детальнокроеной, а по форме - полной и неполной (рис. 1, 4б).

Подошва делалась из толстой, хорошо продубленной кожи, вероятно, особой выделки. Для XVI-XVII вв. известна специальность - «подошвеники»³. В Ивангороде встречено 72 целых подошвы трех типов края, в которых выделено шесть вариантов. Массовым является III тип (по Е. И. Оятевой), подошва с усиленным носком и округлой пяткой - 43 экз. (рис. 1, 4в) У 17 из них носок орнаментирован мелкими гвоздиками (рис. 1, 1а).

По деталям прослеживается ряд особенностей конструкции сапога. Так, линии отверстий потайного шва и надрезы вдоль них показывают, что при пошиве учитывалась несимметричность стопы. Этот прием хорошо известен по находкам асимметричных подошв и колодок в русских городах. Сапоги не имели каблучков. Их заменяли 3-4 кожаные прокладки с внутренней стороны подошвы, скрепленные гвоздями длиной 15-20 мм со шляпками от 5-8 до 12-16 мм в диаметре. Широкие шляпки заменяли подковки, встречающиеся в Ивангороде только в верхних горизонтах культурного слоя. При этом находок обуви с подковками или следами от них не отмечено. Появление подковок, возможно, следует связывать с распространением в крепости каблучной обуви в шведский период.

Задники по конструкции можно разделить на две группы. На большинстве деталей разных размеров имеется карман с язычком, служивший для уменьшения трения ноги при одевании сапога (рис. 1, 4ж-к). Задники с карманом без язычка, судя по реконструированным образцам, принадлежали обуви средних и больших размеров.

На деталях сапог часто встречаются следы, указывающие на их дополнительную отделку. Верх голенища обшивался материей или кожей, от чего сохранился тачной шов (рис. 1, 1а, б, г). На отдельных голенищах в верхней части задней половины имелось по два симметричных отверстия диаметром 18-25 мм с тачным швом по краю. По мнению Ю. П. Зыбина, в них вшивалась цветная ткань. Дважды на головке и передней части голенища встречена вышивка - «трилистник» (рис. 1, 1а). Подобное изображение известно на головке сапога из слоев XVI в. в Зарядье (Москва)⁴. Чаще практиковалась набойка на загнутый вверх носок подошвы и задник мелких гвоздиков длиной 2 мм и диаметром шляпки 1,5 мм (рис. 1, 1а, б).

По целым подошвам сделаны расчеты примерных размеров обуви согласно метрической системе обмера. В расчет принят способ ношения с онучами или мягкими сапожками, своего рода чулками, засвидетельствованными в описании одежды русских царей и цариц XVI в. При этом не учитывалась деформация подошв от длительного нахождения в культурном слое. Измерения показали, что сохранившиеся подошвы примерно соответствуют обуви от 22 до 44 размеров. Большинство их предназначалось для стоп 21,5 см и более. Количественные пики величин размеров стопы приходятся на 21,5-23 и 26-28 см. Вероятно, указанная обувь принадлежала взрослому

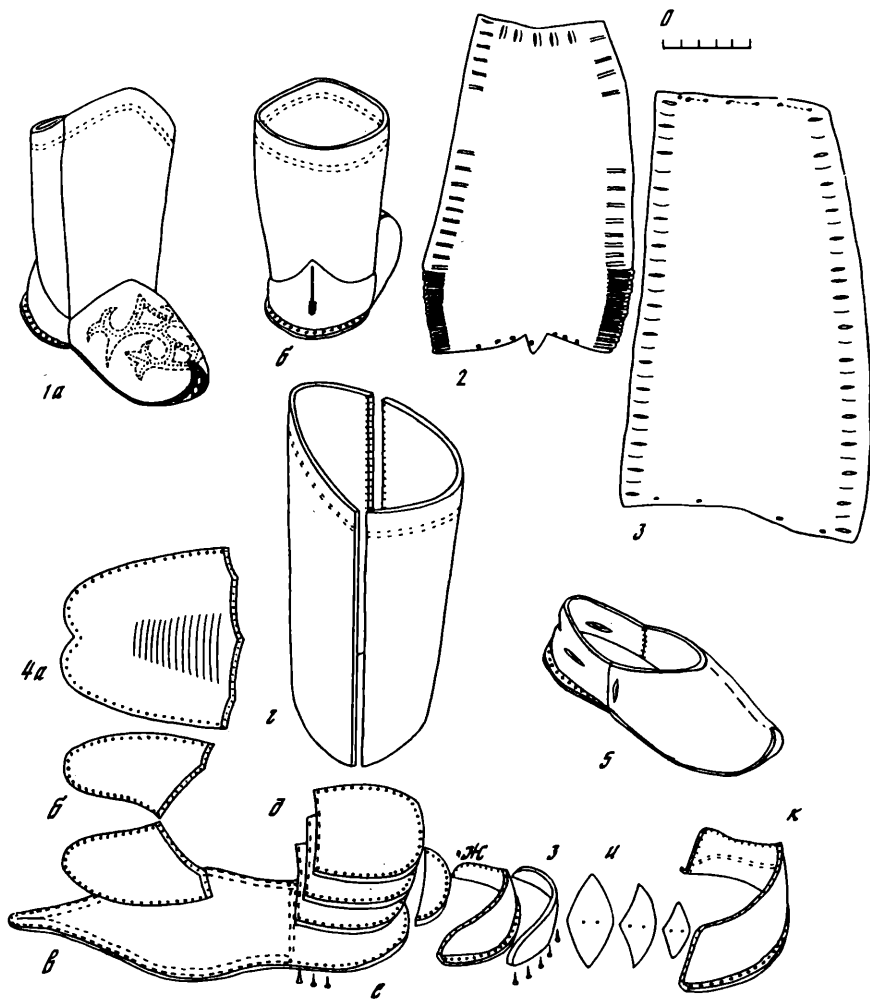

Рис. 1. Реконструкция кожаной обуви

1 - женский сапог: а - вид спереди, б - вид сзади; 2 - закройк поршня первого варианта; 3 - закройка поршня второго варианта; 4 - схема соединения деталей сапога; а - головка, б - поднаряды, в - подошва, г - голенище, д - набор пяточных подкладок, е - гвозди, ж - деталь кармана задника, з - берестяной вкладыш («закладка»), и - кожаные прокладки в карман задника, к - задник; 5 - «скрещень»

населению, а пики размеров соответствуют преобладающей длине сто женщин и мужчин.

Реконструированные образцы сапог позволили выделить особенность мужской, женской и детской обуви. Мужские сапоги имеют подошв простого профиля II и III типов кроя (по Е.И. Оятевой), иногда бе переймы. Орнаментация гвоздиками встречается редко. Все голенищ имеют обшивку по верху и иногда описанные выше отверстия в задне половине. Высота сапог 35-42 см. На подошвах преобладают гвозди с

шляпками диаметрами 12-16 мм. Женские сапоги имели более стройные пропорции подошвы с сильно зауженной переходной I и IV типов края (по Е. И. Оятевой), часто с орнаментированным мелкими гвоздиками носком. Нередко гвозди набивались и на задник, а на голенищах и головках иногда делали вышивку. «Подпятные» гвозди со шляпками диаметром 5-8 мм набивались в один или два-три ряда. Детские сапоги отличаются покромом голенищ. На нижнем срезе передней половины их вырезаны зубцы, между которыми для уплотнения вставлялась узкая полоска кожи. Задняя половина голенищ представляет вид вытяжного сапога, т. е. скроена вместе с задником. Высота их 19-25 см, а диаметр в верхней части 7,5-8 см.

На основании особенностей материала, характера швов и практических навыков работы прослеживается последовательность операций раскройки и пошива сапог. Крой производился сапожными ножами, имевшими относительно широкий и короткий клинок. Для подошв и задников, вероятно, применялись «меры сапожные». Головки и голенища, имеющие серию индивидуальных признаков, кроились скорее всего без шаблонов. Сшивание деталей можно представить в виде двух технологических схем, различающихся последовательностью пришивания головки к голенищу и подошве. Возможно, применялось шитье «на шпандырь». Судя по размерам отверстий, в швах использовались нити разной толщины. На голенищах, подъеме и боковых отрезках головки и задника диаметр отверстий составлял 0,6-1,5 мм, а в местах соединения головок и задников с подошвой 2-3 мм. После сшивания сапога следовала подрезка края подошвы и набойка гвоздей на «каблук». Гвозди набивались с расчетом, чтобы они входили в берестяной вкладыш кармана задника, обеспечивая дополнительную прочность пяточному узлу. При этом, возможно, пользовались сапожной «лапой».

В Ивангороде зафиксированы сапожные мастерские. На территории Большого Боярского города в 1981-1982 гг. исследован комплекс построек, состоящий из сруба с печью-каменкой, хозяйственной постройки и клетки, которые прослеживались в нескольких горизонтах. С комплексом связано несколько тысяч кожаных находок, в том числе целые изделия, отдельные детали и отходы производства. Вероятно, здесь жило не одно поколение сапожников, занимавшихся пошивом и ремонтом обуви и других изделий из кожи. Инструментарий представлен находками шильев, сапожных ножей, деревянной колодки-правила, железной сапожной «лапы» (?) и костяных игл (рис. 2, 15-17).

Встречены многочисленные следы ремонта обуви. На стертые подошвы ставились подметки, иногда неоднократно. Головки в основном протирались в местах расширения стопы - в пучках, где также пришивались заплатки. По степени стертости участков головки можно иногда определить на правой или на левой ноге носился сапог, так как стертость с внешней стороны стопы, как правило, сильнее. Отмечено вторичное использование деталей изношенной обуви.

Помимо поршней и сапог, встречается одна подошва мягкой обуви (туфли?) и детали, позволяющие говорить об использовании негодных сапог в качестве своего рода «башмаков» (рис. 1, 5). Голенища изделий, не подлежащих ремонту, обрезались, а в прорези на головках и задниках прослеживались оборы. Такие «рабочие боты» - «скрепки» (по Далю) - найдены в Чебоксарах в слоях XVI-XVII вв.

Кроме обуви, в Ивангороде сохранились различные изделия из кожи. Представлены рукавицы двух видов: цельно- и детальнокроенные (рис. 2, 10, 13, 14). Всего 25 деталей. Ножны (13 экз.) сшиты из трапециевидного куска кожи в один слой (рис. 2, 5). Шов расположен посередине, края подшивались внутрь. В верхней части делались отверстия для ремешка. При подвязывании ножен к поясу пользовались также «ушками» треугольной формы (рис. 2, 6), известными и в XVII

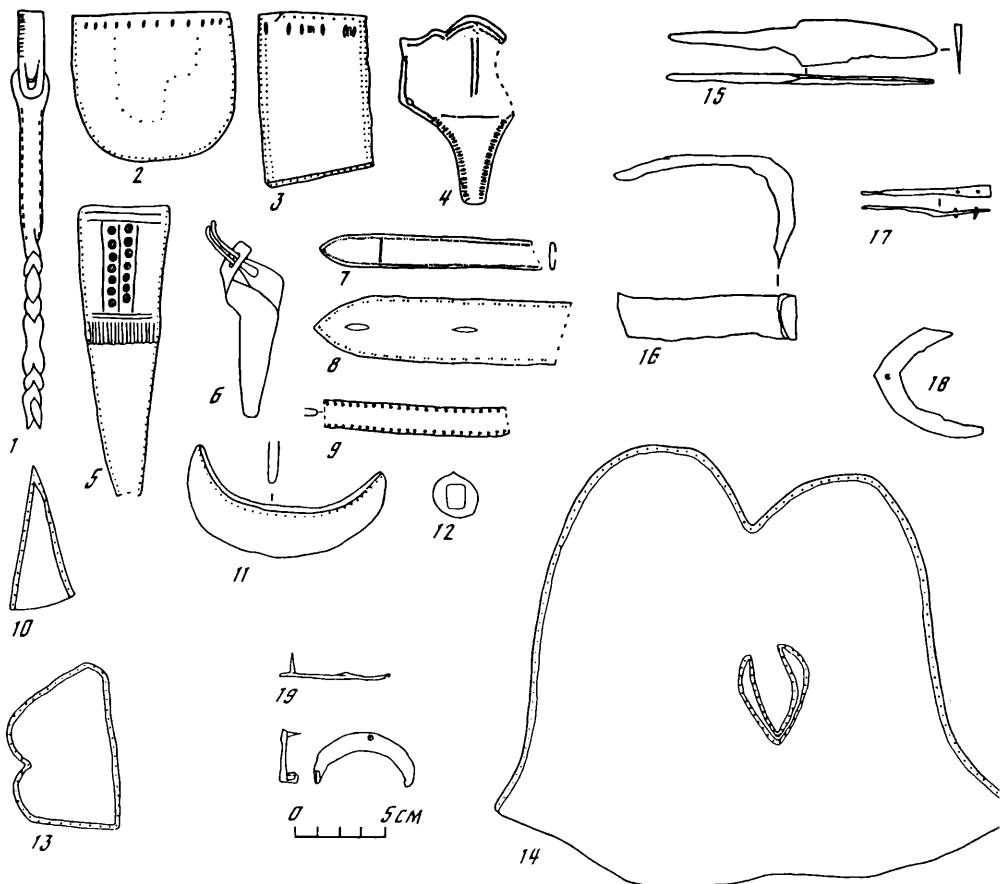

Рис. 2. Изделия из кожи и инструментарий сапожника

1 - плетеный ремешок; 2, 3 - детали кошелев; 4 - деталь клапа сумки - «калиты»; 5 - ножны для ножа; 6 - ушко для крепления нож на поясе; 7, 8 - фрагменты ремней; 9 - фрагмент обшивки кр изделия; 10, 13, 14 - детали рукавицы; 11 - обшивка края издел (кошелька); 12 - деталь с отверстием; 15 - сапожный нож; 16 сапожная «лапа»(?); 17 - шило; 18, 19 - сапожные подковки

в.⁸ Лицевая поверхность ножен орнаментирована линованием из параллельных и перекрещивающихся линий, а также вырезами. Имеются пь деталей мячей. Ивангородские находки отличаются большим количеством частей (пятью вместо трех) и формой деталей (сегментовидной Диаметр изделий 6-7 см. В коллекции есть фрагменты сумок, кошельк и ремней (рис. 2, 2-4, 7, 8). По раскрою и орнаментации сум напоминают найденую в Москве «калиту». Кошельки двух видов - клапаном и с затяжным верхом. Выделяется также серия узлов плетений, например, петельные соединения частей ремня на порши варианты затягивающейся петли-удавки, прямого и неправильно прямого узлов из морского арсенала. Интересен плетеный ремешок петель, украшенной нарезками (рис. 2, 1). Одна из находок, возможн являлась деталью луки седла.

Значительную часть коллекции составляют обрезки. Среди них бол 3000 полос шириной 2-8 мм и длиной до 40-50 см и около 3

крупных - отходы от раскроя кожи. 50 предметов имеют остатки шерсти - результат неполной сгонки волоса.

Сырьем служили шкуры различных животных. По обрезкам с шерстью сотрудники Зоологического института определили, что 45 образцов принадлежат мелкому рогатому скоту, один - свинье и четыре - крупному рогатому скоту¹⁰. Другие находки определить сложно, так как при обработке кожи исчезает рисунок мери. Для подошв применяли толстую, до 3,5 мм жесткую кожу разного качества выделки. Дубление часто неглубокое - видна полоса непродуба посередине. Это получал или подошвенный товар, для других деталей сапог брали брали кожу лучшего качества толщиной 1-2 мм. В отдельных случаях на мери сохраняются следы черной краски или дегтя. Рукавицы, кошельки и другие мелкие изделия, как правило, шились из тонкой мягкой кожи. Встречены детали кошелька и ножен из шагренированной кожи (?).

Ивангородская коллекция дает представление об особенностях кожевенно-сапожного производства в небольшом приграничном городе, являющемся в то же время крупным русским портом XVI в., через который проходили транзитные торговые пути в Европу. При раскопках прослежены остатки различных производств, в том числе сапожного. В мастерских шили и ремонтировали не только обувь, но и другие кожаные изделия, что говорит об отсутствии специализации мастеров. Однако уровень производства был высок. По формам кроя, пошиву и ornamentации сапог прослеживается определенная степень стандартизации. При этом в крое учитываются индивидуальные особенности стопы, возможно, основанные на обмерах. Мужская, женская и детская обувь различаются не только по отделке, но и по технике пошива. Отсутствует обувь изысканных форм с богатым декором, что может служить указанием на слабую социальную дифференциацию населения.

¹ Григорьев М. Г. Древняя Москва. // По следам древних культур. М., 1953. С. 350-352; Узюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65; Краснов Д. А., Каховский В. Ф. Средневековые Чебоксары. М., 1978. С. 145-146; Лысенко П. Ф. Берестье. Минск, 1985. С. 187, 188; Оятева Е. У. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. 1962. Вып. 4.

² Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 89.

³ Арциховский А. В. Новгородские ремесла // Новгородск. ист. сб. Новгород, 1939. Вып. 6. С. 7, 8.

⁴ Дубынин А. Ф. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИИМК. 1959. Вып. 77. Рис. 41, 8.

⁵ Петренко В. П., Стеценко Н. К. Новые данные об Ивангороде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 96, 97.

⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1909. Т. 4. С. 202.

⁷ Краснов Д. А., Каховский В. Ф. Средневековые Чебоксары... Рис. 76, 1.

⁸ Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л., 1959. С. 94. Табл. II, 1-12; III, 9.

⁹ Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1964. С. 112-115. Рис. 51-53.

¹⁰Определение производил сотрудник Лаборатории млекопитающих отделения Зоологического института А. Н. Тихонов, которому приношу искреннюю благодарность.

¹¹Петренко В. П., Стеценко Н. К. Новые данные об Ивангороде... С. 107, 108.

М. В. Шорин

ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ДАТИРОВКИ КУЛЬТОВЫХ КАМНЕЙ

(По материалам Новгородской обл.)

В настоящее время культовые камни представляют собой наименее изученную категорию археолого-этнографических памятников. Между тем введение в научный оборот этого пласта древностей (наряду со всей совокупностью связанных с ними фольклорно-этнографических материалов) представит дополнительный источник по изучению религиозных представлений в широком хронологическом диапазоне. Бесспорно, решение вопросов, связанных со столь сложными памятниками, будет возможно лишь с учетом культовых камней на всей территории их нахождения. В связи с этим необходимо активизировать работы по выявлению этих памятников, тем более что возможность фиксации как самих исследуемых объектов, так и связанных с ними материалов уменьшается с каждым годом.

Имеющиеся в литературе сведения² о культовых камнях на территории Новгородской обл. немногочисленны³, а посвященные им исследования единичны³. Специальным поиском этих памятников занимался краевед из г. Боровичи Г. И. Ивановский, несколько подобных объектов выявлено в ходе работ по паспортизации памятников археологии.

С 1984 г. Новгородский музей проводит регулярные работы по выявлению и фиксации культовых камней на территории области. К сожалению, поиск последних значительно затруднен из-за их удаленности от населенных пунктов и возможности выявления только с помощью местного населения. Данные обстоятельства не позволяют визуально исследовать некоторые из них, что ограничивает материал лишь фиксацией фольклорно-этнографических сведений. В настоящее время на территории области зафиксировано около 80 культовых камней, и в ходе дальнейших исследований их количество, несомненно, увеличится.

Рассматриваемые памятники представляют собой достаточно больших размеров гранитные валуны ледникового происхождения. Как правило, они имеют следы обработки, различной формы углубления и знаки. Собранный материал позволяет составить классификацию культовых камней. Положив в ее основу особенности этих камней (углубления, знаки), наиболее целесообразным представляется выделение следующих групп: 1 - камни-следовики; 2 - камни с выемками; 3 - камни с крестами; 4 - камни без следов обработки.

Данная классификация носит предварительный характер, и в будущем возможны ее уточнения.

1. Камни-следовики (46 экз.) - особенно многочисленная группа памятников на территории Новгородской обл. Это валуны с углублениями различной формы, отождествляемые в фольклорном материале со следами человека и животных.

Антропоморфные знаки представляют собой углубленное изображение отпечатка человеческой стопы или кисти руки. Выполнялись они, как правило, в технике выемки, т. е. порода камня выбиралась по всей площади изображения. Известны единичные случаи подобных изображений,

выполнены в иной технике. Так, изображение стоп и кистей рук на камне «Щеглец» обозначены гравировкой по контуру⁴, на камне у д. Березники Боровичского р-на Новгородской обл. след человеческой стопы барельефный (естественное возвышение окоントурено канавкой). К сожалению, до сих пор не получил достаточного распространения трасологический анализ знаков на камнях, позволяющий реконструировать технологию их изготовления, а также определить характер орудий (тип и материал, из которого они изготовлены). Наряду с изображениями «следов», искусственное происхождение которых не вызывает сомнений, имеются углубления естественного характера, образовавшиеся в результате геологического выветривания породы камня, иногда они подправлены рукой человека. В данном случае их происхождение (естественное или искусственное) не имеет принципиального значения. Для нас важна фольклорная интерпретация этих образований. В зависимости от четкости такого углубления оно связывается со следом босой ноги или «ноги в обуви».

Зооморфные знаки представляют собой углубления, связываемые в фольклорном материале со следами животных. Известны камни, имеющие углубленно выполненный подковообразный знак, в котором население видит след конской подковы.

2. Камни с выемками (17 экз.) имеют разнообразные по форме углубления (цилиндрические, полусферические, прямоугольные). Их количество и размеры могут варьировать в широких пределах. Отмечены культовые камни, имеющие выемки нерегулярной формы. Возможно нахождение на одном валуне углублений разнообразной формы.

3. Камни с крестами (7 экз.). На камнях находится углубленное изображение креста. Известны четырехконечные равносторонние кресты и шестиконечные с наклонной нижней поперечной частью. Иногда изображения крестов расположены на валунах первых двух групп.

4. Камни без следов обработки (5 экз.). Камни естественно-природной формы, какие-либо знаки или углубления на них отсутствуют. Выделены в особую группу в связи с существовавшей традицией их почитания. Лишь в редких случаях на одном валуне расположено несколько знаков различных групп.

Сравнение культовых камней Новгородской обл. с аналогичными памятниками других регионов показывает, что набор их типов в целом един. Исключение составляет Эстония, где на фоне громадного количества известных памятников такого рода (около 1300 экз.) камни с углублениями абсолютно доминируют.

Для историко-культурной интерпретации культовых камней важно установление времени начала их функционирования. Однако решение этого вопроса крайне затруднено ввиду особенностей рассматриваемого культа: распространенность у многих народов, широкие хронологические рамки его бытования (от первобытности до наших дней). Даже в том случае, если камни имеют знаки, датировка их затруднена из-за крайне скудной информативности последних⁵. Необходимые данные могут быть получены при археологическом исследовании прилегающего к камню пространства, однако фактический материал, получаемый в итоге, крайне невелик.

Археологические исследования на территории Прибалтики позволили получить самые ранние материалы (первая половина I тысячелетия н. э. - в Латвии, вторая половина I тысячелетия н. э. - в Эстонии⁶). На других территориях пока получены лишь поздние материалы либо основания для датировок отсутствовали. В ряде случаев при раскопках в Прибалтике установлено, что культовые камни стоят на краю ямы-очага, в которой обнаружены угли, фрагменты керамики, иногда кальцинированные кости животных, подчас рядом с камнем находилась глиняная или составленная из плотно пригнанных друг к другу камней

вымостка⁸. Можно предполагать, что исследованные камни входили в состав ритуальных сооружений и скорее всего почитание их было связано с разведением обрядовых костров. Полученные материалы фиксируют функционирование данных объектов на территории Литвы в период XVI–XVIII вв. В двух случаях аналогичные «очаги» зафиксированы на территории Новгородской обл. и датируются XVI в.¹⁰ Вероятно, в дальнейшем раскопки позволят установить, насколько подобные сооружения сопутствуют культовым камням, а также уточнить время возникновения и в какой-то степени характер совершавшихся обрядов. Большую помощь для датировки в случае обнаружения остатков кострищ может дать радиоуглеродный анализ.

Очевидно, многие из исследованных камней почитались и в более ранний период, но при этом совершавшиеся у них ритуалы могли иметь характер, исключающий фиксацию их следов археологическими методами. Этим обстоятельством, видимо, объясняется отсутствие фактических материалов при раскопках некоторых камней.

Таким образом, установление времени начала функционирования культовых камней по результатам раскопок сопряжено с рядом трудностей, вызванных отрывом культовых мест от поселений, особенностями ритуалов (минимум материальных остатков или вообще их отсутствие), а в том случае, если археологический материал имеется, нет гарантии, что он относится ко времени начала функционирования объекта и, более того, привязка обнаруженных остатков к исследуемым объектам не всегда может считаться абсолютной.

В такой ситуации правомерен поиск новых методов. Так, перспективным представляется применение анализа ближайшего археологического окружения камней, позволяющего в случае выявления определенной категории памятников, топографически связанных с культовыми объектами, говорить об их хронологической связи. К сожалению, до настоящего времени в этом направлении сделано очень мало. В последнее время К. М. Плоткин и А. А. Александров высказали предположение о связи культовых камней Псковщины с культурой длинных курганов¹¹. В. Лыугас, имея в виду культовые камни с небольшими искусственными углублениями, указывает на их топографическую связь с каменными могильниками скандинавского типа на территории Эстонии¹².

Для выявления хронологии и изначальной связи культовых камней с конкретными культурами важен анализ археологических памятников микрорегионов, где присутствуют культовые камни. В любом таком случае начало функционирования культового камня не может быть более ранним, чем начало освоения этого микрорегиона. В качестве дополнительного метода для подкрепления полученных выводов, с учетом возможной неполноты сведений о памятниках, может быть привлечен анализ ландшафтных ситуаций. Последнее основано на приуроченности поселений разных культур к различным типам ландшафтов, что отражает различия в хозяйственной специализации. Дифференцирующее влияние ландшафтных условий на расселение и освоение территории особенно возрастает с развитием земледелия, отражая его роль и характер в хозяйстве¹³. То есть сам характер ландшафта позволяет говорить об эпохах, когда они могли быть обитаемы.

Для конкретного анализа выбрано девять микрорегионов Ильменского бассейна с различной археологической ситуацией и проведено картирование памятников из ближайшего окружения культовых камней (рис. 1)¹⁴. Основой для выделения микрорегиона являлось скопление памятников, приуроченных, как правило, к системе озер или долинам рек, но наряду с этим учитывались памятники, выходящие за пределы гидрологической сети, что позволяет не только вычлнить ядра заселенности, но и наглядно представить процесс освоения данной местности, если он имел место. Размеры анализируемых участков

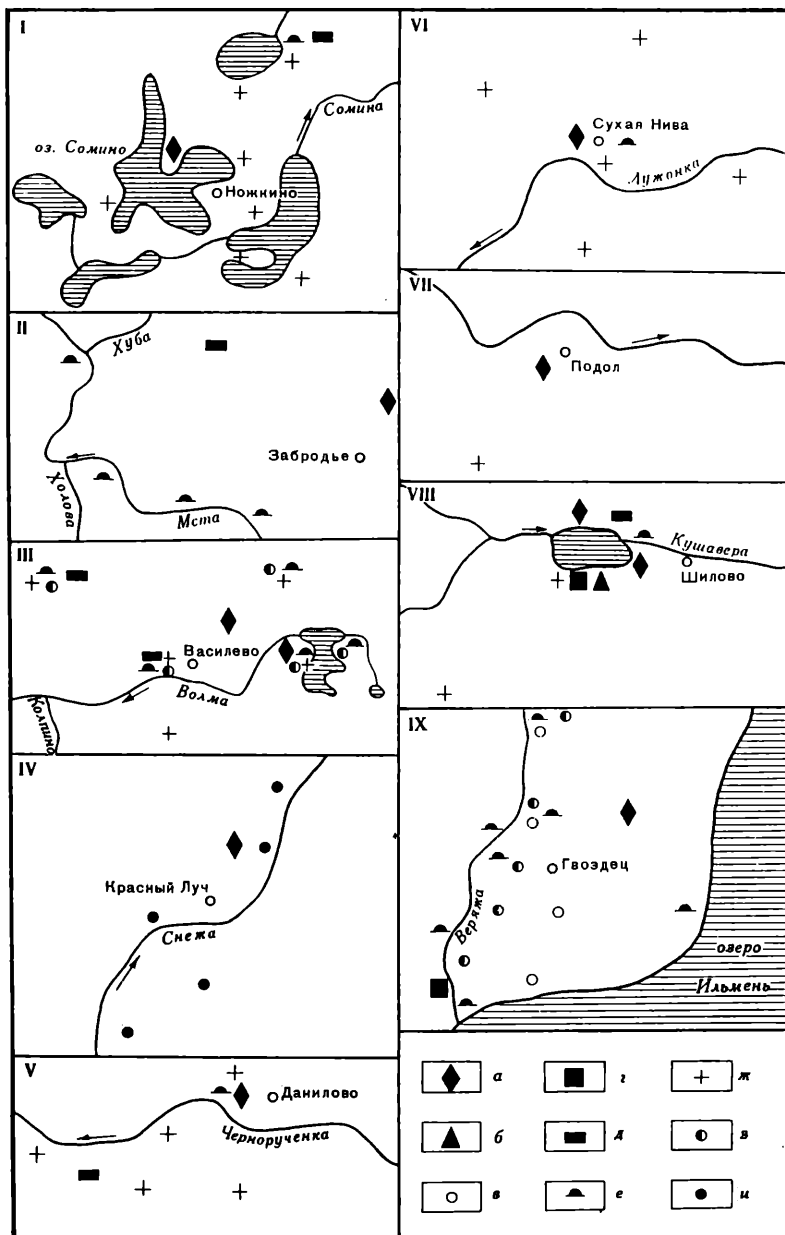

Рис. 1. Археологическое окружение некоторых культовых камней (схема)

а-культовые камни; б-неолитические стоянки; в-поселения раннего металла; г-городища раннего железного века; д-памятники культуры длинных курганов; е-памятники культуры сопок; ж-жальники; з-древнерусские памятники X-XIII вв.; и-поселения XIV-XVII вв.

I-Ножкино Хвойнинского р-на; II-Забродье Маловишерского района; III-Василево, Наволок Окуловского р-на; IV-Красный Луч Волотовского р-на; V-Данилово Демьянского р-на; VI-Сухая Нива Валдайского р-на; VII-Подол Окуловского р-на; VIII-Шилово Хвойнинского р-на; IX-Гвоздовец Новгородского р-на

достаточно обширны, чтобы делать соответствующие выводы (75-140 км²). Рассматриваемые камни представляют все группы, об их использовании в культовых целях говорят фольклорные и этнографические данные.

Анализ конкретных ситуаций показывает, что эти микрорегионы были освоены в разные эпохи. Какой-либо общий пласт памятников, с которым по преимуществу связаны камни, не выделяется. Можно предполагать, что культ камней во всех этих случаях возникал в разное время и не может быть связан с каким-то общим классом ранних памятников. Особо показательны микрорегионы с культовыми камнями у деревень Красный Луч и Подол (рис. I, IV, VII). Археологические разведки, проведенные здесь, выявили лишь поздние памятники (жальник) и поселения XIV-XVII вв. Археолого-ландшафтные характеристики также указывают на позднесредневековое освоение этих территорий, представляющих собой водоразделы рек с тяжелыми почвами¹⁶.

Рассмотренные ситуации убедительно доказывают возможность воспроизводства культа камней даже в эпоху позднего средневековья.

Таким образом, на современном уровне наших знаний можно считать, что зарождение культа камней на территории Северо-Запада произошло в эпоху раннего металла. При широком распространении традиции почитания камней в последующее время и ее сохранении до современности данный культ мог воспроизводиться в разное время, вплоть до эпохи позднего средневековья. Культ камней был свойствен всему населению исследуемого региона и было бы неправомерно связывать его с одной культурой и искать этническую окраску этого культа, особенно на поздней стадии. Дальнейшие исследования, вероятно, позволят определить время возникновения тех или иных типов культовых камней и их тяготение к определенным этническим традициям. Обратим внимание в данной связи на уже упомянутый факт различия в распределении камней определенных типов на территории Эстонии по сравнению со смежными районами.

¹В настоящее время культовые камни зафиксированы на территории Северо-Запада РСФСР, Карелии, Прибалтики, Белоруссии, в пределах Калининской, Московской, Ярославской, Ивановской и некоторых других областей.

²Новгородск. сб. Новгород, 1965. Вып. 3. С. 96, 97; Вып. 4. С. 14; Передольский В.С. Новгородские древности. Записки для местных изысканий. Новгород, 1898. С. 49, 206, 207; Аничков И.В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губ. М., 1915. С. 15.

- ³ Порфиридов Н. Г. Камни с изображениями и знаками // Новгородск. ист. сб. Новгород, 1940. Вып. 7. С. 115-118; Формозов А. А. Камень «Шеглец» близ Новгорода и камни-следовики // СЭ. 1965. N 5. С. 130-139; Макаров Н. А. Камень Антония Римлянина // Новгородск. ист. сб. Л., 1984. Т. 2 (12). С. 203-210; Шорин М. В. Вопросы изучения культовых камней на территории Новгородской области // Изучение истории и культуры Новгородской земли. Тез. докл. науч. конф. Новгород, 1987. С. 75-78.
- ⁴ Формозов А. А. Камень «Шеглец»... С. 131.
- ⁵ Исключные составляет камень «Шеглец». Анализ расположенных на нем уникальных рисунков позволил А. А. Формозову датировать их концом II - началом I тысячелетия до н. э. (Формозов А. А. Камень «Шеглец»... С. 138).
- ⁶ Lõugas V. Ausgrabung der Steingräber und Flurrelikte in Iru // Изв. АН ЭстССР. Сер. обществ. наук. Таллинн, 1976. N 1. С. 51.
- ⁷ Лебедев Г. С. Памятники Дремянцкого плато в Верхнем Полужье // АО 1979 г. М., 1980. С. 18; Сакса А. У. Разведочные работы Приозерского отряда // Там же. С. 30, 31; Он же. Исследования средневековых памятников на Карельском перешейке // АО 1980 г. М., 1981. С. 30; Он же. Работы приозерского отряда // АО 1983 г. М., 1985. С. 29, 30; Шорин М. В. Культовые камни на территории Новгородской области // АО 1984 г. М., 1986. С. 34.
- ⁸ Римантене Р., Урбанавичюс В. Языческое святилище в Жемайтии // АО 1970 г. М., 1971. С. 330; Урбанавичюс В. Языческие святилища XVI-XVIII вв. в Литве // АО 1971 г. М., 1972. С. 420, 421; Васкс А. Раскопки могильника и святилища около г. Резекне // АО 1973 г. М., 1974. С. 397, 398; Уртан В. Работы Айзкраульской экспедиции // АО 1973 г. М., 1974. С. 407, 408; Уртан Ю. Валун «Крауклю Акменс» // АО 1974 г. М., 1975. С. 424; Он же. Охраняемые раскопки в Восточной Латвии // АО 1980 г. М., 1981. С. 373; Стубавс А. Ступельская экспедиция // АО 1978 г. М., 1979. С. 474.
- ⁹ Urbanavičius V. Mitologinių amkenų tyrinėjimai 1970-1971 m // Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1970 ir 1971 m. Vilnius, 1972. P. 83; Idem. Senųjų tikejimų relikvialiniai Lietuvoje XV-XVII amžiais (4. Pagoniškos šventvietės XVI-XVII // Тр. АН ЛитССР. 1977. 3(60). С. 79-89.
- ¹⁰ Мильков В. В. Отчет о проведении археологических работ отрядом Новгородского музея в 1982 г. // Архив Новгородского музея-заповедника. Ф. 1. N 116. Л. 10-12, 18, 19.
- ¹¹ Плоткин К. М. Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. С. 11; Александров А. А. Население междуречья верхней Ловати и Великой в I тысячелетии н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 10.
- ¹² Lougas V. Väikeste lohkudega kultusekiivid // Eesti Loodus. Tartu, 1972. Т. 12. Lk. 729-732.

- ¹³ Микляев А.М. О ландшафтной приуроченности некоторых типов археологических памятников на Северо-Западе СССР // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. Ч. 1. С. 242-247; Конецкий В.Я. О реконструкции заселенности центральных районов Новгородской земли в XI-XII вв. // Новгородский край: Мат. науч. конф. «Новгород древний - Новгород социалистический. Археология, история, искусство». Л., 1984. С. 159-165; Долуханов П.М., Носов Е.Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI-X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 19-23.
- ¹⁴ Сведения о памятниках приводятся по картотеке Отдела археологии Новгородского музея-заповедника.
- ¹⁵ На поверхности этих камней расположены соответственно четырехконечный равносторонний крест и цилиндрическое углубление диаметром 5 см и глубиной 24 см.
- ¹⁶ Конецкий В.Я. Некоторые проблемы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородск. ист. сб. Л., 1989. Вып. 3(13). С. 3-19.

В. П. Петренко

ЗВАНСКАЯ СОПКА

Необычным для археологических исследований источником, позволившим выявить несколько новых памятников, оказались «песны и баллады», а также некоторые другие материалы, связанные с творчеством выдающегося русского поэта Г.Р. Державина. В одном из номеров журнала «Вестник Европы» за 1810 г. была помещена гравюра «Вид Званки - усадьбы Г.Р. Державина». Здесь, справа от господского дома, художник изобразил увенчанное сосной небольшое всхолмление правильной формы с крутыми склонами, напоминающее своим обликом классическую новгородскую сопку. Ни в одном из специальных исследований, посвященных таким сооружениям, данная сопка не значится. Как выяснилось, гравюра (позднее она неоднократно воспроизводилась в изданиях) выполнена по акварели, написанной А.М. Абрамовым - секретарем Державина, в честь посещения Званки в 1807 г. Евгением Болховитиновым. С этим же событием связано и одно из самых известных произведений позднего периода творчества Державина - «Евгению. Жизнь Званская». Именно здесь отыскались строки, которые проливают свет на интересующий нас вопрос. Обращаясь к своему гостю, тогда игумену Хутынского монастыря, известному знатоку отечественных древностей, поэт пишет:

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный
Который, тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный

В подчеркнутых строках речь, безусловно идет, о расположенной на территории усадьбы языческой погребальной насыпи. Реальность установленного факта лишний раз подтверждается и тем, что Державин неоднократно обращался к этому сюжету. В частности, в другом

стихотворении «Новгородский волхв Злогор» в повествование о похождениях легендарного Злогора вплетается лирическое описание ночной Званки, где мы вновь встречаем упоминание о романтическом могильном холме.

И днесь на Званке он проказит
Тьмы ночью делая чудес:
Златой луной на Волхов слазит
Лучом в нем пишет горы, лес
И, лоснясь с колкунами длинной
Брадой седой, склоняясь челом
Дрожит в струях иль холм могильный
Свой обшел, хранит в нем гром.

Сейчас можно только догадываться, что именно послужило источником поэтического представления Державина о древнем памятнике. Рукотворный ли облик сооружения, давний интерес к древностям, знакомство с историческим прошлым края, чему, видимо, способствовала близость к Евгению Болховитинову, известному знатоку отечественной истории, существование каких-то местных преданий - судить сложно.

В 1985 г. для проверки выявленных фактов на территории бывшего имения Державина проведены разведочные работы. Званская возвышенность тянется вдоль левого берега р. Волхов среди заболоченной низины в 5 км к юго-западу от ст. Волхово. Сопка располагается в северо-восточной части возвышенности, у края высокого берега. Высота поврежденного сооружения достигает около 2 м, при диаметре 15-16 м (рис. 1, 1, 2). Восточный склон сопки сливается с береговым скатом возвышенности. С юга, запада и севера подошва объекта повреждена запыленной траншеей. В западной полё и центре насыпи заметны остатки блиндажа. Удалось исследовать западную треть сопки и прорезать траншеей шириной 1 м восточную полу. Сооружение оказалось многоярусным (рис. 2). Основанием насыпи служила подрезанная по краям небольшая возвышенность с площадкой наверху, выраженной темной, насыщенной угольками, гумусной прослойкой - погребенной почвой - толщиной до 0,2 м. Площадка имела наклон в сторону берега. По краям платформы в западных секторах зафиксированы следы сложенного из песка и глины, укрепленного дерном подковообразного в плане валика высотой до 0,3-0,4 м, шириной до 2 м, перекрытого более крупными валами из слоев глины и подсыпками из гумусированных суглинка и песка (рис. 1, 2). На вскрытой площади, особенно в основании, у края насыпи встречались отдельные валуны и скопления камней - остатки каких-то разрушенных конструкций, в том числе, возможно, обкладки. В верхних частях сооружения, возведенных из гумусированных суглинков и песка, на вершине и по склонам расчищено свыше 30 целых или фрагментированных скелетов, размещенных в 4-5 ярусах. Погребенные, чаще без сопроводительного инвентаря, лежали по линии восток-запад. Положение рук разнообразное. Раскрыты и костяки с отклонениями от указанной линии или вообще с иной ориентацией (рис. 1, 1). Вместе с захороненными найден бронзовый крестик, железные ножи и неясные изделия, а также гончарная керамика, в том числе с линейно-волокнистым орнаментом, и обломки белоглиняных сосудов. В переотложенных слоях обнаружено несколько кальцинированных костей и мелкие фрагменты средневековой лепной керамики. В насыпи собрано более 20 обломков лепных сосудов «эпохи раннего металла», относящиеся к культурному слою поселения предшествующей поры. Отдельные находки этого времени встречались и за пределами насыпи (рис. 3).

Состояние объекта к моменту раскопок ограничивает возможности его

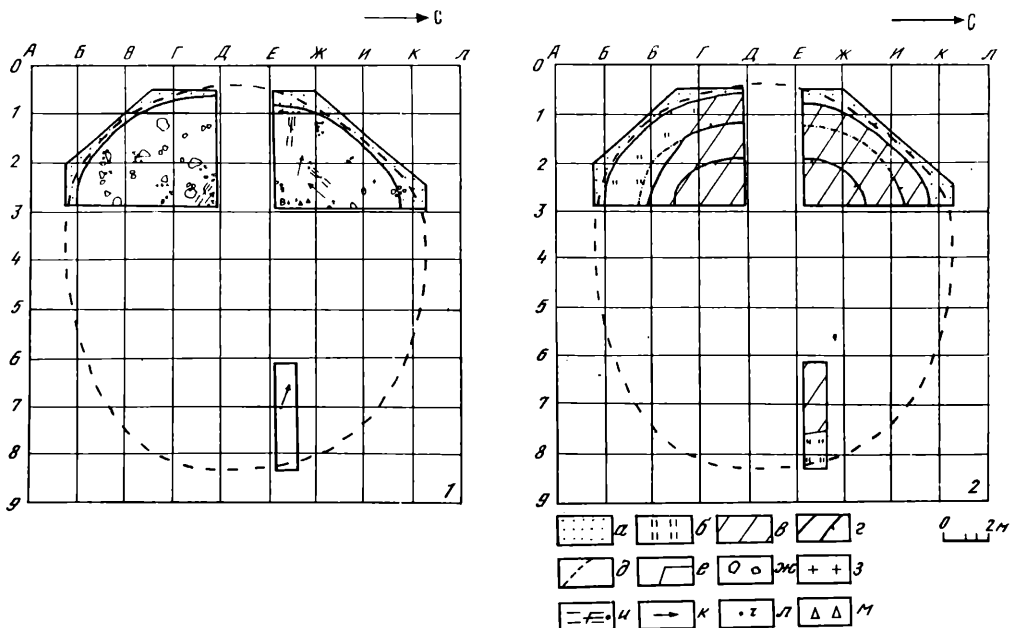

Рис. 1. Званская сопка

1 - насыпь на уровне верхних ярусов захоронения; 2 - основание насыпи

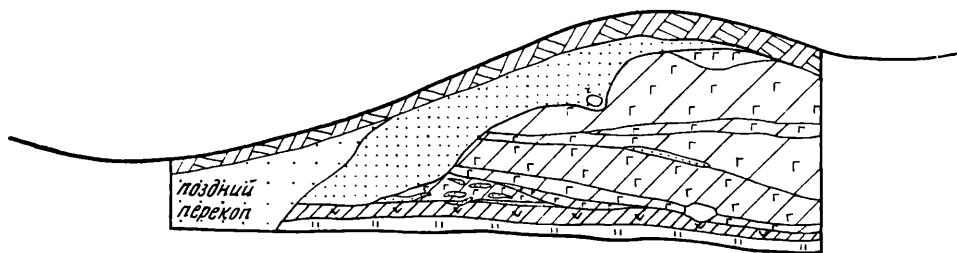
1 - по линии север-юг; 2-3 по линии восток-запад

а - перекоп; б - материк; в - гумус; г - валик из дерна, песка; глины; д - граница насыпи; е - граница раскопа; ж - камни; з - керамика; и - скелет; к - поврежденный скелет; л - череп; м - кальцинированные кости; н - дерн

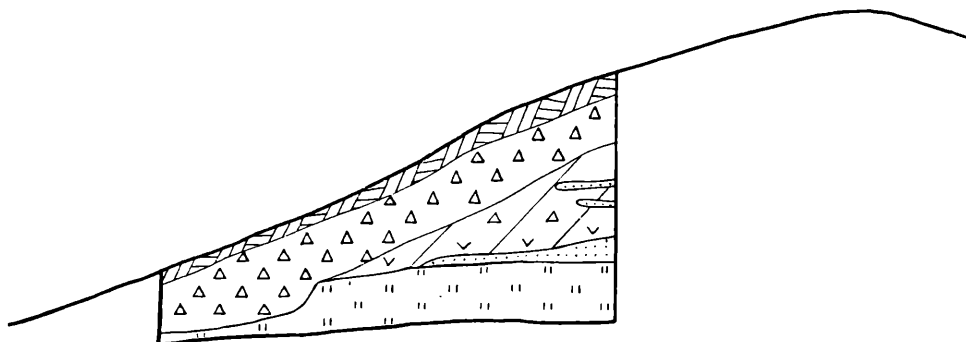
изучения, поэтому предлагаемые выводы носят предварительный характер. Такими чертами, как многоярусность, платформа в основании, система валиков, каменные сооружения, топография и т.д. сооружение близко напоминает сопки III типа. Относится ли оно к указанному типу или представляет особую категорию памятников, пока решить трудно. Датировать насыпь можно лишь временем распространения сопки в целом. Труположения совершены в более позднее время, чем предполагаемое сожжение. Вместе с тем заметный хронологический разрыв между теми и другими погребальными комплексами еще не определяет их соотношение.

Открытие в конце XIX - начале XX в. средневековых грунтовых могильников с труположениями близ сопки поставило вопрос о соотношении этих памятников. Отмечая связь между грунтовыми некрополями и высокими насыпями, исследователи опирались главным образом на их топографическую близость. Однако ограниченность информации из-за слабой изученности объектов, «контрастность» погребального обряда тех и других памятников, а также хронологический разрыв между ними (сопки датировали VI-IX вв., а грунтовые труположения относили ко времени не ранее XI в.) привели к тому, что грунтовые некрополи с труположениями не учитывались при обсуждении схемы развития

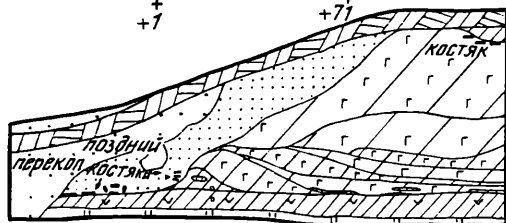
1 Л₊ -22 К₋ -33 И₋ -37 Ж₊ +104 Е₊ +65

2 Г₊ -238 В₊ -148 Д₊ -61 Б₊ +34 А₊ +81

3 0₊ -35 1₊ +7 2₊ +77 3₊ +95

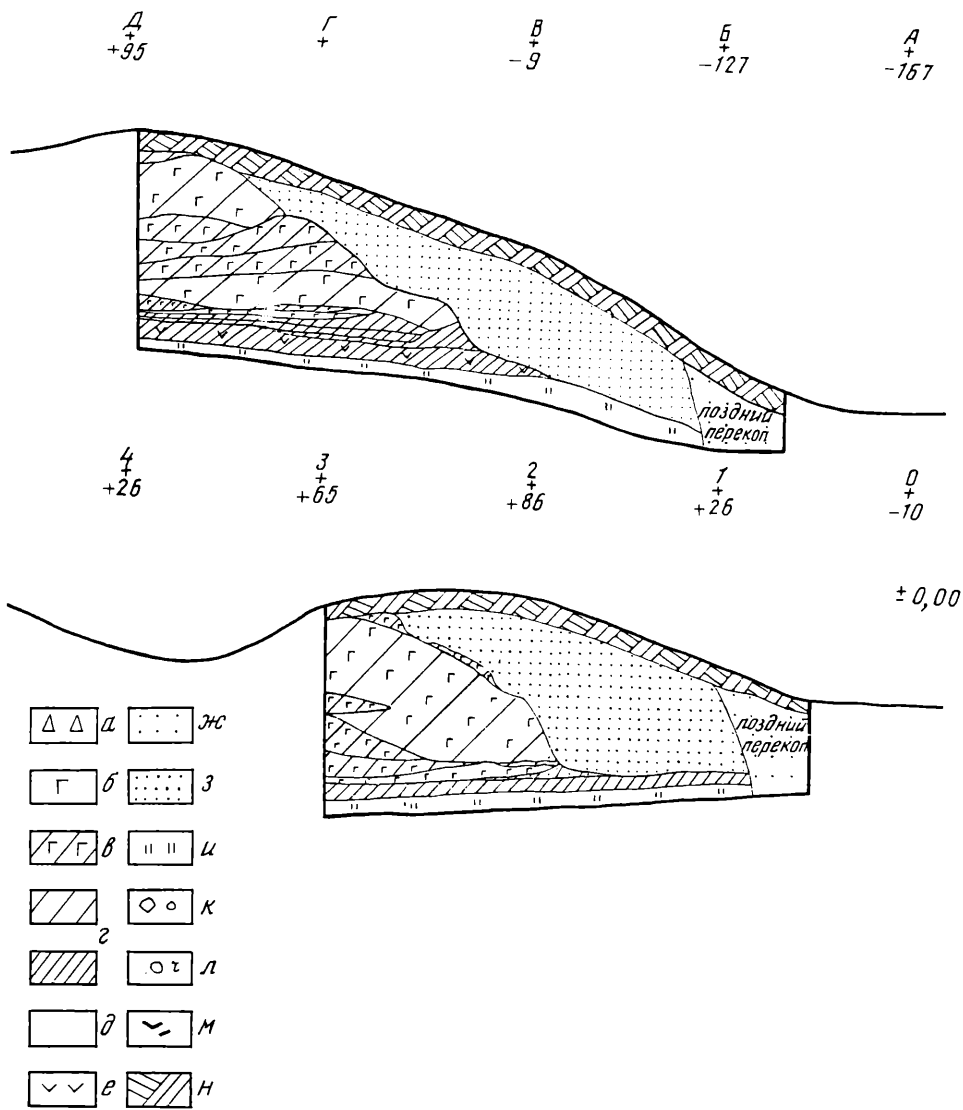

Рис. 2. Разрезы сопки

а-суглинок; б-глина; в-гумусированная глина; г-гумус; д-песок;
 е-уголь; ж-перекол; з-переотложенный слой; и-материк; к-камни;
 л, м-части костяков; н-дерн

раннесредневековых погребальных памятников Новгородчины. Не фигурировали они и в соответствующих каталогах¹⁰. Отдельные попытки ввести некоторые грунтовые могильники в круг источников, связанных с указанной проблематикой, положения существенно не изменили¹¹. Лишь после открытия трупосожжений, в том числе второй половины X в., в полах или под полами ряда старолadoжских сопок, а затем и остатков небольшого грунтового могильника, представленного отдельными находками и единственным уцелевшим труположением XI в.¹², структурно и топографически связанного с упомянутыми сожжениями¹³, появилась возможность¹³ поставить вопрос о генетической преемственности таких памятников¹³. Тогда же было высказано предположение о переходе от сопок к грунтовым могильникам, а затем к жальникам как об одном из возможных вариантов путей развития средневековых погребальных памятников Северо-Запада РСФСР¹⁴. Новый плодотворный импульс изучению темы дали активные исследования соответствующих памятников, проводимые В. Я. Конечким. Он пришел к выводу, что грунтовые некрополи представляющие «особый пласт древностей данного региона», и сопки «оставлены единым населением». Переход от одного погребального обряда к другому «в конечном итоге определялся причинами социального характера». В некоторых районах славянского ареала аналогичные изменения в обрядности объясняются разложением родового строя, «распадом общин на большие семьи патриархального типа», подчеркивает В. Я. Конечкий¹⁵.

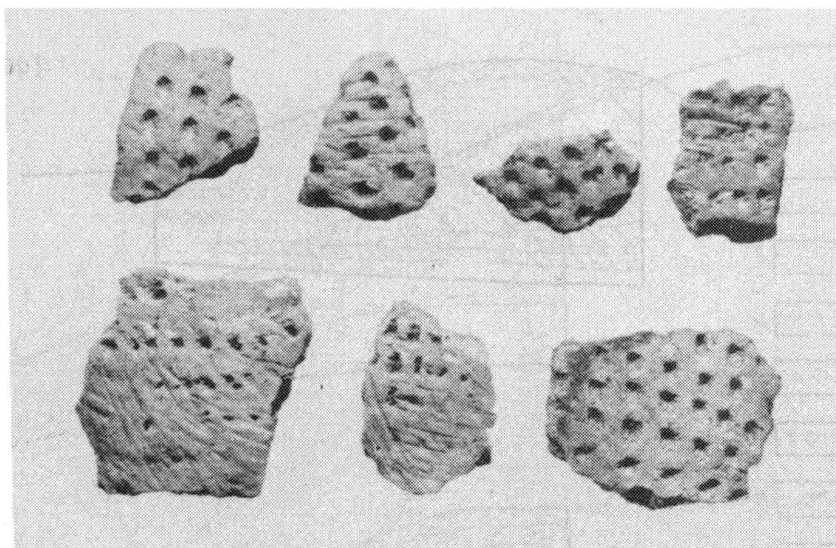

Рис. 3. Званская сопка. Лепная керамика «эпохи раннего металла»

К сожалению, позиции автора оказались значительно ослаблены следующей исходной посылкой. «Территориальные рамки исследования, — пишет В. Я. Конечкий, — охватывают центральные районы Новгородской земли... Эти районы являлись ядром Великого Новгорода. Ограничив анализ грунтовых могильников на нынешнем этапе исследований данной территорией, мы исключаем возможность смешения древнерусских могильников Новгородской земли с памятниками некоторых финно-угорских племен, имевших сходный погребальный обряд¹⁶». Такой подход не позволяет вполне объективно рассмотреть вопрос о происхождении

грунтовых могильников Новгородчины. Ведь подобные финно-угорские некрополи на рассматриваемой территории все-таки известны. Назовем, например, Пущшевский могильник с труположениями и ярами XI-XIV вв., который исследователи считают ижорским или лопским¹⁷.

Этот объект находился в нескольких километрах от могильника при сопке у с. Михаила-Архангела. Не следует забывать и то, что центральные районы Новгородской земли соседствуют с ареалами различных перемен, среди погребальных памятников которых отмечены и грунтовые могильники с труположениями.

Еще более сложная картина открывается при сопоставлении некрополей при сопках и грунтовых могильников, зафиксированных собственно на территории Старой Ладogi¹⁸. Объединение в одну группу Семеновского (Успенского) кладбища, сформировавшегося в условиях сложения раннегородского общества, в рамках динамичных социальных процессов, обусловленных новыми факторами общественного развития и труположений при сопках, требует существенных оговорок. Население, возводившее сопки, безусловно, входило в число жителей Ладogi и в таком качестве могло принять участие в сложении Семеновского могильника. Однако самого пристального внимания заслуживает обнаруженное здесь единственное сожжение. Это захоронение (остатки кремации на стороне, помещенные в овальную материковую яму) указывает, как думается, на определенную связь начальной стадии Семеновского кладбища и могильника с трупосожжениями на стороне, помещенными в материковые ямы, открытого в южной части Старой Ладogi, неподалеку от Никольского монастыря. Оба памятника сближает и сходная топография, контрастная особенностям размещения ладожских сопок. Речь идет о подчеркнуто иной локализации этих грунтовых могильников по отношению к высоким насыпям, возведенных в те же периоды, когда совершены грунтовые сожжения. Еще более явно отличия выступают при сравнении захоронений¹⁹ Никольского могильника, представляющих особый пласт древностей среди ранних некрополей Ладogi, и «сопочных» сожжений (плановой организацией погребений, способ предания остатков кремации земле). Видимо, в особенностях открытых комплексов Никольского и Семеновского кладбищ, входивших в состав сложного ансамбля некрополей Старой Ладogi и соответствовавших определенным периодам становления городской структуры, отразилось развитие обряда или обрядов, этапы которого зафиксированы в виде ям, содержавших остатки сожжения на стороне и грунтовых труположений. Гетерогенность населения, имевшего в начальный период сложения ладожского общества различные погребальные традиции, выступает и в антропологическом материале поздних, уже христианских кладбищ²⁰. Следовательно, рассматривая погребальные обряды центральных районов Новгородской земли, мы не вправе не учитывать возможность существования различных путей, в том числе прямого перехода от сожжений к ингумации, формирования грунтовых могильников с труположениями.

Все указанное делает чрезвычайно актуальными поиски объектов, позволяющих проследить конкретные изменения, отражающие развитие определенных обрядов, которые ведут к качественному переформированию погребальных обычаев²¹. В свою очередь, заключение о единстве, если иметь в виду вопросы происхождения населения, оставившего высокие насыпи и грунтовые некрополи, представляется преждевременным. Из сотен сопок, зарегистрированных на Новгородчине, грунтовые могильники выявлены лишь близ незначительного числа памятников. Определенно имеются высокие насыпи, рядом с которыми труположения не совершали. Известны и грунтовые могильники, не связанные с сопками.

В результате многолетних исследований, проведенных в Северном

Поволховье, стало возможным дифференцировать сопки данного региона. Было выделено четыре, а возможно, и пять типов высоких сооружений²². В данном случае интерес представляет выявленная соотношенность различных по своей структуре невысоких курганов, а также грунтовых трупоположений с большими насыпями определенных типов. Выделенные особенности неоднородных, на первый взгляд, памятников Поволховья, составлявших своеобразные топографические и культурные блоки, дополненные в ряде случаев наличием топологической преобладности, подтверждают в целом мысль об отсутствии непреодолимых рубежей между различными пластами погребальных древностей Новгородчины²³.

Однако намечены «блоки» памятников (сопки I типа - победищенские курганы, сопки III типа - грунтовые могильники, сопки IV типа - плакунские курганы) не позволяют полностью согласиться с предположением о типологическом разграничении погребальных традиций, развившихся от «культуры длинных курганов» к курганам с трупоположениями и от «культуры сопок» к грунтовым могильникам и жальникам²⁴. Предположение это по меньшей мере не универсально даже для центральных районов Новгородской земли. Демаркационные линии проходили не столь уж жестко и прямолинейно. Ведь нельзя забывать, что культура длинных курганов и культура сопок по своему составу полиморфны.

Думается, сейчас правильнее рассматривать появление грунтовых трупоположений, связанных с определенными памятниками топографически, структурно и типологически, в качестве одного из (не единственного) направлений изменения погребальных традиций населения, возводившего высокие насыпи в VIII - X вв., отчетливо проявившиеся как поздний этап развития обряда, характерного для сооружений III типа²⁵. В то же время следует признать этот процесс одним из путей сложения грунтовых могильников Новгородчины. В XI - XII вв. такие некрополи формируются и при сопках, хотя, возможно, иного облика, причем типологическую связь между сожжениями в насыпях и грунтовыми трупоположениями проследить не удалось. Неясным остается и вопрос соотношения генезиса финно-угорских грунтовых могильников, известных на Северо-Западе России, и некрополей при сопках.

Едва ли можно сомневаться в зависимости рассматриваемой смены погребальных обрядов в той или иной степени от причин социального характера. Правда, попытка свести все к распаду единых родовых коллективов на большие семьи патриархального типа выглядит как неопределенное упрощение. Прежде всего состояние общества носителей сопочной традиции было не так уж неподвижно и единообразно в социальном отношении на разных этапах его развития. Да и многотипность памятников заставляет задуматься, столь ли однородно в обсуждаемом плане было это общество. Говоря о причинах появления грунтовых могильников с трупоположениями взамен величественных сопок, следует учитывать очень широкий спектр конкретных факторов, обуславливавших данный процесс; состав населения соответствующих районов, включившегося в выработку новых обрядовых норм, близость ареалов других обычаев, способных оказать воздействие на становление таких норм, устойчивость традиций, степень удаленности от крупных социально-экономических центров, влияние христианства и т. д.

¹ Вестн. Европы. СПб., 1810. Кн. 2 (приложение).

- ² В работах, посвященных жизни и творчеству Державина, иногда отмечалось наличие на территории усадьбы «могильного холма» (Грот Я. Званка и могила Державина // *Соврем. летопись*. М., 1863. N 33. С. 4-6), однако полной ясности в этом вопросе не было. Так, В. Я. Стаюнин, со слов местных жителей, утверждал будто бы насыпь эта «устроена над могилой любимой собачки Державина». См.: В. С. (Стаюнин В. Я.) Званка (Из путевых впечатлений) // *Библиотека для чтения. Журн. словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод*. СПб., 1850. Т. 104. N 11. С. 44-46.
- ³ Державин Г. Р. Соч. Изд. Я. Грота. СПб., 1865. Т. 2. С. 644, 645.
- ⁴ Там же. СПб., 1870. Т. 3. С. 134-136.
- ⁵ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 23. Об этом свидетельствует и Пояснительная записка самого поэта (Державин Г. Р. Соч. СПб., 1870. Т. 3. С. 592).
- ⁶ Допустимо предположение, что на территории усадьбы высоких насыпей было больше.
- ⁷ Петренко В. П. Классификация сопкок северного Поволжья // *Средневековая Ладога*. Л., 1985. С. 137-146.
- ⁸ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья // *МАР*. 1895. N 18. С. 139, 140; *Ширинский-Шахматов А. А. Федовский могильник* // *Тр. II Област. археол. съезда*. Тверь, 1906. С. 53-62; *Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории* // *Сб. ст., посвящ. С. Ф. Платонову*. Пг., 1922. С. 12.
- ⁹ Спицын А. А. Старейшие русские могильники в Новгородской области // *ИАК*. 1905. Вып. 15. С. 1-5; См. также: *Архив ЛОИА*. ф. 35, N 779/1931. л. 18; ф. 35. Д. N 155/1937. л. 60-64.
- ¹⁰ Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки // *МИА*. 1941. N 6. С. 93-148; Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена // Там же. С. 38-49; *Ляпушкин Н. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII-первая половина IX в.)* // *МИА*. 1968. N 152. С. 89-118; *Седов В. В. Новгородские сопки*. М., 1970. С. 12-23.
- ¹¹ Конецкий В. Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников центральных районов новгородской земли // *Археологическое исследование Новгородской земли*. Л., 1984. С. 155, 156.
- ¹² Петренко В. П. Работа Староладожского музея // *АО* 1970 г. М., 1971. С. 32; Он же. Исследования погребальных памятников северного Поволжья // *АО* 1974 г. М., 1975. С. 32, 33.
- ¹³ Петренко В. П. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги // *КСИА*. 1977. Вып. 150. С. 61; Он же. Сопка у с. Михаила Архангела в юго-восточном Приладожье по раскопкам Н. Е. Бранденбурга в 1886 г. // *КСИА*. 1980. Вып. 160. С. 73-75.
- ¹⁴ Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники // *Проблемы археологии*. Л., 1978. С. 72, 73.
- ¹⁵ Конецкий В. Я. Древнерусский грунтовый могильник у п. Деревяницы около Новгорода // *Новгородск. ист. сб.* М., 1984. Вып. 2(12). С. 39-61; Он же. Некоторые итоги... С. 154-172.
- ¹⁶ Конецкий В. Я. Некоторые итоги... С. 157.

- ¹⁷ Архив ЛОИА. Ф. 5, Д. 374. Л. 11, 12; Tallgren A.M. The prehistory of Ingria // ESA. Helsinki, 1938. N 12. P. 92-105. Fig. 21; Курличников А.Н. Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 143. В Поволховье, помимо Пупышевского, известны и другие неучтенные В.Я.Конецким могильники, сообщения о которых, правда, весьма ограничены.
- ¹⁸ Орлов С.Н. Могильник в Старой Ладого // Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1941. Вып. 10. С. 116-138; Он же. Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладого // КСИИМК. 1965. Вып. 65. С. 94-96; Он же. О раннеславянском грунтовом могильнике с труположениями в Старой Ладого //СА. 1960. N 2. С. 251-153.
- ¹⁹ Никольский могильник сопоставим с рядом ранних грунтовых некрополей Новгородчины, содержащих сожжения, которые исследователи рассматривают как один из компонентов сложной «культуры длинных курганов» (Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. 1981. N 1. С. 42-56). Какие могильники, локализованные на специальных погребальных площадках, как полагают, являлись исходной формой в сложении обряда длинных курганов.
- ²⁰ Алексеева Т. I. Антропологічний склад населення древньоруських міст // Матеріали з антропології України. Київ, 1969. Вып. 4. С. 75-84; Седов В.В. Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря //Berichte über den II Internationalen Kongress Slawische Archäologie.B., 1970. Bd.1. S.20-22.
- ²¹ Странную позицию в данном вопросе занял В.Я.Конецкий. Исходя из того, что появление новых черт в погребальных обрядах «опосредовано отражает прежде всего изменения в идеологии при ее коренных сдвигах, в рассматриваемый период, типологически связующие моменты между старым и новым способами захоронений могут отсутствовать, как это имело место на Деревяницком могильнике... поиски переходных звеньев между рассматриваемыми типами погребальных памятников, в указанном направлении, бесперспективны» (Конецкий В.Я. Некоторые итоги... С. 167). Такой «источниковедческий пессимизм», неоправданный и с методической точки зрения, находится в противоречии с информативными возможностями материала.
- ²² Петренко В.П. Некоторые итоги изучения сопок Северного Поволховья // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1965. С. 23-28.
- ²³ Лебедев Г.С. Проблемы генезиса древнерусской курганной культуры // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 39, 40; Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы... С. 55, 56; Седов В.В. Восточные славяне VI- XIII вв. М., 1982. С. 64.
- ²⁴ Конецкий В.Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 5-7.
- ²⁵ Петренко В.П. Классификация сопок Северного Поволховья... С. 137-146.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК БЛИЗ Д. КНУТИХИ НА Р. УВОДЬ

Могильник находится на высоком скате левого берега р. Уводь, в 1 км к юго-западу от д. Кнутихи Лажневского р-на Ивановской обл. Открыт осенью 1984 г. П. Н. Травкиным. В момент обнаружения некрополя 12 насыпей были повреждены грабительскими ямами, причем некоторые были свежими. В 1985 г. Лухский отряд Верхневолжской экспедиции ИА под руководством автора провел охранные раскопки, в процессе которых были вскрыты все курганы, независимо от степени их повреждения.

Древнее кладбище занимало сухую мысовидную, сильно залесенную площадку, сложенную из моренных песков с примесью валунной гальки. Площадка с северо-востока и юго-запада ограничена пологими оврагами и слегка возвышается над остальным участком берега.

Некрополь состоял из 19 насыпей, расположенных компактной группой на площади около 2,5 тыс. м². Надмогильные холмы в плане имели округлую или овальную форму, их диаметр колебался от 3 до 7,5 м, а высота - в пределах 0,3-0,8 м. Курганы с одним, реже двумя ровиками были насыпаны из ярко-желтого песка. Уровень древнего горизонта представлял собой серый слабо гумусированный песок (погребенная почва). Заполнение могильных ям - темный и рыхлый грунт, а заполнение ровиков состояло из слабо заиленного желтого песка.

В ровиках и насыпях зафиксированы остатки тонких кострищных линз. В ровиках их отмечено шесть, все площадью не более 0,5 м², в насыпях - две, диаметром до 1 м², и пять линз расчищены на уровне древнего горизонта (курганы 14, 18 и 19). Если первые являлись поминальными кострами, то последние, очевидно, связаны с обрядом «очищения» места будущей могилы (хотя не исключено и практическое их назначение - оттаивание мерзлого грунта в зимнее время). Форма последних кострищ округлая или овально-вытянутая, площадь 0,1-0,7 м², толщина до 7 см; два пятна прорезаны могильными ямами. Кроме того, в восьми насыпях найдены разрозненные обломки гончарной керамики, свидетельствующие о существовании ритуала «битья посуды» при возведении надмогильных холмов. Частично восстановлен только горшок из кургана 1 с линейным орнаментом на плечиках (рис. 1, 3б).

Обряд погребения - труположение в могильных ямах. Ямы в плане имели форму правильного прямоугольника, размеры могил на уровне древнего горизонта были больше, чем на уровне дна (табл. 1). Глубина ям составляла 0,3-1,05 м от основания кургана. Остатки погребальных сооружений прослежены в двух могилах (курганы 6 и 19). От них сохранились лишь темные тонкие полосы древесного тлена, образующие прямоугольники. Возможно, это были долбленные колоды или тесовые гробовища без металлических гвоздей.

В 15 курганах обнаружены одиночные погребения, под насыпью 16 находились две мужские могилы, а под четвертой - парное захоронение женщины и ребенка. Курганы 10 и 11 оказались пустыми.

Сохранность костяков, за исключением некоторых, плохая. Умершие были похоронены вытянуто на спине, головой на запад с сезонными отклонениями, руки находились чаще на животе или вдоль туловища, реже на поясе или груди. При сопоставлении ориентировки погребений и глубины могильных ям были отмечены следующие закономерности: чем больше отклонение к северу, тем мельче могила и, наоборот, чем больше отклонение к югу, тем глубже могила. Другими словами, ориентиром при закладке могил являлось восходящее солнце, а ее глубина зависела от времени года. Эти наблюдения позволяют (правда, с определенной долей условности) выделить летние (курганы 1-3, 6, 7),

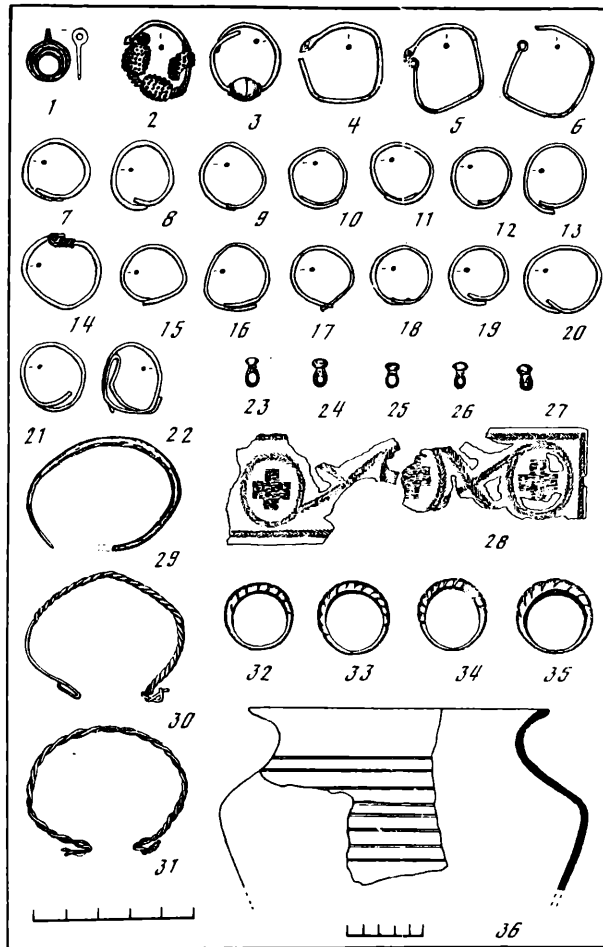

Рис. 1. Предметы из курганов

1-лунница; 2-22 - височные кольца; 23-27 - пуговицы; 28 - фрагмент воротника; 29-31 - браслеты; 32-35 - перстни; 36-керамика

1-2, 24, 25, 33 - кург. 3; 3, 27, 35 - кург. 15; 4-6 - кург. 17; 7-22 - кург. 19; 23, 29-31, 36 - кург. 1; 26-28 - кург. 6; 32-кург. 2; 34-кург. 9

зимние (курганы 4, 8, 9, 15, 16, 19) и межсезонные погребения (курганы 5, 12-14, 17, 18). Первые локализовывались на юго-восточной окраине могильника, по склону в овраг, который, надо полагать, в зимние периоды покрывался глубоким снежным покровом. Прочие располагались вперемежку, не составляя каких-либо групп.

Таблица 1

**Устройство могильных ям, ориентировка
и пол погребенных**

N кургана	Могильная яма		Остатки гробовищ, м	Погребения	
	длина x ширина, м	глубина, м		ориентировка	пол
1	1,80x0,90 ⁺ ; 1,60x0,70 ⁺⁺	0,76	+	З	девочка
2	2,26x1,16; 2,04x0,90	0,90	+	З	женский
3	2,24x1,30; 1,74x0,70	0,96	+	ЗЮЗ	<
4	2,04x1,10; 2,04x1,10	0,31	-	СЗ	девочка женский
5	?x?; 1,94x0,80	0,66	-	ЮЗ	мужской(?)
6	2,20x1,41; 1,94x0,75	0,96	1,60x0,52	ЮЗ	женский
7	2,15x1,20; 2,08x0,70	1,05	-	ЮЗ	мужской
8	2,27x1,05; 2,08x0,57	0,57	-	ЗСЗ	<
9	2,10x1,14; 1,88x0,90	0,56	-	ЗСЗ	женский
10-11	могильные ямы и погребения отсутствовали				
12	1,84x0,92; 1,60x0,66	0,96	-	ЗСЗ	мальчик
13	1,76x0,80; 1,60x0,60	0,39	-	ЮЗ	мужской
14	2,06x1,24; 1,84x1,06	0,68	-	ЗСЗ	<
15	2,00x1,00; 1,76x0,62	0,60	-	ССЗ	женский
16(1)	?x0,98; ?x0,66	0,86	-	СЗ	мужской(?)
16(2)	2,10x1,10; 1,84x0,86	0,80	-	СЗ	мужской
17	2,10x1,10; 1,83x0,85	0,70	-	СЗ	женский
18	2,18x1,00; 1,74x0,66	0,80	-	ЗСЗ	мужской
19	1,85x0,92; 1,68x0,74	0,49	1,50x0,50	СЗ	женский

Примечание: + - размеры верха могильной ямы на уровне горизонта;
++ - размеры дна могильной ямы.

Мужских погребений было восемь, столько же женских и три детских (одно - 6-7-летнего мальчика и два - девочек того же возраста). Первые - безынвентарные. Лишь в кургане 8 встречен железный нож с остатками деревянной рукоятки, лежавший у левого бедра. В кургане 12 у подбородка мальчика расчищен маленький обрывок шелковой отделки ворота рубахи, расшитый золотной нитью, и бронзовая грибовидная пуговица.

Погребения женщин и девочек, наоборот, сопровождалась украшениями, по составу которых они распадаются на две группы. Все погребенные первой группы (курганы 1-3, 6, 9, 15, 17, 19) сопровождалась височными кольцами. Они лежали обычно цепочкой или кучкой справа и слева от черепа и, очевидно, были вплетены в косы или крепились к узкому кожаному ремешку. Остатки такого ремешка зафиксированы в кургане 1. Количество колец при одном костяке колебалось от 1-2 до 16 экз. (табл. 2). Всего найдено 78 колец. Подавляющее большинство (69 экз.) - бронзовые перстнеобразные с заходящими концами (рис. 1, 7-13, 15-21). Прочие типы исчисляются единичными экземплярами: два перстневидные загнутоконечные (рис. 1, 14), по одному кольцу - с заходящим концом, который загнут в обратную сторону (рис. 1, 22), и с напускной металлической бусиной (рис. 1, 3). Все изготовлены также из бронзы. Четыре кольца трехбусинные зерновые. Полностью сохранилось лишь одно серебряное (рис. 1, 2), от остальных дошли только бронзовые стержни со следами

межбусинной обмотки (рис. 1, 4-6). И последнее кольцо - остатки однобусинного зерненого из низкопробного серебра, покрытого позолотой.

В пяти погребениях зафиксированы остатки шелковой отделки воротников рубах, расшитых золотной нитью. В четырех случаях они сопровождалась одной-двумя овальноухими пуговицами (рис 1, 24-27). Самый крупный фрагмент ворота сохранился в кургане 6. Он представлял собой узкую полосу импортной шелковой ткани полотняного

Таблица 2

Украшения и инвентарь женских погребений

Украшения и инвентарь	N погребений										Всего
	1	2	3	6	9	15	17	19	4а	4б	
Височные кольца: I	14	10	12	2		7	10	14	7		76(8)
II		1						1			2(2)
III								1			1(1)
IV						1					1(1)
V			1				3				4(2)
VI					1						1(1)
VII										4	4(1)
Бусы зонные		6	20		11	46		11	25		119(6)
Бусы эллипсоидные								1			1(1)
Бусы битрапецоидные									3		3(1)
Бусы цилиндрические									1		1(1)
Бисер бусинный					6		171				177(2)
Привески: лунница			1								1(1)
иконки		1			1	1					3(3)
крест									1		1(1)
Остатки воротников	+		+	+	+	+					+(5)
Пуговицы	1		2	1		1					5(4)
Браслеты: VIII	1								1		2(2)
IX		1									1(1)
X	2										2(1)
XI									1		1(1)
Перстни: XII		1	1		1	1			1		5(5)
XIII							1				1(1)
Поясное кольцо									1		1(1)
Шумящий треугольник									1		1(1)
Головной венчик									1		1(1)
Серповидная гривна									1		1(1)
фибула										1	1(1)
Остатки обуви									+		+(1)
Ножи									1	1	2(2)
Керамика (сосуд)									1		1(1)

Примечание: I - перстневидные с заходящими концами; II - перстневидные загнутоконечные; III- перстневидные с заходящим концом, загнутым в обратную сторону; IV - перстневидные с напускной металлической бусиной; V - трехбусинные зерненные; VI - однобусинные зерненные; VII - браслетообразные овальнощитковые; VIII - дротовые узкоконечные; IX - дротовые загнутоконечные; X - витые загнутоконечные; XI - пластинчатые загнутоконечные; XII - рубчатые; XIII - ложновитые.

переплетения. На ней золотой нитью вышита гирлянда из S-видных вьюнов, в круги которых помещены четырехконечные кресты (рис. 1, 28).

Наиболее эффектной категорией украшений являлись ожерелья, состоявшие из ниток бисера, бус и какой-нибудь металлической привески.

Они были найдены в шести захоронениях. В погребении под курганом 17 в области груди и шеи собрано 171 зерно бусинного бисера желтого (преобладает), черного и ярко-зеленого цвета. В кургане 19 было 11 зонных бус (одиночные, двойные и тройные) из синего, голубого и серого стекла и одна эллипсоидная бусина со сплошной инкрустацией. Ожерелье из кургана 3 состояло из 20 зонных бус бесцветного стекла и бронзовой замкнутой лунницы (рис. 1, 1). В кургане 2 на груди погребенной расчищены три зонных синих бусины из стекла, столько же

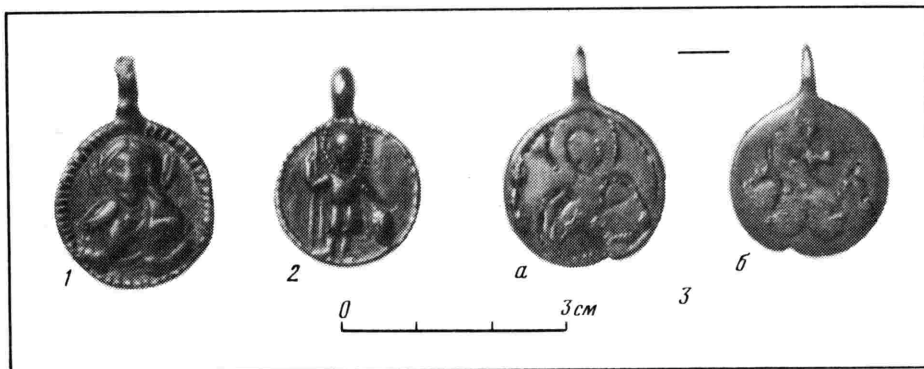

Рис. 2. Иконки-привески

1 - кург. 2; 2 - кург. 9; 3 - кург. 15

пастовых и круглая иконка-привеска с поясным изображением Христа Вседержителя из оловянисто-цинкового сплава (рис. 2, 1)². В кургане 9 в состав ожерелья входили посеребренные зонные бусины ярко-зеленого цвета, бусинный бисер и круглая серебряная иконка с изображением святого воина в рост с копьем в правой и щитом в левой руке (рис. 2, 2). Последнее ожерелье найдено в погребении под курганом 15. Оно состояло из 46 бусин синего стекла и белой пасты и круглой иконки-привески. На лицевой стороне образка - поясное изображение святого в святительских ризах, на обороте - процветший крест. Привеска сделана необычно: на гладком бронзовом диске сначала были вырезаны контуры святого и креста, затем эти контуры инкрустированы серебряной проволокой (рис. 2, 3).

Украшениями рук служили браслеты и перстни. Первых найдено 4 экз. Из них три бронзовых были в детском погребении кургана 1. На правой руке - дровотый узкоконечный (рис. 1, 29) и витой из двух проволок с загнутыми концами (рис. 1, 30), на левой - аналогичный последнему (рис. 1, 31). Четвертый браслет - дровотый загнуто-конечный из железа-находился в соседнем кургане 2.

Перстни обнаружены в пяти захоронениях по 1 экз. Все бронзовые: четыре рубчатых (рис. 1, 32-35) и один ложновитой.

В целом женские погребения первой группы датируются XII началом XIII в. Именно в этот период, судя по хронологии новгородских древностей, отмечается массовое появление бусинного

бисера, зонных бус светло-синего и ярко-зеленого стекла и эллипсоидных со сплошной инкрустацией³, рубчатых перстней и круглых иконок-привесок, отлитых и цветных металлов⁴. А по находке замкнутой лунницы начала XIII в. их можно датировать и более узким отрезком времени - рубежом XII и XIII вв. Присутствие же в комплексах остатков шелковой отделки одежды и трехбусинных височных колец свидетельствует о принадлежности погребенных к древнерусскому населению ядра Владимиро-Суздальской земли⁶.

Вторая группа погребений представлена парным погребением под курганом 4. Захоронение одновременное, в юго-восточной половине могилы лежал плохо сохранившийся скелет молодой женщины, в северо-восточной - 6-7-летней девочки. В изголовье последней (в засыпке могилы) найден разбитый круговой горшок с резко выраженными плечиками и линейным орнаментом (рис. 3, 22).

На черепе ребенка расчищены фрагменты головного металлического венчика. Под ним сохранились остатки светло-русых волос. С левой стороны лежали семь бронзовых перстневидных височных колец с заходящими концами (рис. 3, 5-11). В области шеи и груди собрано 30 бусин: одна зонная пастовая, остальные стеклянные - 25 зонных (серые, темно-зеленые, бесцветные и светло-синие), одна серая цилиндрическая, две малые битрапециодные голубого цвета и одна темно-синяя большая. Последняя и светло-синие зонные бусины по новгородским материалам датируются XII - началом XIII в.⁷ Среди бус найдена бронзовая крестовидная привеска (рис. 3, 13).

Кроме ожерелья, на груди девочки находилась пластинчатая серповидная гривна из оловянисто-цинкового сплава с пунктирным орнаментом (рис. 3, 16). Большинство подобных шейных обручей, известных на территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, найдено в курганных комплексах XI в. юго-восточного Приладожья⁸. Однако они спорадически встречаются и в более поздних погребальных памятниках. На запястье правой руки был бронзовый овально-дротовый узкоконечный браслет (рис. 3, 18), на левой - железный пластинчатый с загнутыми в трубочку концами. На нем сохранились спекшиеся обрывки грубой ткани от одежды (рис. 3, 19). Между браслетами лежал бронзовый рубчатый перстень (рис. 3, 14). На поясе слева найдено серебряное поясное кольцо (рис. 3, 17) и под ним шумящая подвеска из бронзы в виде каркасного треугольника (рис. 3, 15). Рядом на уровне левого бедра находился короткий нож (рис. 3, 20). В районе берцовых костей обнаружены небольшие кусочки черной органической массы с окислившейся тонкой медной проволокой (?), которые, по-видимому, являлись остатками обуви.

В женском погребении 4 слева и справа у черепа лежало по паре овальнощитковых орнаментированных височных колец из бронзы; с каждой стороны было по одному малому (сломанному в древности) и большому. У последних один конец завязан (рис. 3, 1-4)⁹. Слева у бедра лежал железный нож с остатками деревянной рукоятки (рис. 3, 21), а в области пояса найдена фибула, использованная в качестве ременной пряжки. Фибула подковообразная, из низкопробного серебра, средняя часть ее имеет рельефное утолщение, крестовидные головки насажены после отливки дуги (рис. 3, 12). Типологически близкие застегки в небольшом количестве найдены в новгородских курганах XII-XIII вв., основной же район их распространения - территория Эстонии, где они бытовали в XI-XIV вв.¹¹

Парное погребение по находкам некоторых типов бус и гончарному горшку можно датировать XII - началом XIII в. Находки же фибул, гривны и овальнощитковых колец указывают на северное происхождение погребенных, т. е. они являлись представителями не местного

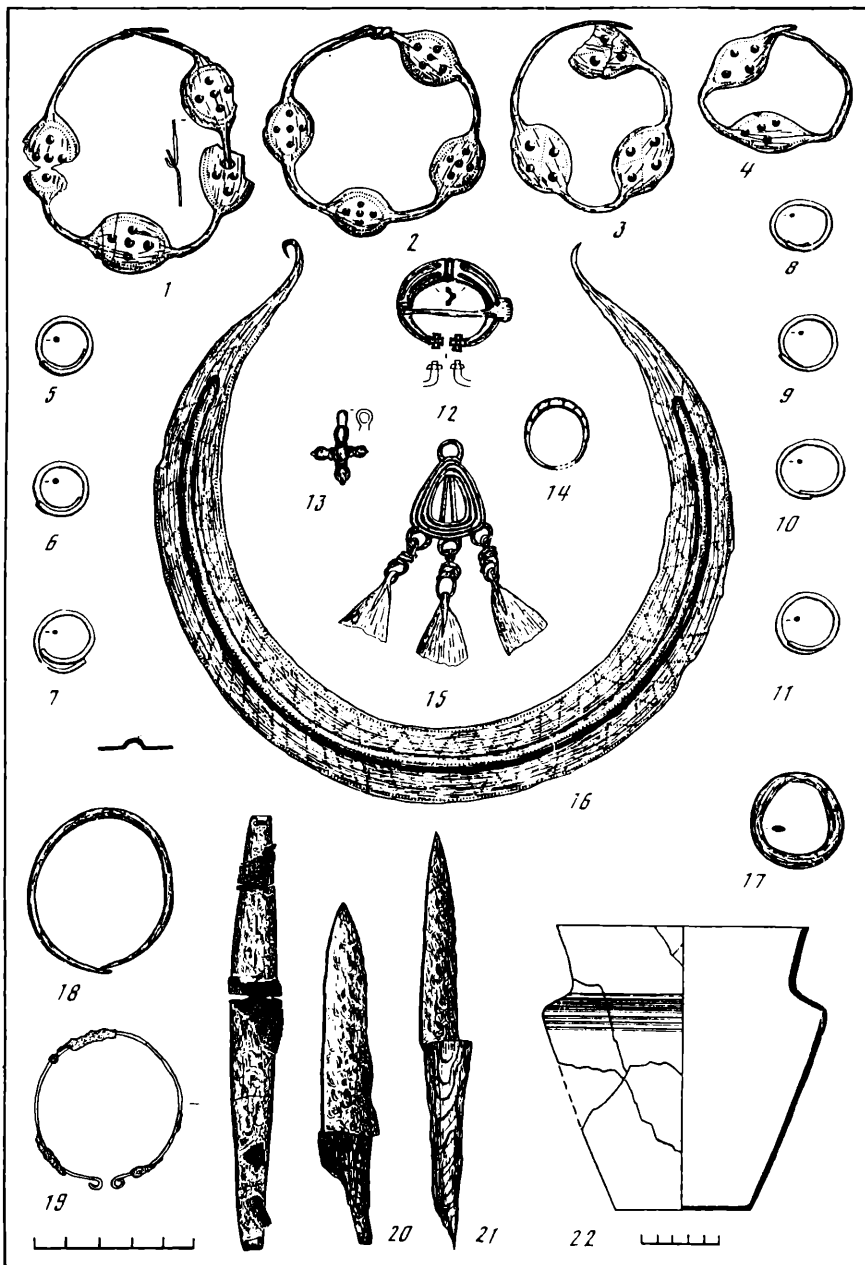

Рис. 3. Предметы из курганов

1-11 - височные кольца; 12 - фибула; 13 - крест; 14 - перстень; 15 - шумящий треугольник; 16 - гривна; 17 - поясное кольцо; 18, 19 - браслеты; 20, 21 - ножи; 22 - керамика
1-4, 12, 21 - кург. 4, погр. 6; 5-11, 13-20, 22 - кург. 4, погр. а

← населения, а людьми из какого-то другого региона. Таким регионом скорее всего было Костромское Поволжье, точнее, его западный микрорайон, колонизованный, в свою очередь, выходцами из северных и северо-восточных областей Новгородской земли¹².

Таким образом, Кнутихинский курганный могильник представляет собой небольшой сельский некрополь рубежа XII и XIII столетий, материалы которого свидетельствуют о сложных процессах формирования северо-восточной ветви древнерусской народности.

¹ Уткин А. В. Раскопки курганов в Ивановской области // АО 1985 г. М., 1987. С. 108, 109.

² Две точные копии этой иконки найдены в составе женских ожерелий при раскопках курганов «Черная речка» в г. Кинешме Ивановской обл. и Первого Никольского могильника в Солнечногорском р-не Московской обл. Ожерелье из чернореченского некрополя состояло, помимо иконки, из семи бусин и биллоновой орнаментированной круторогой лунницы XII-XIII вв. (Ерофеева Е. Н. Отчет об археологической экспедиции, проводившейся Ивановским областным и Кинешемским музеями в 1948 г. // Архив ИА. Р-1. N224), а ожерелье из Никольского могильника - из 25 стеклянных и пастовых бус, гладкой монетовидной и двух трефовидных привесок середины XII в. (Станюкович А. К. Исследования в Московской области // АО 1983 г. М., 1985. С. 86, 87). Знакомство с этими иконками в Кинешемском музее и Музее истории и реконструкции Москвы убеждает, что они и кнутихинский экземпляр отлиты в одной и той же форме.

³ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. N 2. С. 103. Рис. 7.

⁴ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С. 62, 122.

⁵ Там же. С. 24-26; Колчин Б. Ф. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 173. Рис. 8.

⁶ Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С. 190.

⁷ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. N 2. С. 103. Рис. 7.

⁸ Фехнер М. В. Шейные гривны // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43. С. 67.

⁹ Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Новые данные о культуре средневекового «чуждого» населения в бассейне озера Лача // СА. 1986. N 2. С. 210, 215.

¹⁰ Левое большое кольцо в древности было отремонтировано: сломанную дугу вставили в пробитое отверстие в щитке и загнули (рис. 3, 1).

¹¹ Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis. Dorpat, 1922. В. II. S. 66, 67.

¹² Рябинин Е. А. Финно-угры Костромского Поволжья // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 190, 191.

МАРКАТУШИНСКИЕ КУРГАНЫ ПОД СМОЛЕНСКОМ

Маркатушинский курганный могильник расположен на левом берегу Днепра при впадении в него р. Дрѣсны. Дрѣсна делит курганный комплекс на две неравные части. На левом берегу Дрѣсны находятся 65 насыпей, на правом - 3.

В 20-е годы А. Н. Лявданский раскопал две насыпи^{1,2}. В ходе изучения древнерусской деревни курганы обследовал В. В. Седов³.

С 1984 г. исследование Маркатушинских курганов проводит Смоленский музей-заповедник. Раскопано девять полусферических курганов: восемь (5, 7, 9, 30, 31, 50, 62, 63) в левобережной части, один (57) - в правобережной.

Курган 5. Высота 0,5 м, диаметр основания 6,5 м. В насыпи найден обломок точильного бруска. Захоронение совершенно в четырехугольной могильной яме размерами 2,58 x 1,22 м, глубиной 0,54 м, сужающейся к основанию. Скелет истлел, сохранился только кусок бедренной кости. Захоронение совершенно головой на запад. Вещей в погребении не обнаружено.

Курган 7. Высота 0,5 м, диаметр основания 6,5 м. Насыпан из однородной темно-коричневой супеси. Женское трупоположение обнаружено в четырехугольной могильной яме. Ее размеры 2,24 x 0,98 м, глубина 0,32 м. В заполнении ямы часто встречались небольшие угольки. Умершая погребена головой на запад. Кости истлели, только под бронзовыми украшениями сохранились остатки волос, кожи и зубы. Около черепа с двух сторон найдено по три браслетообразных височных кольца с завязанными концами и остатки кожаных завязок (рис. 1, 5-9), под остатками челюсти - шейное ожерелье, состоящее из четырех связок двучастных серебряных и золоченых стеклянных бус (рис. 1, 4), небольшое количество желтого бисера, двух пастовых бочкообразных и мозаичной, рельефной бусины, находившейся в центре ожерелья (рис. 1, 3). Здесь же лежала бронзовая шейная гривна из круглого дрота, с загнутым в виде петли концом (рис. 1, 1). В районе пояса, посередине, найден круглопроволочный несомкнутый бронзовый браслет (рис. 1, 2) для правой руки. С левой стороны, выше пояса, обнаружены обломки серебряного браслетообразного завязанного височного кольца, которое носилось на левой руке в качестве браслета и вместе с ним - остатки железного предмета, также предположительно браслета. С левой стороны пояса находился железный нож с остатками деревянной рукоятки (рис. 1, 10).

Курган 9. Высота 0,6 м, диаметр основания 7 м. Насыпан из однородной темно-коричневой супеси. На глубине 0,45 м от центра кургана выявлено кострище размерами 2,9 x 3 м, состоящее из остатков сгоревших бревен, углей, кальцинированных косточек. При его разборке найдены сплавы бус, некоторые из них первоначально имели синий цвет обломки разбитого и разбросанного гончарного сосуда, украшенного линейным орнаментом (рис. 2, 5). Почва под кострищем прокаленная. Под ней открыта могильная яма четырехугольных очертаний размерами 2 x 0,84 м, глубиной 0,5 м, ориентированная по линии юго-восток-северо-запад. Костей и вещей в яме не было, только на дне имелось небольшое скопление углей.

Курган 30. Высота 0,9 м, диаметр основания 8 м. С южной, западной и северной сторон кургана выявлен ровик⁴. В его заполнении найден раздавленный гончарный сосуд с линейным и волнистым орнаментом (рис. 2, 2). Вокруг сосуда встречались отдельные угольки. В центре кургана на глубине 0,24 м от его поверхности обнаружен гончарный сосуд, украшенный линейным орнаментом (рис. 2, 1) и заполненный

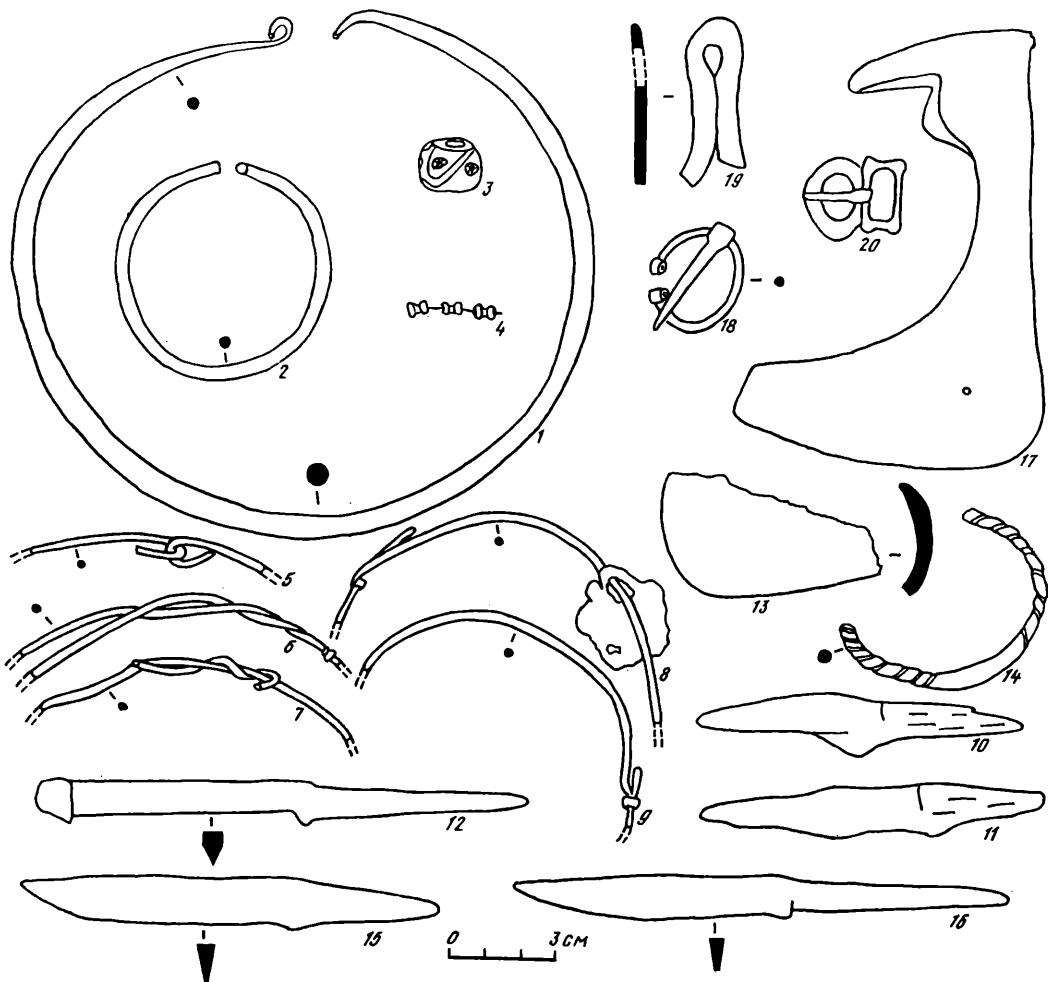

Рис. 1. Находки из Маркатушинских курганов

1 - шейная гривна; 2 - браслет; 3, 4 - бусы; 5-9 - обломки височных колец; 10-12, 15, 16 - ножи; 13 - обломок бляхи; 14 - браслет; 17 - топор; 18 - фибула; 19 - ушко; 20 - пряжка

1-10 - кург. 7; 12-14 - кург. 30; 15, 16 - кург. 63; 17-20, 11 - кург. 31

кальцинированными костями. Среди костей торчал покрытый окалиной нож (рис. 1, 12). Погребение вводное. На глубине 1 м от поверхности кургана находилось кострище из углей и кальцинированных костей размерами 3,3 x 4,1 м. Почва под ним прокаленная. Найдены обломки бывавшего в огне гончарного сосуда, украшенного линейным орнаментом (рис. 2, 6), бронзовый тордированный браслет, обломок бронзовой бляхи (рис. 1, 13, 14), бронзовый сплав. При расчистке

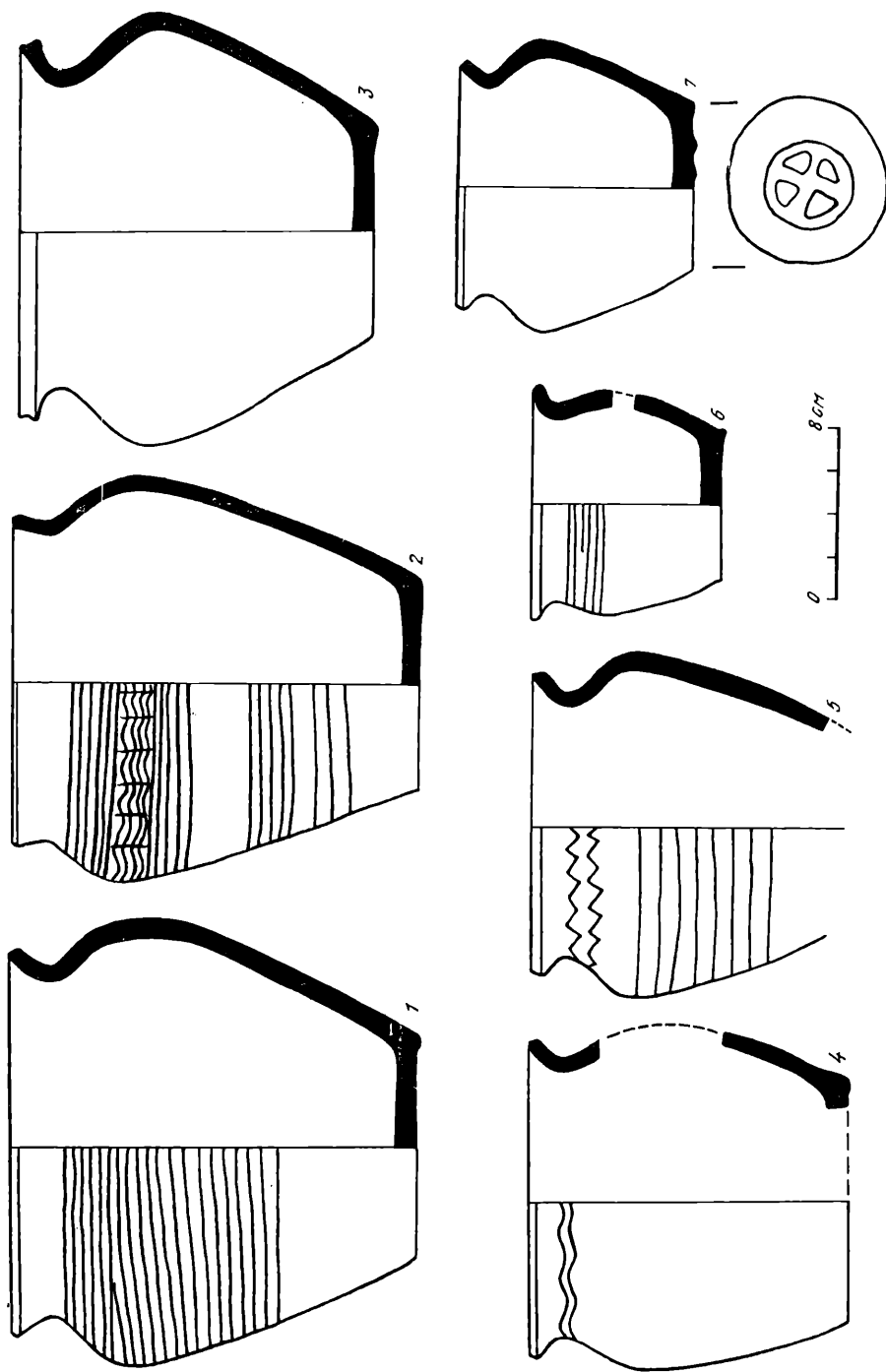

Рис. 2. Сосуды из Маркатушинских курганов
 1, 2, 6 - кург. 30; 3, 4, 7 - кург. 63; 5 - кург. 9

кострища обнаружена грунтовая яма диаметром 0,5 м, глубиной 0,21 м, заполненная черной землей, перемешанной с углями и кальцинированными костями. Сожжение произведено на месте.

Курган 31. Высота 1 м, диаметр основания 10 м. Ровик выявлен с южной, западной и северной сторон. Насыпан из однородной темно-коричневой супеси, в которой находились фрагменты лощеной миски с носиком, нижняя часть горшка, фрагмент керамики с желтой поливой и лепная керамика середины I тысячелетия н.э. Мужское погребение по обряду труположения открыто на уровне древнего горизонта. Кости плохой сохранности. Умерший погребен на спине, головой на юго-запад, правая рука на животе, положение левой не известно. С левой стороны у пояса найден железный широколезвийный топор (рис. 1, 17), рукоятью к ногам, лезвием от костяка. На поясе находилась круглая, загнутоконечная бронзовая пряжка-фибула (рис. 1, 18) с остатками ткани, ниже и правее - бронзовая лировидная пряжка (рис. 1, 20) с остатками кожаного ремня. С левой стороны, у бедра, обнаружен железный нож (рис. 1, 11); у ступни левой ноги - два железных ушка (рис. 1, 19). В ногах стояла нижняя часть крупного гончарного сосуда с клеймом в виде круга. На дне сосуда углистый слой.

Курган 50. Высота 0,3 м, диаметр основания 5 м, насыпан из однородной темно-коричневой супеси. В насыпи найдены коса-горбуша и кованый четырехгранный гвоздь. Следы погребений и могильной ямы не выявлены.

Курган 57. Высота 0,5 м, диаметр основания 7,5 м. Древняя поверхность кургана в виде черной прослойки 0,12-0,25 м и перекрыта мощными речными наносами. Захоронение по обряду труположения было совершено в могильной яме четырехугольных очертаний. Размеры ямы 2,59 x 0,82 м, глубина 0,52 м. Остатки тлена костей скелета свидетельствуют о его положении головой на запад. С левой стороны у пояса найден железный нож с остатками деревянной рукояти.

Курган 62. Высота 0,3 м, диаметр основания 9 м. В насыпи найдены фрагменты гончарной керамики, обломок точильного бруска, часть кальцинированной косточки. Могильная яма четырехугольных очертаний размерами 1,7 x 1 м, глубиной 0,5 м. Кости и вещи в яме не обнаружены.

Курган 63. Высота 0,4 м, диаметр основания 7 м. Имел общий ровик с курганом 30. На вершине кургана в 0,3 м от поверхности был найден раздавленный гончарный сосуд (рис. 2, 3), заполненный кальцинированными косточками. Погребение вторичное, позднее курган был досыпан. На уровне 0,7 м от поверхности кургана обнаружено кострище, состоящее из крупных остатков сгоревших деревьев, угольков, кальцинированных костей. В погребении найдены обломки гончарного сосуда с клеймом (рис. 2, 7), железный нож, покрытый окалиной (рис. 1, 16), и отдельные фрагменты второго гончарного сосуда (рис. 2, 4), каплевидные сплавы металлов. Ориентация предположительно была северной. Сожжение совершено на месте. В юго-западном секторе, на краю кургана, на уровне кострища находилась грунтовая яма размерами 0,5 x 0,4 м, глубиной 0,3 м, заполненная кальцинированными косточками и угольками. В заполнении ямы обнаружен железный нож (рис. 1, 15). Погребение вводное.

Определить твердые хронологические рамки можно только для пяти курганов (7, 9, 30, 31, 62). Анализ погребального инвентаря позволяет датировать эти курганы второй половиной X-XI в. К XI в. относятся курганы 7, 9, 31. Шейная бронзовая гривна из круглого дрота³, мозаичная рельефная и двучастные серебряные стеклянные бусы⁴, браслетообразные височные кольца⁵, широколезвийный топор⁶,

загнутоконечная фибула⁷ хорошо датированы. Надо отметить, что полузавязанные браслетообразные височные кольца по типу более близки к древностям Полоцкой земли.

Курганы 30 и 63 датируются второй половиной X в. Захоронение в них совершенно по обряду трупосожжения, и они содержат керамику <гнездовского> типа. Курганы 5 и 62 могут быть отнесены к XII в. исходя из того, что в этом регионе курганные захоронения в грунтовых ямах распространяются с XII в. Общая датировка раскопанных курганов - вторая половина X-XII в.

Выявлено три погребальных ритуала: трупосожжение (на месте или на стороне), трупоположение на горизонте и трупоположение в могильной яме, причем курганы с разным ритуалом соседствуют. Погребальный обряд курганов 30 и 62 имеет прямые аналогии в Гнездовском могильнике и восходит к погребальной традиции культуры смоленских длинных курганов¹⁰. Это наличие грунтовой ямы под кострищем, грунтовая яма с погребением в поле кургана, помещение сосуда с костями в курган и его досыпание. Интересным примером пережитка обряда трупосожжения является погребение в кургане 9. Могильная яма была очищена огнем, о чем свидетельствует находка углей в яме, засыпана и над ней устроен большой погребальный костер. Отсутствие костей в могильной яме и наличие кальцинированных костей, сплавов бус, разбитого сосуда позволяет предположить, что обряд был совершен по древнему ритуалу, т. е. трупосожжения.

Данный могильник интересен и тем, что он представляет собой кладбище населения крупного древнерусского селища, расположенного рядом и являющегося, видимо, селом Дросенским уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича¹¹.

¹Ляўданскі А. Н. Археолёгічныя досьледы у вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні // Працы археолёгічнай камісіі. Менск, 1930. Т. 2. С. 293, 294.

²Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (XIII-XV вв.). М., 1960. С. 132, 133.

³Фехнер М. В. Шейные гривны // Тр. ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 68.

⁴Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. 1956. N 55. С. 178.

⁵Левашова В. П. Височные кольца // Тр. ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 15-18.

⁶Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36. С. 36-38.

⁷Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Тр. ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 152; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода // МИА. 1959. N 65. С. 241.

⁸Ляўданскі А. Н., Даўгяла Э. І. Заслаўе на Меншчыне (Археолёгічныя досьледы і гістарычны агляд). Менск, 1928. С. 23, 24, 31-33; Он же. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Працы археолёгічнай камісіі. Менск, 1930. Т. 2. С. 159.

⁹Седов В. В. Себежские курганы // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 72.

¹⁰Седов В. В. Длинные курганы кривичей. М., 1974. Вып. Е1-8. С. 16-25.

¹¹Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976. С. 143.

НИКОЛЬСКИЙ СОБОР В НОВОЙ ЛАДОГЕ - ПАМЯТНИК
 НОВГОРОДСКОГО ЗОДЧЕСТВА XVI В.

Никольский собор в г. Новая Ладога¹ расположен на левом берегу Волхова, недалеко от его впадения в Ладожское озеро. Сначала это был храм Николо-Медведского монастыря. Древнее урочище Медведко известно из договорных грамот новгородцев с готландцами XIII в. как крайний пункт новгородских владений². Посвящение монастыря Николаю Чудотворцу, покровителю путешественников и мореходов, естественно для монастыря, расположенного в месте остановки на торговом пути, идущем через бурную Ладогу в Новгород. Дата основания монастыря неизвестна, первое упоминание о нем - в переписной окладной книге Вотской пятины - относится к 1500 г.³; первое известие о Никольском соборе - к 1628 г.: «...церковь каменная во имя св. Николая, с папертью...»⁴. Уже поверхностный осмотр собора - такого, каким он дошел до наших дней, показывает, что это памятник новгородской архитектуры XV-XVI вв., четырехстолпный с одной апсидой, храм на подклете с притвором с западной стороны. Столбы подклета имеют в плане квадратную форму, восточные столбы церкви закруглены с востока, западные - круглые. Своды церкви коробовые в центральных нефах и полукоробовые в угловых частях церкви. Фасады разделены лопатками - на три прясла, завершающиеся двуступенчатыми ползучими арочками, что бывает у церквей с трехлопастным или пофронтовым восьмикатным покрытием. Барабан под главой имеет фриз из пятиугольных нишек.

За время существования собор утратил некоторые из своих конструкций и форм, например, первоначальное покрытие, северную стену, дверные и оконные проемы и в то же время получил ряд новых пристроек: придел, паперть, верхние части стен, новые проемы и пр. Таким образом, в настоящее время объем церкви снаружи представляется довольно большим глухим параллелепипедом, закрытым четырехскатной кровлей, к которому примыкают с запада широкая паперть с крыльцом под общей кровлей, а с востока - две апсиды. Внутри собора из паперти через широкие арки в западных стенах притвора и собора попадаем в единое пространство, имеющее один общий иконостас и три столба: два первоначальных круглых и один восьмигранный, вероятно - фрагмент разобранной северной стены.

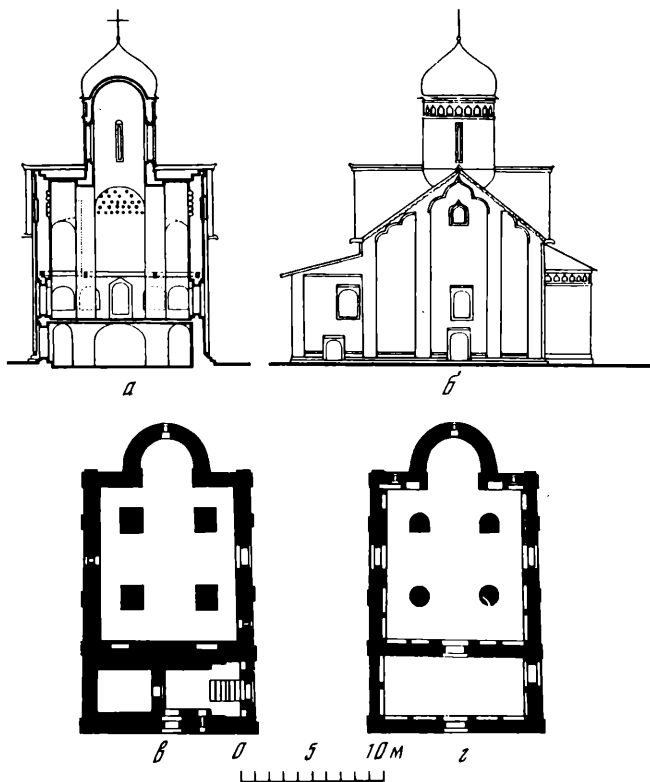
Обмеры и исследования зондированием, а также полученные археологические материалы подтвердили и уточнили уже имевшиеся представления о первоначальном соборе, выявили ряд данных о позднейших перестройках и пристройках (рис. 1; 2)⁵. Наружные размеры основного объема храма 11,8 x 12,5 м, длина с апсидой и притвором 16 м, толщина стен 105-115 см, вынос лопаток 16-18 см, размер столбов подклета 160 x 160 (164 x 164) см, диаметр столбов церкви 143-145 см. Строительным материалом конструкций служит известняковая плита довольно крупного размера (до 20 см толщиной, 30-70 см длиной), особенно в кладке углов и лопаток, мельче и тоньше - в кладке прясел стен и в стене апсиды, а также при выравнивании рядов; для кладки боковых откосов дверных и оконных проемов, арок стальных ниш, ползучих арок фасадов употреблен кирпич размерами 28,5-30 x 13-15 x 6,5-7,5 см. Раствор известково-песчаный, желтовато-серый, толщина швов 3-4 см. Фундамент сложен из валунов без раствора, пустоты заполнены песком; фундаментные рвы имеют наклонные стенки, выступ верхнего ряда фундамента апсиды от плоскости стены 25-30 см, фундамента стены четверика 60-80 см. Высота фундамента 130-140 см, его верхняя часть (80 см) находится в

песчаном грунте, нижняя - в материковом песке. По верху валунов лежит выравнивающий слой известкового раствора с песком и обломками кирпича и извести, его толщина 10-12 см; над фундаментом устроен уступчатый цоколь высотой около 80 см (на южном фасаде - пять уступов, стены апсиды имеют два уступа). Во время раскопок найдены фрагменты известковой обмазки наружной поверхности и цоколя; судя по тому, что эта поверхность под обмазкой имеет следы разрушений, она была сделана уже после длительного периода существования сооружения.

Рис. 1. Новая Ладога. Никольский собор

а - поперечный разрез; б - южный фасад; в - план подклета; г - план церкви (реконструкция)

Самое значительное изменение форм собора произошло после того, как были разобраны верхние части центральных прясел стен и надложены боковые. Под штукатуркой на каждом фасаде прослежены наклонные границы кладки стены собора и накладки. Эти наклонные прямые говорят о восьми-скатном шипцовом первоначальном покрытии храма.

Исследованиями установлено, что каменный притвор на подклете, примыкающий к собору с запада, построен одновременно с ним (одинаковый строительный материал стен и конструкция проемов; перевязка швов в местах примыкания стен).

После снятия штукатурки и разборки закладок найдены два хорошо сохранившихся оконных проема, один - в восточной стене церкви, другой - в западной стене притвора, в подклете; оба узкие, прямоугольные, с прямоугольными наружными нишами и внутренними арочными. Внутренняя ниша окна церкви очень широкая и заходит в боковую южную стену церкви, окно имеет железную решетку с прямоугольным пересечением прутьев и каналы для запорного бруса. Кроме этих окон, под крышей обнаружены заложенные поздним кирпичом нижние части древних окон барабана, они узкие, с двумя нишами с прямыми откосами. Выявлено пять дверных проемов, почти одинаковых по конструкции и близких по размерам. Ни один из них не сохранился полностью, однако почти у всех остались порог и боковые откосы

проемов до высоты пяти арки. Перекрытием внутренних ниш трех проемов (двух в притворе и одного в подклете собора) служат своды самих помещений, остальные уничтожены поздними перестройками; из наружных ниш одну можно видеть целиком, она прямоугольной формы (перекрыта горизонтальной каменной плитой), эта ниша проема южной стены притвора в подклете.

Рис. 2. Новая Ладога. Никольский собор (реконструкция)

Во всех стенах собора и притвора к настоящему времени найдены заложенные внутренние стенные ниши на высоте примерно 60 см от пола, предназначенные, вероятно, для сидения.

Из декоративных элементов интересен фриз, представленный пятиугольными нишками на стене апсиды, он был закрыт поздним карнизом, «тянутым» из штукатурного раствора; фриз подобен тому, который украшает церковный барабан. В тимпанах сводов центральных нефов собора снаружи открыты ниши с декоративным обрамлением, которое завершается килевидной аркой.

Поиски связей дали пока один уровень - над перемычками порталов (как бы на уровне хор). Сечение внутрстенных связей 22 x 28 см, воздушных - 22 x 32-34 см, связи соединялись в полдерева, а внутри столбов были скреплены еще и железными коваными гвоздями.

К числу особенностей в устройстве церкви можно отнести две:

1. На западной стене церкви на высоте деревянных связей имеется уступ около 30 см шириной, какой мог быть сделан для устройства настила. Уступ идет от северной стены до середины подпружной арки,

перекинутой от юго-западного столба на западную стену. Попадать туда могли, например, по открытой или приставной лестнице в северо-западном углу. Таким образом, полаты (или антресоли) занимали площадь в два западных членения церкви (хоры в XV в. имели церкви Петра и Павла в Кожевниках, Иоанна Милостивого, Михаила Архангела на Михайловой улице и Дмитрия Солунского, в XVI в. - церкви Климента и Бориса и Глеба в Плотниках).

2. Подклет притвора имеет большую глубину, чем подклет собора. Размер кирпича свода тот же, что везде в кладке собора. В подклет попадают через дверной проем в южной стене притвора, далее вниз по лестнице; расстояние от уровня дневной поверхности до пола подклета 160-170 см. Толщина боковых стен в средней части этого пространства 190 см. Кладка свода, устройство окна в западной стене (с наклонным подоконником, как, например, в подвале церкви Прокопия), размер кирпича, дверной проем в южной стене - ничто не внушает сомнения, что это первоначальный свод.

Перечисленные композиционные приемы, архитектурные формы и конструкции повторяют таковые новгородских памятников XV-XVI вв.

Так с храмами XV в. его сближает форма столбов, повторяющих форму столбов церкви Симеона Богоприимца (1467 г.). Подобная форма столбов имеется также в псковских церквях Василия на Горке (1419 г.), Михаила Архангела на Кобыльем городище (1462 г.), а также Николы с Усохи (1536 г.). Решение фасадов сходно с решением фасадов церквей Власия (1407 г.), Двенадцати апостолов (1464 г.), Дмитрия Солунского (1463 г.). Оконный проем восточной стены почти повторяет форму проема церкви Двенадцати апостолов, церкви Симеона Богоприимца и Сергия Радонежского (1460-е годы), а устройство многочисленных арочных стеновых ниш - прием, имеющийся в Спас-Преображенском соборе Старой Руссы (1442 г.); в XVI в. - у Прокопия на Ярославском дворе и у Бориса и Глеба в Плотниках.

Связи в соборе деревянные, как у всех церквей XV в. Отсутствие лестницы в стене для входа на полаты говорит о вероятной открытой лестнице. Так устраивались входы на хоры в церквях XIV-XV вв. Валунные фундаменты, уложенные без раствора с просыпкой песком, с известковым выравнивающим слоем и с цоколем из плитняка, притом без креповки у лопаток - это фундаменты новгородских церквей XIV-XV вв. Строительный материал стен: камень с применением кирпича - более характерен для XV, чем для XVI в.

И все-таки указанные качества можно считать для Никольского собора архаическими, поскольку он имеет ряд других с несомненностью относящихся его к XVI в. качеств. Прежде всего это существование подклета с каменным сводом. В Новгороде с достоверностью можно назвать его первое появление в церкви Жен Мироносиц (1510 г.). В дальнейшем с каменным подцерковьем построены церкви Филиппа (1528 г.), Прокопия (1528 г.), Бориса и Глеба в Плотниках (1536-1537 гг.), собор Владимирской Богородицы Сыркова монастыря (1554 г.) и церковь Николая Мирликийского (1555-1557 гг.). Эти подцерковья использовались как складские помещения. Как в церквях Жен Мироносиц и Прокопия подвал не сообщался с церковью, не имеет сообщения с церковью и подклет Никольского Новолодожского собора.

Пошиповое восьмискатное покрытие Новолодожского собора - второй отличительный прием, сближающий собор с новгородскими храмами XVI в.

Наконец, собор имеет две декоративные формы, которыми он без сомнения обязан новым художественным вкусам, проникшим в новгородскую архитектуру с усилением московского влияния в XVI в. Это, во-первых, фриз из пятиугольных нишек на апсиде и барабане. Несмотря на то что впервые такие нишки появились в церкви Иоанна

Милостивого, на Мячине в 1422 г., традиционным мотивом этот фриз стал лишь в XVI в.: так, мы видим его на Спасо-Преображенском соборе Хутынского монастыря (1515 г.), на церкви Бориса и Глеба в Плотниках (1536 г.), на церкви Никиты Мученика (1555-1557 гг.). Во-вторых, килевидная форма завершения ниш, помещенных в центральных пряслах фасадов Никольского собора. Именно в XVI в. встречаются килевидные завершения членений фасадов в церквях Бориса и Глеба в Плотниках, Варлаама Хутынского (1552 г.), средних членений церкви Прокопия¹⁰. Возможно, что и средние членения фасадов Никольского собора были также завершены килевидными арками.

Так, подобно некоторым новгородским храмам первой половины XVI в., например, церкви Климента (1520 г.) или церкви Николая Мирликийского Папоротского монастыря - Новоладожский Никольский собор также строился отчасти в формах предшествующего периода, и его возведение можно отнести к тому же времени, т. е. к первой половине, но, вероятно, не ранее 20-х годов XVI в.

¹ Историко-архивные исследования по памятнику проведены старшим искусствоведом Ленинградского филиала Института (далее: ЛФИ) "Спецпроектреставрация" Е. Е. Раева (Раева Е. Е. Никольский собор в Новой Ладого. Историческая справка. Л., 1980) // Архив ЛФИ "Спецпроектреставрация". Инв. N 1720). Материалы этой работы использованы в настоящей статье.

² Раева Е. Е. Никольский собор ... С. 11.

³ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года (вторая половина) // Временник Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 2. С. 31-33.

⁴ Амвросий. История Российской иерархии. М., 1813. Т. 5. С. 60.

⁵ Новая Ладога. Никольский собор. Материалы исследований. Обмерные чертежи. 1980. Т. 1.; 1983, 1985. Т. 2. Ч. 1, 1а; Зондажи. 1985. Т. 2. Ч. 2, 2а // Архив ЛФИ "Спецпроектреставрация". Инв. N 1796, 3079, 3080, 3287.

Обмеры и архитектурные исследования выполнялись архитекторами ЛФИ "Спецпроектреставрация" И. Л. Воиновой, О. Г. Гусевой, Л. И. Рисковой и др. под руководством архитектора О. Г. Гусевой; археологические исследования - под руководством археолога Н. К. Стеценко.

⁶ Стеценко Н. К. Новая Ладога. Отчет об архитектурно- археологических исследованиях Никольского собора. Л., 1980/1981. Т. 1. Ч. 1, 2; Т. 2 // Архив Инспекции охраны памятников Леноблсполкома. Инв. N 344, 345, 475.

⁷ Церкви с открытыми каменными и деревянными лестницами на хоры в северо-западном углу представлены, например, в XIV в.: Рождества Богородицы на Молоткове, Рождества Христова на кладбище, Иона Богослова на Витке, Петра и Павла в Кожевниках; в XV в.: Власия, Иона Милостивого, Воскресения на Мячине. О таком расположении лестниц как основном в XIV-XV вв. см.: Новгород к 1100-летию города. Сб. ст. под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1964. С. 216.

⁸ Там же. С. 229.

⁹ Кладка из плиты станет характерной чертой новгородского зодчества XIV-XV вв. См.: Каргер М. К. Новгород. Л., 1980. С. 28.

¹⁰ Новгород к 1100-летию города... С. 247; Каргер М. К. Новгород... С. 133, 171.

БОЛЬШЕМЕРНЫЙ КИРПИЧ XIII-XVII ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

На территории Белоруссии большемерный кирпич известен со второй половины XIII в., куда он попал из Волыни, придя на смену плинфе, широко применявшейся здесь в каменном зодчестве XI-XII вв. Самый первый известный памятник, сложенный из подобного кирпича, - это Каменецкая «вежа» (размер кирпича 26,5 x 13,5 x 8 см). Кирпич подобного формата обнаружен П. Ф. Лысенко в Бресте (27,5 x 12 x 8,3 см и 24 x 11,2 x 8 см) и Турове в слоях второй половины XIII в. Из аналогичного кирпича (27-28 x 12-13 x 7-8 см) сооружена в первой половине XIV в. церковь на Новогрудском детинце².

На протяжении XIV в. волынские традиции в белорусской архитектуре постепенно отмирают, и появляется кирпич толщиной до 10-10,5 см. Последний попал в Белоруссию, вероятно из северной Германии, через Ливонию и Польшу. В первой половине XIV в. князь Гедемин, который укреплял западные границы Великого княжества Литовского, Жемойтского и Русского (в состав которого вошли белорусские земли), обратился к ганзейским городам через римских купцов с приглашением в княжество различных ремесленников, в том числе и каменщиков. Вместе с североганзейскими мастерами могли прибыть и рижские каменщики, так как со второй половины XIII в. Рига стала кузницей архитектурных кадров⁴.

В литературе большемерный кирпич часто называют литовским. Этот термин появился в XVI в. в документах Великого княжества Литовского и обозначал брусковый кирпич, изготовленный для строительства замков. В русской литературе он употребляется со второй половины XIX в.⁵ Одной из характерных черт этого кирпича являются продольные борозды на одной из его постелей, поэтому его часто называют «пальчаткой», ибо вначале борозды проводились пальцем по сырой глине. Иногда большемерный кирпич называют бороздчатым или каннелюрованным. Кирпич XIII-XVI вв. зачастую известен так же как «брусковый». Кроме Белоруссии, Литвы и Украины бороздчатый кирпич встречается в архитектуре орденов Пруссии, северо-восточной Германии, Польши и в некоторых областях Прибалтики⁶.

Следует отметить, что многие исследователи при описании этого кирпича указывают только его формат и опускают такие важные показатели, как количество борозд, их глубину, расположение по отношению к боковым граням, способ нанесения на поверхность кирпича. Эти данные при их систематизации могут дать ценные сведения о технике формовки кирпича, его датировке и принадлежности к продукции определенной строительной артели.

Поверхность кирпича может сохранять следы от травы, дождя, человеческих пальцев, отпечатки лап различных животных и даже детских ног (рис. 1). Эти данные позволяют судить о стадиях обработки сырца, об условиях его просушки до обжига. Существует общепризнанное мнение, что борозды изначально делились для лучшего скрепления кирпичей раствором. Однако эта деталь присуща только для упоминавшихся стран и соседями не заимствовалась. Например, кирпичное производство России XVI-XVII вв. не знало бороздчатого кирпича, хотя между зодчими Белорусии и России все время существовали контакты. В России бытовал подпятный способ формовки кирпича, когда глина набивалась в форму пятой рабочего. Кроме подпятного приема формовки здесь существовал и чекмарный способ, когда глина вбивалась в форму специальным деревянным молотком. Только в XVIII в. на смену этим приемам приходит столовый способ

формовки⁹. В Белоруссии, как в Литве и Польше, он существует с XIII в.

Появление борозд вызвано в первую очередь спецификой технологии производства, поскольку мастер-кирпичник зачастую удалял излишки с поверхности заполненной деревянной формы не дощечкой, а пальцами, следы которых иногда оставались на глине

Изученный кирпич второй половины XIII в. (Берестье) и первой половины XVI в. (Лидский замок) имеет лишь слабые следы пальцев и то далеко не всегда. Кирпич начала XIV в. из Кревского замка вообще характеризуется только гладкой поверхностью (остатки глины из формы удалялись только дощечкой).

Сознательное изготовление кирпича-пальчатки с глубокими бороздами (причем их количество колеблется от трех до восьми) начинается с конца XIV - первой половины XV в. и продолжается до конца XVIII в. Причем борозды наносились не только пальцами, но и специальным гребенчатым инструментом (например, кирпич XV в. из перестройки Пречистенской церкви в г. Гродно - рис. 2). Зодчие, которые использовали кирпич-пальчатку, добивались усиления прочности кладки за счет сцепления ряда кирпичей с гладкой постелью с бороздчатой поверхностью кирпичей последующего ряда. Как правило, в каждом ряду 90-95% кирпича лежит бороздами вниз (например, в перестройке XV в. Пречистенской церкви в Гродно, кладке Могилевской ратуши второй половины XVII в.). Изучение белорусского большемерного кирпича XIII-XVII вв. показало, что его формат (особенно толщина) за это время неоднократно изменялся. Несмотря на это, удалось проследить следующие закономерности.

1. В замковом строительстве XIV-XVI вв. зачастую применялся кирпич больших форматов, чем в культовом или гражданском строительстве. Это хорошо видно из таблиц 1 и 2.

2. При возведении объектов одновременно применялся кирпич нескольких размеров (например, Людский замок - два формата, Кревский замок - два основных формата, Мирский замок - три).

3. Наряду с бороздчатым кирпичом все время применялся и кирпич с гладкой поверхностью, причем в XVI-XVII вв. явно преобладает кирпич-пальчатка.

4. В XIV-XVII вв. изготовлялся специальный кирпич для пола (прямоугольный или квадратный), причем с XVI в. он применяется наряду с половой плиткой. Иногда применялся особый половой кирпич небольшой толщины. Так, пол церкви XIV в. в Новогрудке выложен из кирпича размером 30 x 13-15 x 5 см на известковом растворе¹¹. Из кирпича был сделан пол в костеле второй половины XV в. в д. Ишкольд¹². В XVII в. иногда изготовляли специальный декоративный кирпич для украшения порогов или ступенек. Фрагмент такого кирпича обнаружен в Пинске. Его толщина 5 см, на боковых гранях в специальной форме вытиснен рисунок растительного характера¹³ (рис. 1).

5. В XIV-XVII вв. широко применялся различный профильный кирпич, изготавливаемый тремя способами: а) в форме; б) сырец обрезался ножом и приобретал нужную конфигурацию перед обжигом; в) специальная отеска обычного прямоугольного кирпича (рис. 1). Профильный нервюрный кирпич XIV-XVI вв. изготовлялся, как правило, в формах. Он обнаружен при раскопках в разных архитектурных памятниках, например Лидского замка и Верхнего замка в Витебске¹⁴. В XVI в. производство профильного кирпича значительно сокращается. Он изготавливается в основном третьим способом.

6. Кирпич XIV - первой половины XVI в. иногда имеет метки на боковых торцах или широкой поверхности (например, Старый замок в Гродно, Лидский замок, замок в Мире). На кирпичах начала XVI в. из Мирского замка зафиксировано несколько различных клейм (рис. 1).

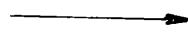
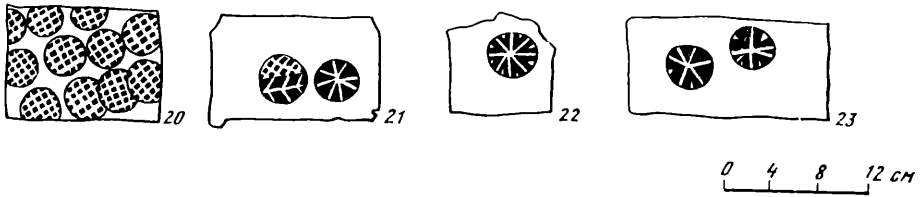
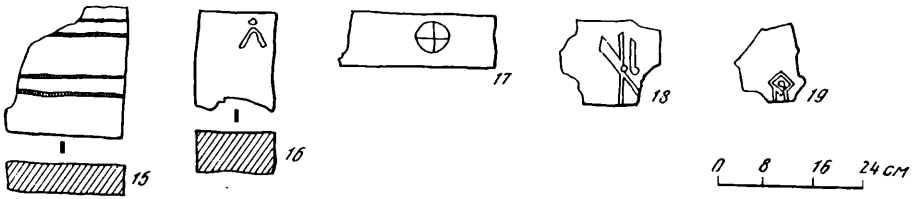
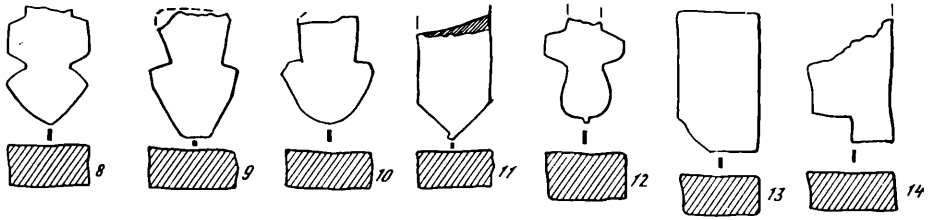
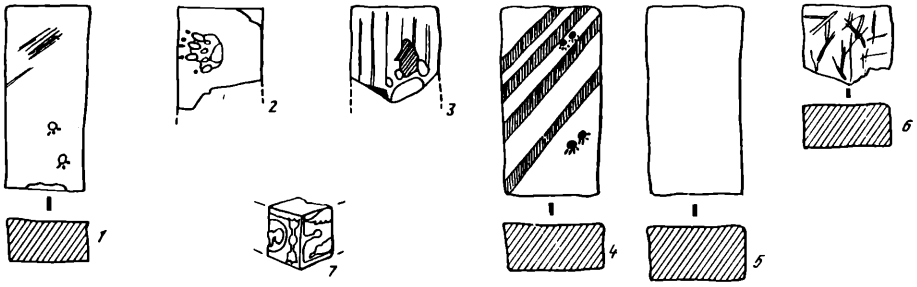

Рис. 1. Белорусский большемерный кирпич

1, 2, 4 - кирпичи со следами животных; 3 - со следом ребенка; 5 - со следами дождя; 6 - фрагмент с отпечатками травы; 7 - фрагмент декоративного кирпича; 8-15 - профильный кирпич; 16-19 - метки на кирпичах XIV-XVIII вв.; 20-23 - клейма на кирпичах начала XVI в.

1, 3, 5, 6, 13, 14, 16, 20-23 - Мирский замок; 2, 9-11, 18, 19 - Лидский замок; 4 - Мстиславль (XVII в.); 7 - Пинск; 8 - Кревский замок; 12, 17 - Гродно, Старый замок; 15 - Слоним (раскопки И.М. Чернявского)

Таблица 1

Формат кирпича из памятников XIII-XVI вв.

Памятник	Время строительства	Формат кирпича, см	Источник сведений
Замок в Крево	Рубеж XIII-начала XIV вв.	28-28,5(30) x 13,5 (14,5) x 7,5-8(9) 30-31 x 17-17,5 x 9,5	Наблюдения автора
Замок в Лиде	30-е годы XIV в.	31 x 15 x 10 (основной формат) 31 x 14 x 7	То же
Северо-западная башня из Лидского замка	Вторая половина XIV - начало XV в.	29/30 x 14 x 7,5-8	То же
Старый замок в Гродно	Рубеж XIV-XV вв.	27-28 x 12-13 x 8-8,5	По Я. Войцеховскому и Н. Н. Воронин
Замок в Мире	Начало XVI в.	29,5-30 x 14,5 x 9-9,5 (до 10) 28-28,5 x 14 x 8,5-9,5 29,5-30 x 15,5-16 x 9-9,5	Наблюдения автора
Старый замок в Гродно	Перестройка второй половины XVI в.	29 x 15 x 7	По Я. Войцеховскому
Замок в Любче	Конец XVI в.	27,5-28 x 12,5-13 x 6,5-7(8)	Наблюдения автора

7. Во второй половине XV - первой половине XVI в. в кладке широко применяется кирпич-клинкер (пережог). В это время фасады различных зданий, особенно нижние части стен, украшаются орнаментами из этого кирпича в виде диагональных поясов, ромбов, крестов и других узоров. В ряде случаев тычки пережженного кирпича входили в обычную готическую кладку стен без всякой системы.

8. В середине - второй половине XVII в. в белорусском зодчестве (особенно в восточной и центральной Белоруссии) преобладает тонкий кирпич, его толщина от 6,5 до 5 (4,5) см. Наряду с уменьшением толщины часто увеличивается его ширина и длина, причем разница в длине кирпича одного формата достигает 3-3,5 см. Это обусловлено

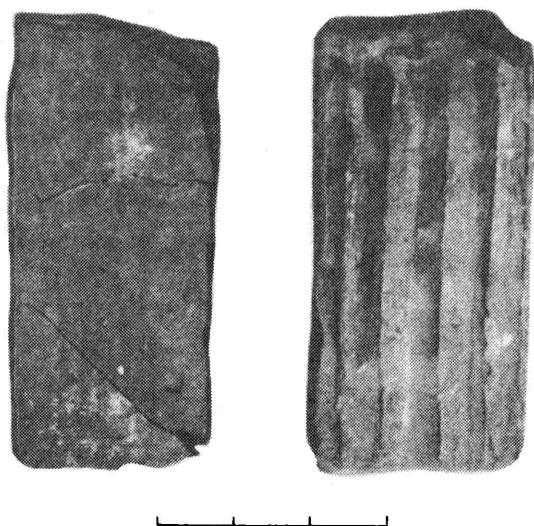

Рис. 2. Кирпич XV в. со следами на постели. Пречистенская церковь (раскопки И. М. Чернявского)

Таблица 2

Формат кирпича из культовых памятников Белоруссии XIV-XVI вв.

Памятник	Время строительства	Формат кирпича, см	Источник сведений
Церковь в Новогрудке	Первая половина XIV в.	27-28 x 12-13 x 7-8	По М. В. Малевско
То же	Перестройка середины второй половины XIV в.	29-30 x 14-15 x 7-8	То же
Пречистенская церковь в Гродно	Перестройка первой половины - середины XV в.	27 x 12 x 8	По И. М. Черняховскому
Церковь в Сынковичах	Конец XV - начало XVI в.	26-27 x 13-13,5 (14) x 7	Наблюдения автора
Церковь в Супрасли	Первое десятилетие XVI в.	31,2 x 15 x 7,5	По И. Йодковском
Борисоглебская церковь в Новогрудке	Первая четверть XVI в.	28-29 x 12 x 7 и 27-31 x 13-14 x 6,8-8	По П. А. Раппопор и Е. Д. Квитницкой
Мурованка (Мало-Можейковская церковь)	Первая половина XVI в.	27-29 x 13-14 x 7	Наблюдения автора

переходом на бессистемную равнослойную кладку. Наиболее хорошо изучен могилевский кирпич этого времени¹⁵. По внешнему виду и по размерам он очень напоминает плинфу, что вводило в заблуждение некоторых исследователей. Следует отметить, что в этот период изготовлялся (наряду с обычным) кирпич-пальчатка с бороздами (три или четыре), диагонально расположенными на постели (рис. 3). Такой кирпич обнаружен в Могилеве¹⁶, Минске¹⁷, Новогрудке¹⁸ и других городах.

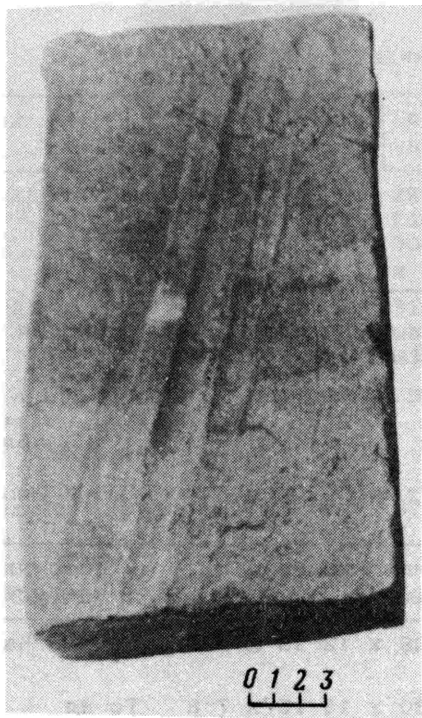

Рис. 3. Кирпич XVII в. Никольская церковь, г. Могилев

¹ Лысенко П. Ф. Берестье. Минск, 1985. С. 335; Он же. Отчет о полевых исследованиях Туровского археологического отряда в 1976 г. // Архив Ин-та истории АН БССР. Д. 547 С. 12, 14.

² Малевская М. В. Архитектурный комплекс Новогрудского детища XIII-XIV вв. // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 122.

³ Narbutt T. Dzieje narodu Litewskiego. Wilno. 1839. F.V. S. 518-519.

⁴ Вага В. Церковь Петра в Риге // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. 1969. Вып. 229. С. 148.

⁵ Абрамаускас С. К вопросу генеза крепостных сооружений типа кастель в Литве (на примере замка Меднинкай) // Науч. тр. высш. уч. зав. в Лит. ССР. Стр-во и архитектура. 1963. Т. 3. N 1 С. 101, 102.

⁶ Там же. С. 102.

- ⁷ Филиппов А. В. Клейма древнерусских кирпичей в Москве и их расшифровка // Сообщ. лаборатории керам. установки Академии архитектуры СССР. М., 1940. Вып. 1. С. 6.
- ⁸ Филиппов А. В. Древние "циклопические" кирпичи у р. Неглинной // Тр. Ин-та строит. мат-лов минер. происхождения и стекла. 1930. Вып. 32. С. 31.
- ⁹ Милославский М. Г. Техника каменного зодчества в России в XVI-XVII вв. // Мат-лы по истории строит. техники. М., 1961. Вып. 1. С. 31.
- ¹⁰ Трусау А. А. Вялікапамерная цэгла // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1984. №1. С. 33, 34.
- ¹¹ Малевская М. В. Монументальные сооружения Новоградского детинца XIV-XV вв. // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 91.
- ¹² Квитницкая Е. Д. Малоизвестные зальные сооружения Белоруссии конца XV - начала XVI в. // Архитектурное наследство. 1967. Вып. 16. С. 12.
- ¹³ Трусау А. А., Черняускі І. М. Керамічныя падлогі у Інтэр'ерах помнікаў дойлідства беларускага сярэднявекую // Помнікі культуры. Новая адкрыцці. Мінск, 1985. С. 193.
- ¹⁴ Багласов С. Г., Трусов О. А. Историко-архитектурные исследования и реставрация Лидского замка // Вопр. архитектуры Лит. ССР, VII (II). С. 36. Рис. 16; Колединский Л. В., Ткачев М. А. Строительная техника и строительные материалы средневекового Витебска // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII-XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига, 1983. С. 22.
- ¹⁵ Трусау А. А., Черняускі І. М., Кукуня В. Р. Архітэктурна-археалагічны даследаванні гістарычнага цэнтра Магілёва // Весці АН БССР, серыя грамадскіх навук. Мінск, 1983. №5. С. 75. Большую помощь в изучении могилевского кирпича оказал местный краевед И. И. Филипович, которому автор выражает искреннюю благодарность.
- ¹⁶ Там же С. 75.
- ¹⁷ Пазняк З. Рэха даўняга часу. Мінск, 1985. С. 18.
- ¹⁸ Отчет о работе Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1961 г. // Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 140/1961. С. 2. Рис. 3.

А. К. Кравцевич, И. И. Синчук

КЛАДЫ МОНЕТ ИЗ ГОРОДСКОГО ПОСЕЛКА МИР ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛ.
(БЕЛОРУССИЯ)

В процессе археологического изучения центра позднесредневекового г. Мир (ныне гор. пос. Мир Гродненской обл.), проводимого в 1982-1983 гг. экспедицией специальных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры Белоруссии, в наслоениях XVII в. обнаружены два клада монет. Первый, найденный в 1982 г., состоял из 93 медных солидов, второй (раскопки 1983 г.) - из четырех серебряных монет. Оба клада открыты почти в центре средневекового

поселения в 30 м от пересечения главных улиц. Клад, выявленный в 1983 г., находился на расстоянии 1,8 м от клада 1982 г. Медные солиды найдены примерно в 6 м от края улицы (ныне ул. Первомайская), клад серебряных монет - на 1,8 м дальше. Возможна небольшая разница между шириной современной улицы и древней.

По данным археологического изучения, этот участок города - место древнейшего поселения конца XIV в. (первое упоминание в летописи под 1395 г.), наиболее плотно был заселен в последующие века. Клад медных солидов открыт на глубине 1,45 м от дневной поверхности в темно-сером слое толщиной около 10 см, смешанном с красной глиной. Слой обожженной красной глины зафиксирован выше и ниже места залегания клада. Верхнее наслоение глины имеет толщину около 10 см, нижнее - 6-8 см¹. Монеты лежали двумя столбиками почти одинаковой высоты. На поверхности крайних из них сохранились отпечатки ткани. Редкие подробные описания подобного способа укладки монет содержат этнографические материалы².

Рис. 1. Монеты клада

1 - медные солиды Речи Посполитой 60-х годов XVII в.;
2, 3 - пататоны испанских Нидерландов; 4 - шестигрошовик
Речи Посполитой; 5 - шестигрошовик Пруссии

Клад серебрянных монет также найден в темно-сером слое, смешанном с красной глиной, но на 15 см выше клада медных солидов. Три монеты лежали на дне глиняного горшка с отбитым верхом, одна - в 5 см от горшка. Горшок неполивной, сделан из красногущейся глины, объем его 1,5-2 л. Красный цвет глиняной массы стенок сосуда характерен для керамики XVII в. и более позднего времени.

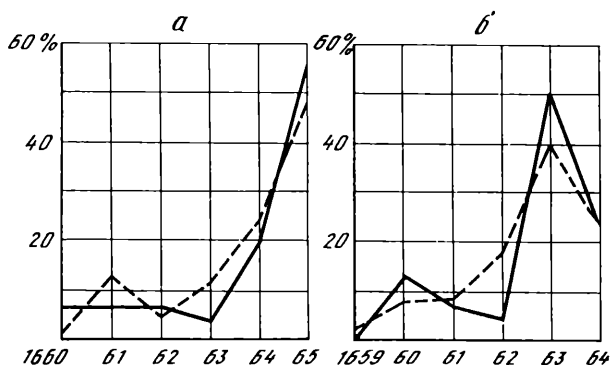
Есть основания предполагать, что оба клада были сокрыты в пределах жилой постройки. В пользу этого свидетельствует следующее:

1. Слой, в котором найдены монеты, и предшествующий слой насыщены обожженной глиной и фрагментами печных изразцов XVII., бывших в употреблении. На небольшой площади в месте открытия кладов их обнаружено около сотни. Это может указывать на близкий развал изразцовой печи.

2. На расстоянии около 1,4-1,6 м к востоку от места находки кладов и на 20-30 см выше расположен край бульжной вымостки XVII в. По всей вероятности, это вымостка двора городской усадьбы. Она занимала всю восточную часть раскопа. На краю вымостки выявлены

Рис. 2. Распределение медных солидов по годам

а - Великого княжества Литовского; б - королевства Польского. Сплошная линия - клад из гор. пос. Мир, пунктирная - Пранышский клад

остатки двух обгоревших бревен, видимо, относящихся к постройке, которая погибла во время пожара.

3. Расстояние в 6-8 м от улицы соответствует обычному местоположению жилой застройки позднесредневековых белорусских городов и местечек.

Нам кажется вероятным предположение, что оба клада имели одного хозяина и, возможно, это две части одного клада. Монеты были спрятаны, по-видимому, в пределах жилого дома около изразцовой печи или в самой печи. Случаи сокрытия денежных сбережений в печи известны по находкам кладов и этнографическим данным. Печь в деревянной постройке - единственное место, позволяющее в случае пожара спрятать монеты от огня и служащее ориентиром на пожарище. Вероятно, события, связанные с пожаром, помешали изъятию денежных сбережений их хозяином, а разрушенная печь погребла под своими обломками рассыпавшиеся при падении монеты и остатки горшка, в котором они находились.

Серебряные монеты представлены двумя талерами Нидерландов (под власть Испании) Филиппа IV 1633 и 1647 гг., битыми в Антверпене (знак «длань»), и двумя монетами меньшего номинала. Одна из них - шесть грошей Речи Посполитой Яна II Казимира Вазы 1665 г. с инициалами AT, вторая - прусский шестигрошовик Фридриха Вильгельма I 1686 г. с инициалами HS (рис. 1, 2-5).

Шестигрошовик прусского герцогства - младшая монета. По ней оба клада, когда-то, очевидно, представлявшие единое целое, могут быть датированы последним десятилетием XVII - первой половиной XVIII в.

Медные солиды Речи Посполитой 1660/1661, 1663-1666 гг. Яна Казимира, составляющие второй клад (полевой сезон 1982 г.), представлены почти полным набором известных ныне подтипов и дат, помещающихся на медных солидах (табл. 1). Все они были, по-видимому, завернуты столбиками в ткань, благодаря чему остались вместе при разрушении печи и разьединении монет первоначального сокровища (рис. 1, 1). Средний вес солидов - 1,15 г, что позволяет говорить об удовлетворительной их сохранности.

Несмотря на небольшое количество монет, комплекс медных солидов довольно представительен, процентный состав солидов мирского клада с хорошей точностью приближается к распределению монет по годам большого Прасньшского клада (РП, свыше 17 тыс. солидов)⁴, однако некоторые отличия имеются (рис. 2). В публикуемом кладе мало коронных солидов 1663 г., в комплексе такой величины можно было ожидать обнаружения трех-шести монет этого года. Среди солидов Великого княжества Литовского 1666 г. с инициалами TIV 40% с так называемой «малой монограммой», а 1665 г. представлен только разновидностями с большой монограммой подскарбия.

Основной состав комплекса отражен в табл. 1 (85 монет).

Таблица 1

Распределение медных солидов клада по годам и подтипам

Государственный герб	Инициалы арендатора	Знак ответственного за выпуск	Год	Количество	Номера по описанию
Великого княжества Литовского	TLB	К (герб Корвин)	1660	2	1-2
			1661	2	3-4
			-	2	5-6
	GFH	W (герб Венява)	1664	1	9
			1665	6	10-15
			1666	13	16-28
			-	10	29-37
	TLB	S (герб Слеповрон)	1663	2	7-8
			1666	4	38-41
	Королевства Польского	TLB	S (герб Слеповрон)	1660	4
1661				2	52-53
1663				1	54
1664				15	55-69
1665				7	70-76
			-	13	77-89
av + av	-	-	-	1	93

Приложение

IOAN°	CAS°REX°	°T°L°B°	°SOLI°MAG°DVC°LIT°°1°6°6°°/°	°/°	ОСОБЕН-НОСТИ	P	d	с.о.	Примечания
1:	2	3	4	5	6	7	8		
1	//// =CAS°REX=	////	=SOLI///G=DVC/////6=0°	=K=		1,36	16	1	
2	IOAN°	CAS°//X=	°T°L°B°	///LI/MAG/DVC°LIT=1=6=6=0=	=K=	1,12	17	10	Смещение штемелей
3	IOAN=	//////	°T°L°B=	///OLI°MAG°DVC°LIT/////6=1=	=K=	1,37	17	12	
4	IOAN°	CAS°REX=	/T°L°B=	=SOLI°MAG°DVC°LIT°1=6=6=1°	=K=	0,98	15	6	
5	IOAN°	CAS°REX=	°T/L°B=	=SOLI°MAG°DVC/LIT°1=6/////	=K=	1,60	16	6	
6	IOAN°	=C/////	°T/////	/////°MAG/DVC°LIT°1/////	=K=	1,07	16	8	Дефектный кружок
7	////	CAS°REX=	/G/F/H/	/////MAG=DVC°L/////	=W= (D-VC)	1,35	16	1	На 8х следы кон-такта с тканью
8	IOAN=	CAS°REX=	/G/F/H°	=SOLI=°MAG°DVC=LIT°1=6=6=3=	=W= (D-UC)	1,09	16	5	
9	IOAN°	CAS°REX=	°T°L°B=	=SOLI°M///DVC=LIT=1°6=6=4°	=K=	1,17	16	2	
10	IOAN°	CAS°REX=	°T°L°B=	=S/////DVC=LIT=1=6=6=5=	°K= (LIT)	1,37	16	5	
11	IOAN=	/CAS°REX=	/T/L/B°	=SO/////DVC°LIT=1=6=6=5=	←K=	1,16	16	3	
12	L////	CAS°REX=	/T°L°B°	=SOLI°MAG°DVC°LIT°1=6=6=5=	→K=	1,12	16	10	
13	IOAN*	/CAS°RE//	=T°L°//	/SOLI/MAG°DVC/LIT°1=6=6=5/	←K=	1,04	16	7	
14	////°	CAS°REX=	/T/////	///OLI°MAG°DVC°LIT°1=6=6=5=	=K=	1,02	15	12	
15	IOAN*	CAS°REX=	//////	=SOLI=MA/////C/LIT=1=6=6=5=	°K=	0,95	16	12	
16	IOAN=	//////EX=	°T°L°B=	=SOLI°MAG°DVC°L/////6/	*K=	1,24	16	1	
17	IOAN=	CAS°REX=	=T°L°B=	=SOLI°MAG°DVC°LIT/1=6=6=6=	*K=	1,19	16	6	
18	IOAN//	//////	=T°L//	/////AG°DVC=LIT=1=6=6=6/	°K=	1,04	16	6	

1	2	3	4	5	6	7	8
19	IOAN* =CAS/REX=	oT°L/B=	//OLI°MAG/DVC°LIT°1=6=6=6=	=КВ=	1,07	16	11
20	ICAN° //AS°REX=	////B°	=SOLI°M////VC/LIT°1=6=6=6=	*КВ/	0,92	15	7
21	IOAN° /CAS°REX=	oT°L°B=	=SOLI°MAG°DVC°LIT°°1=6=6=6=	°КВ° МАЛАЯ	1,15	15	7
22	IOA// =CAS/REX=	=T°L°B=	=SOLI°M////°C°LIT°°1=6=6=6=	=КВ/ МАЛАЯ	1,32	16	7
23	IOAN° =CA////////	////////	=SOLI°////////°LIT°°1=6=6=6=	=КВ= МАЛАЯ	1,29	15	3
24	IOAN/ //AS/REX=	oT°L°B=	=SO//°MAG°DVC°LIT°°1=6=6=6°	=КВ= МАЛАЯ	1,12	16	4
25	//AN° /CAS////////	////////	°SOLI°MAG////////°1=6=6=6=	=КВ= МАЛАЯ	1,35	16	4
26	IOAN/ /CA////////	с////////	°SOLI°MAG°DVC/LIT°1=6=6=6/	/КВ/	1,14	16	3
27	IOAN° //////////	SOLI//	//OLI°MAG°D////////°1=6=6=6/	/КВ/	1,24	16	8
28	//// /CA////////	=T°L°//	=SOLI°////////DVC°LIT°//6/////	°КВ°	1,05	16	4
29	/OAN= =CA////////	///L//	/SOLI°MAG°DVC°LIT°1=6/////	*КВ=	1,49	16	10
30	//// =CAS°R//	////////	///LI°M////VC=LIT°1=6=6///	°КВ°	1,17	15	2
31	//// =CA////////	////////	=SOLI°MAG°DV////////	*КВ=	1,10	15	10
32	//// =CAS°REX=	///L//	//OLI=MAG°DVC°LI////////	=КВ= (OL°I)	1,05	16	9
33	IOAN/ //////EX=	oT°//	=SOLI°MAG/DV////////	=КВ=	1,03	16	1
34	IO// /CA////////	=T°L°B°	/SOLI////////	=КВ=	0,86	17	3
35	//AN° //////////	////////	=SOLI°MAG°DVC°//	=КВ=	1,18	16	2
36	/OAN/ =CA////////	////////	=SOLI=MAG°DVC°LI////////	=КВ=	1,13	16	7
37	//// //////////	////////	////////	/КВ/ МАЛАЯ	1,03	16	12
38	/OAN= =C/S°R//	////////	/////////G=DVC=LIT°1=6=6=6=	=G= (D-VC)	1,21	16	4

Смещение штемпелей
Смещение штемпеля,
дефектный кружок
Смещение штемпелей
На в часть легенды гч
1666
Деформирована
На поле гч следы
обработки штемпеля
напильником

Дефектный кружок

39	IO///	=CAS°REX=	°G°F°H=	=SOL//////////°1=6=6=6=	=G=	(////)	1,14	16	9
40	IOAN/	////////X=	/G°F°H°	///LI°M///VC=LIТ=1=6=6=6=	°G=	(////)	0,99	16	10 Дефектный кружок
41	IOAN°	=CAS°REX=	°G°F°H/	=SOLI°MAG°DVC°LIТ°1=6=6=6=	=G=	(D-VC)	0,65	16	7
42	IOA//	=CA////////	////////	///LI°MAG=DV//////////	=КВ=	МАЛЫЯ	1,33	15	10 Подлинность вызывает сомнение
43	IOAN=	=CAS°REX=	=Т°L°B°	=SOLI/MAG°DV//IT=1=6=6//	/КВ/		1,48	17	12 " -
44	IOAN/	/CAS°REX=	=Т=L=B°	=SOLI°M//////////1=6=6=5=	=КВ=		1,07	16	3 Фальшивая
45	/OAN°	=CAS°RE//	////////	=SOLI=MA////////IT/1/6/6/6/	*КВ*		1,24	15	12 Фальшивая, "конь с длинными ногами"
46	IOA//	=CAS°REX=	=Т°L/B/	////////MAG=DVC=LIТ=1=6=6=6/	*КВ* (LIL)		1,14	15	1 " -
47	*IOAN*	=CAS°REV*	*=====	=SOLI=MAGNI=DVX=L//////////	/// (REV)		0,93	16	6 Фальшивая

IOAN° °CAS°REX° °Т°L°B° °SOLID°REGNI°(-)°POLONI°1°6°6°/° Особен-
 Ности

1: 2 : 3 : 4 : 5 : 6 : 7 : 8

48	IOAN°	=CAS°REX=	////////	=SOLID°REGNI=(I)°POLON=°1=6=6=0=			1,38	16	3
49	IOAN°	°CAS°REX=	°Т°L°B°	=SOLID°RIGNI=(I)°POLON=°1=6=6=0=	(RIGNI)		1,24	15	10 Ошибка в легенде
50	IOAN°	°CAS°REX=	°Т°L°B°	*SOLID°REGN==(N)°POLON=1=6=6=0:			1,23	16	12
51	IOAN°	/CAS°REX=	=Т°L°B°	°SOLID°REGNI=(I)°POLON=//1//0=			0,98	16	12 Дефектный кружок
52	IOAN°	/CAS°RE//	°Т°L°B=	°SOLID°REGNI°(G)°POLO=:1=6=6=1=			1,21	16	2
53	IOAN°	=CAS°REX°	°Т°L°B=	=S///D/REGN==(N)°POLONI°1=6=6=1=			1,20	17	7 Дефектный кружок
54	/OAN°	=CAS°REX=	/Т/L/B/	=SOLID°REG==°(G)°POLO==°1=6=6=3°			0,91	16	12
55	IOAN°	=CAS°REX=	/Т////////	°SOLI//EG==°(G)°POLO=:°1=6=6=4=			1,65	16	2

1	2	3	4	5	6	7	8
56	IOAN° =CAS/REX= °T°L°B°	°SOLID°REG===°(G)=POLO===°1=6=6=4=		1,40	17	10	
57	/OAN° °CAS°REX= ///B/	°SOLID°REG===(G)=POLO===°1=6=6=4=		1,26	16	11	
58	IOAN° ///S°REX° °////	/SOLID/////=(G)=POLO===°1=6=6=4/		1,24	16	6	Дефектный кружок
59	IO/// //AS°REX= °T/L/B/	°SO/////		1,24	16	7	
60	IOAN/ /CAS°REX= °T°L°B=	°SOLID///G===(G)=POLO===°1=6=6=4=		1,20	16	8	Дефектный кружок
61	IOAN° =CAS///// °T°/////	=SOLID°REG==°(G)=POLO===°1=6=6=4°		1,17	16	11	
62	IOAN° =CAS///// °T°/////	°SOLID°REG===(G)=POLO===°1=6=6=4=		1,15	16	2	
63	IOAN° =CAS°REX° °T°L/B°	°SOLID/REG==/(G)=POLO===°1=6=6=4°		1,13	16	5	
64	IOAN° =CA///// °T°L°//	/////D°REG==°(G)=POLO===°1=6=6=4/		1,11	16	7	
65	ICAN/ =CAS°REX= °T°L°B°	/////		1,07	16	11	Смещение штемпера
66	IOAN° =CAS°REX= °T°L°/°	°SOLID°REG==°(G)=POL/==/1=6=6=4° (REG)		1,12	16	3	Изношен штемпера?
67	IOAN° °CAS°REX= °T°L°B=	=SOLID°REG===(G)=POLO===°1=6=6=4=		1,01	16	11	
68	IOAN° =C///// °T°L°//	=SOLID°REG==°(G)=/OLO===°1=6=6=4°		0,92	16	12	
69	IOAN° =CAS°R/// °T°L°B°	/SOLID/REG===(G)=POLO===/////6=4=		0,78	16	1	
70	IOAN° °CAS°REX= °T°L°B/	/S/////G==°(G)=POLO===°1=6=6=5°		1,40	16	11	
71	IOAN° °CAS°REX= °T°L°B°	/SOLID/REG===(G)=POLO===°1=6=6/5/		1,37	16	6	
72	I///// /CAS°REX= °T/L/B/	/SOLID°REG===(G)=POLO===°1=6=6=5=		1,30	17	10	Деформирована
73	IOAN° /////X= °T°L°B°	=SOLID°RIG===(G)=POLO===°1=6=6=5= (RIG)		1,07	15	5	Изношен штемпера
74	IOAN= °CAS/REX=/ /T/L°B/	°SOLID°REG===(G)=POLO===°1=6=6=5=		1,04	16	4	
75	IOAN° °CAS°REX= °T°L°B°	°SOLID°REG===(G)=POLO===°1=6=6=5°		0,99	16	4	

76	IOAN/	°CAS/REX=	°T°L°B=	°SOLID°REG==/(G)/POLO==°1=6=6=5°	0,83	15	11
77	IOAN°	/CAS°REX=	/T°L°B=	/SOLID°REGNI=(I)=POLON=°1=6=6///	1,16	16	12
78	IOAN°	=CAS°RE//	°T°L°B//	/SOLID°REGNI=(G)°PO°L°B//	1,24	15	2
79	IOAN°	/CAS°REX=	/T°L°B/	/SOL°L°B//	1,22	16	7
80	IO///	/CAS°REX=	=T°L°B°	//////////	0,78	16	10
81	/OAN°	°CAS°REX=	//////////	////D°REG===(G)=POLO==°1=6=6///	1,22	15	5
82	IOAN°	=CA//////////	°T°L°B//	°SOLID°REG===(G)=POLO==°1=6=6//°	1,28	16	7
83	IOAN°	=CA//////////	//////////	////D°R/G==°(G)=POLO==°1=6////////	1,20	16	7
84	IOAN°	//////////X=	°T°L°B°	//////////G===(G)=POLO==°1////////	1,43	15	8
85	IOAN°	=CAS//////////	°T°L°B/	=SOLID°REG==/(G)=POLO==°1=6=6///	1,35	16	4
86	IOAN°	°CAS°R///	//////////	//OLID°REG===(G)=POLO==°1////////	1,14	16	6
87	IOAN°	°CAS//////////	//////////	/SOLID°REG===(G)=POL°L°B////////	1,11	16	9
88	//////	//////////	//////////	//////////EG==°(G)=POLO==°1=6=6///	1,09	15	5
89	IOAN°°	=CAS°RE//	/T°L°B//	=SOLID°RE//////////	1,23	16	11
90	IOAN=	=CAS°REX=	=T°L°B=	°S//ID°REG===(G)////O==/1=6=6=4°	0,92	16	5
91	IOAN*	/CAS°RE==	=====	*SOLID°REG/////////FOIO==1///1/// (POIO)	1,10	15	1
92	IOAN=	////////ARX=	=====	=SOLID/////////O==1=6=6=6°	0,83	15	6
93	IOAN°	//////////	//////////	°ИАОИ /ХХ/ЗАД////////	0,76	16	12

Условные обозначения описания монет:

= буква или знак интерпункции отсутствуют; / - наличие или отсутствие буквы либо знака интерпункции не может быть установлено из-за плохой сохранности монетного кружка; о - точка; P - масса монеты, г; d - диаметр, мм; с. о. - соотношение осей по «часовой» системе; () - положение геральдического знака в легенде

Кроме подлинных монет, имеются шесть фальшивых, из них с гербом Великого княжества Литовского - четыре, королевства Польского - две. Подлинность двух солидов княжества и одного королевства вызывает сомнение.

¹Профиль раскопа, в котором найден клад, опубликован: Трусов С. А., Чернявский У. М., Кравцевич А. К. Архитектурно-археологические исследования Мирского замка и городского поселка Мир Гродненской обл. // СА. 1986. N 4. С. 218. Рис. 2, IV.

²По материалам, собранным И. И. Синчуком в 1983-1987 гг., упаковка монет столбиками ("слупками"), состоявшими из монет одного номинала, бытовала в Белоруссии еще в дореволюционное время. Чаще всего для заворачивания использовался домотканый холст, реже - кожа, бумага. Среди 1300 белорусских кладов отмечено 16, о которых достоверно известно, что их монеты были завернуты в ткань. Сохранились сведения, что два клада содержали монеты "в столбиках" (информация В. Н. Рябцевича). Из находок последних лет можно отметить клад солидов прибалтийских владений Швеции из д. Спорятичи Яновского р-на Брестской обл., найденный в 1975 г. (852 монеты, столбики, глиняный сосуд; сообщение директора Пинского краеведческого музея В. М. Лытнева), клад медных солидов и тынфов Речи Посполитой 1986 г. из д. Полочаны Молодечненского р-на Минской обл. (свыше 1700 монет, столбики, холст, горшок), кладик, открытый в 1980 г. на подворье бывшей Никольской церкви в г. Могилеве Археологической экспедицией специальных научно-реставрационных производственных мастерских под руководством И. М. Чернявского (11 медных солидов, столбик), находку клада трехгрошовиков, полторагрошовиков и медных солидов Речи Посполитой, российских серебрянных копеек Петра I в 1985 г. в д. Строчицы Минского р-на (около 200 экз., столбики), клад солидов Речи Посполитой и прибалтийских владений Швеции из д. Балашевичи Глусского р-на Могилевской обл., обнаруженный в 1984 г. (около 300 монет, столбики), кладик медных солидов Речи Посполитой, выявленный в 1986 г. в гор. пос. Любча Гродненской обл. Вероятно, подобный способ упаковки монет не является исключительной особенностью бывших земель Речи Посполитой периода позднего феодализма. Например, известна находка дирхемов на территории РСФСР, которые были уложены столбиками (Фомин А. Ищем клады // Сов. музей. 1988. N 1. С. 49).

³Векслер А., Мельников А. Московские клады. М., 1973. С. 240. N 205. По этнографическим данным в Белоруссии в конце XIX - начале XX в. широко отмечается сокрытие денежных сбережений в печном корпусе и под печью (записи И. И. Синчука 1983 - 1985 гг.).

⁴Niemirycz W. Skarb boratynek z Przasnysza // Wiadomosci numizmatyczne. 1973. v. z. 2. S. 106.

ХРОНИКА

Т. В. Сергина

РАБОТА ОТДЕЛА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИА АН СССР
В 1987-1989 гг.

В отчетный период работа проводилась по следующим основным проблемам: этногенез и этническая история славян и соседних народов; генезис и развитие феодализма на Руси и в соседних землях; древнерусская культура - формирование и развитие, местные черты и общие закономерности; история и культура древнерусских городов.

В настоящее время отдел является крупнейшим научным подразделением ИА АН СССР. В 1989 г. в нем выделен сектор археологии Москвы, который возглавил С.З.Чернов. Сотрудники сектора (Л.А.Беляев, И.А.Бойцов, Н.А.Кренке, Т.И.Макарова, Г.А.Павлович, А.А.Юшко) заняты разработкой тем по различным эпохам археологии как собственно Москвы, так и ее окрестностей.

В 1987-1988 гг. сотрудники отдела завершили разработку следующих плановых тем:

А.А.Юшко «Феодальное землевладение Московской земли XIV в.»; А.А.Медынцева «Надписи на произведениях прикладного искусства Древней Руси»; М.Д.Полубояринова «Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды»; С.С.Ширинский «Курганы X-XI вв. Смоленщины»; П.Г.Гайдуков «Нутный раскоп древнего Новгорода». В 1989 г. представили отделу плановые темы: Н.А.Макаров «Восточноевропейский импорт XI-XIII вв. на севере Фенноскандии»; С.З.Чернов «Комплексное исследование русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежа)»; А.М.Обломский «Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв.»; В.С.Флеров «Маяцкий могильник (итоги исследования в 1975, 1977-1982 гг.)»; В.А.Буров «Жаровский конец Жабенской волости Новгородской земли X-XIV вв. (к происхождению кончанской структуры древнего Новгорода)».

В отчетный период состоялось 15 заседаний теоретического семинара отдела, на которых заслушаны и обсуждены доклады: Г.К.Вагнера «У истоков духовной культуры Киевской Руси»; В.И.Гуляева «Иерархия общинных структур в раннеклассовом обществе и ее археологическое отражение»; А.В.Чернецова «О двоеверии»; А.А.Медынцевой «Филосовские и религиозные течения в русском христианстве XI в.»; В.П.Даркевича «О разных моделях средневековой культуры»; С.З.Чернова «Исторический ландшафт Радонежа (происхождение и семантика)»;

И. Л. Кызласова «Археологические памятники Сибири как источник для реконструкции религиозных представлений»; Б. А. Тимошука «Княжеские (государственные) крепости X-XI вв.»; С. А. Плетневой «Этносоциальное деление кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи»; Л. В. Алексеева «Княжеский город и волость в западно-русских землях X-XII вв.»; В. С. Флерова «Имущественное «неравенство» в салтово-маяцкой культуре»; В. А. Бурова «Сотни древнего Новгорода»; А. Е. Леонтьева «Этнические оределения в археологии (на материалах Северо-Восточной Руси)»; В. П. Даркевича «Грунтовый могильник Старой Рязани»; Ю. Ю. Моргунова «О функциональном назначении городищ Юго-Восточной Руси».

На теоретическом семинаре Института с докладом «Восточноевропейское язычество. Перспективы изучения» выступил А. В. Чернецов.

Сотрудники отдела вели интенсивные полевые исследования.

Владими́ро-Суздальская экспедиция, руководимая М. В. Седовой, в составе нескольких отрядов проводила большие работы на северо-востоке Древней Руси. В экспедиции участвовала М. А. Сабурова.

Болгарский отряд Поволжской экспедиции (нач. М. Д. Полубояринова) продолжал раскопки древнего города.

Верхнеднепровская экспедиция (нач. С. С. Ширинский) раскапывала курганы IX-X вв. Смоленщины.

Балтийская экспедиция (нач. В. И. Кулаков) исследовала древности пруссов в Калининградской обл.

Волго-Окская экспедиция (нач. А. Е. Леонтьев) провела большие работы на новостройках Калининской обл., а также продолжила исследование древнего Ростова.

Вяземская экспедиция (нач. Т. В. Сергина) начала изучение одного из древнейших городов Смоленщины и его округа.

Московская экспедиция (нач. С. З. Чернов) проводила охранные раскопки в центре Москвы на территории Монетного двора, Красной площади, Китай-города, а также в Занеглименье. Выявлен культурный слой Москвы XIII-XVII вв., получены важные данные по исторической топографии города и богатая вещевая коллекция.

Новгородская экспедиция (зам. нач. П. Г. Гайдуков): на Троицких раскопках продолжалось исследование средневекового Новгорода большими площадями. Получена новая серия берестяных грамот, разнообразная вещевая коллекция.

Деревский отряд (нач. В. А. Буров) обследовал памятники сельского расселения в одной из волостей древнего Новгорода.

Онежско-Сухонская экспедиция (нач. Н. А. Макаров) изучала памятники, связанные с древнейшей славянской колонизацией Севера.

Белгородская раннеславянская экспедиция (нач. А. М. Обломский) работала на территории Белгородской, Курской и Сумской обл. на памятниках позднезарубинецкой, киевской и черняховской культур. А. М. Обломский принимал также участие в работе двух польских экспедиций: на памятнике позднеримского времени под Краковом и памятнике пшеворской культуры позднелатенского периода под Полоцком.

Белгородский Черняховский отряд (нач. А. В. Кропоткин) исследовал памятники черняховского времени на водоразделе Днепра и Дона. В 1989 г. А. В. Кропоткин руководил также Чукотской экспедицией, раскапывавшей Эквенский могильник.

Прикарпатская экспедиция (нач. Б. А. Тимошук, зам. нач. И. П. Русанова) вела раскопки городищ-святилищ на р. Збруч. Открыты жертвенные помещения, в одном из которых находился каменный идол.

Саяно-Алтайская экспедиция под руководством И. Л. Кызласова обследовала памятники раннегородской культуры Южной Сибири и

Древнехакасского государства.

Советско-Болгарская экспедиция (нач. В. С. Флеров) возобновила работы на правобережном Цимлянском городище и проводила исследование синхронных ему памятников в Болгарии.

Старорусская экспедиция (нач. В. Г. Миронова) продолжала раскопки древнейшего города Новгородской земли.

Шпицбергенская экспедиция (нач. В. Ф. Старков) изучала открытые на архипелаге памятники русского арктического мореплавания.

В 1987-1989 гг. проведено 75 заседаний отдела, на которых заслушано 87 докладов, сообщений и ежегодных отчетов его сотрудников и аспирантов, а также докладов сотрудников других подразделений Института (19) и различных научных учреждений (33).

В отчетный период сотрудники отдела принимали активное участие в работе различных конференций, совещаний, симпозиумов.

В. П. Даркевич принимал участие в совещании по «Ранней истории Европы» (Берлин), конференциях «750-летие исторической обороны Рязани» (Рязань), «Рязанская земля. История, памятники, люди» (Москва).

В. Ф. Старков, Н. А. Макаров сделали доклады на советско-финляндском симпозиуме (Хельсинки), А. М. Обломский - на советско-польском симпозиуме (Киев).

И. П. Русанова участвовала в составлении плана совместных работ ИА АН СССР и Польского ИИМК на 1989-1995 гг., а В. Ф. Старков - в подготовке проекта договора между АН СССР и Гос. музеем Нидерландов о сотрудничестве на 1988-1992 гг. В. Ф. Старков был также участником международных совещаний археологов, работающих на Шпицбергене (Баренбург и Лонгиербюене), и советско-нидерландского совещания «Из истории русско-голландских отношений. XVI - начало XIX в.» (Амстердам), прочел доклады на X Уральском археологическом совещании (Пермь) и на Конференции приарктических государств (Ленинград).

Л. В. Алексеев выступил на конференции по краеведению Белоруссии (Гродно) и на юбилейном заседании, посвященном памяти выдающегося белорусского историка Н. Н. Улащика (Москва).

З. М. Сергеева и В. А. Буров участвовали в работе конференции «История и археология Пскова и Псковской земли».

А. В. Кропоткин и А. М. Обломский делали доклады на конференции «Культура киевского типа, ее предшественники и наследие» (Курск) и на Тихановских чтениях (Ленинград).

А. Е. Леонтьев и Р. Ф. Воронина участвовали в конференции в ГИМе, посвященной юбилею А. П. Смирнова. Р. Ф. Воронина, С. З. Чернов, А. Е. Леонтьев выступили с докладами на конференции «Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР» (Суздаль); А. Е. Леонтьев - на конференции «Проблемы архитектурной археологии и охрана окружающего слоя» (Ярославль).

Т. И. Макарова прочитала доклады на конференциях в музеях Кремля и в музее А. Рублева.

А. В. Чернецов участвовал в конференции «Роль религий в истории» (Москва) и в международной конференции «От Рима к третьему Риму» (Москва).

С. А. Плетнева, И. Л. Кызласов, В. С. Флеров выступили с докладами на конференции памяти М. И. Артамонова (Ленинград). И. Л. Кызласов председательствовал на секции ВАСК (МГУ), а В. С. Флеров участвовал в конференциях «Ранние болгары в Восточной Европе», VI Донской конференции (Ростов-на-Дону), «Исследование и охрана памятников археологии в Донбассе» (Донецк), «Методы естественных наук в археологии» (МГУ).

На юбилейной сессии института выступили С. А. Плетнева и

М. В. Седова. С. А. Плетнева участвовала также в работе международного симпозиума по культуре болгар, хазар и славян (София), а М. В. Седова - в Воронинских чтениях (Владимир).

А. В. Чернецов и М. В. Седова выступили с докладами на конференции «Древнерусское язычество и его традиции» (Псков).

А. А. Юшко принимала участие в работе конференции Звенигородского музея, а Н. А. Макаров, В. А. Буров, В. Г. Миронова, П. Г. Гайдуков в конференции «Археология Новгорода и Новгородской земли» (Новгород).

И. В. Исланова, П. Г. Гайдуков (в соавторстве с П. Д. Малыгиным), И. А. Бойцов, С. З. Чернов, С. А. Плетнева, М. Д. Полубояринова, Т. В. Равдина, Т. В. Сергина выступили с докладами на Всесоюзной конференции «Древнерусская керамика» (Москва).

А. А. Медынцева участвовала в историко-археологическом семинаре в Чернигове, Славистических чтениях (НРБ), в конференции «Дни славянской письменности» (Киев), в Колчинских чтениях (МГУ), выступила с докладом на секторе средневековой археологии и эпиграфики в ИА БАН (София).

Б. А. Тимошук выступил на VII Подольской краеведческой конференции (Каменец-Подольский) и на черепнинских чтениях (Кишинев).

В 1987-1989 гг. вышли пять монографий, написанных сотрудниками отдела: Г. К. Вагнер «Канон и стиль в древнерусском искусстве» (М., 1987); Т. Н. Никольская «Городище Слободка XII-XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей» (М., 1987); В. П. Даркевич «Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX-XVI вв.» (М., 1988); С. А. Плетнева «На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс» (1989); А. В. Куза «Малые города Древней Руси» (М., 1989).

Выпущены в свет сборники трудов Владимиро-Суздальской экспедиции «Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на северо-востоке Руси)» (отв. ред. М. В. Седова. М., 1988) и Волго-Окской экспедиции «Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья» (отв. ред. А. К. Леонтьев. М., 1989). Вышел первый сборник теоретических работ сотрудников отдела «Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья» (отв. ред. С. А. Плетнева. М., 1988).

Опубликован очередной том «Археологии СССР» - «финно-угры и балты в эпоху средневековья» (отв. ред. В. В. Седов. М., 1987), среди авторов - В. В. Седов, Р. Л. Розенфельдт, Л. А. Голубева.

А. В. Чернецов редактировал зарубежное издание монографии Б. А. Колчина «Деревянные изделия средневекового Новгорода» (в 2 т.). Оксфорд, 1989).

В 1988 г. сдана на депонирование в ИНИОН рукопись Э. М. Сергеевой «Западнорусские земли и Юго-Восточная Прибалтика в X-XIII вв.» Монография посвящена изучению культурно-экономических связей двух важных восточноевропейских регионов, построена на материалах публикаций музеев, архивов, а также распок автора. На основе типологического анализа, систематизации, картирования находок, вещей древнерусских типов на территории Латвии и Литвы и вещей прибалтийских типов на западнорусских землях намечены основные пути, по которым осуществлялись взаимные контакты, и этапы развития этих связей, показана роль каждого региона и способы ее осуществления.

В 1987-1989 гг. на заседаниях отдела обсуждено пять докторских диссертаций (А. В. Чернецова, Э. Ю. Тыниссона, В. А. Иванова, А. А. Медынцевой, И. Л. Кызласова) и 12 кандидатских (В. В. Жулкуса, Т. Б. Шикаевой, А. Р. Артемьева, И. В. Ислановой, Е. Н. Симоновой, Н. А. Лобанова, Н. А. Фоняковой, И. С. Манюхина, В. Е. Войтова, С. В. Данилова, Б. Б. Дашибалова, Е. Н. Армарчук). В 1988 г. защитили

докторские диссертации Т. И. Макарова и А. В. Чернецов.

Сотрудники отдела вели активную работу по пропаганде научных знаний, выступали с докладами перед участниками экспедиций, сотрудниками местных музеев, по радио и телевидению, консультировали кинофильмы, публиковали статьи в периодической печати.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия
АС	- Археологический съезд
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ГАИМК	- Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	- Государственный исторический музей
ИА	- Институт археологии АН СССР
ИА УССР	- Институт археологии АН Украинской ССР
ИАК	- Известия Археологической комиссии
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ	- Ленинградский Государственный университет
ЛОИА	- Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР	- Материалы по археологии России
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	- Отчет Археологической комиссии
ПЛ	- Псковские летописи. М. ; Л.
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СЭ	- Советская этнография
Тр. ГИМ	- Труды Государственного исторического музея
ФЭ	- Фонд экспедиций
Учен. зап.	- Ученые записки
ESA	- Eurasia septentrionalis antiqua

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Рябинин Е. А.</i> Характер межэтнических контактов на севере Руси (Современное состояние проблемы).....	3
<i>Макаров Н. А.</i> К оценке христианизации древнерусской деревни в XI-XIII вв. (Погребения с крестами и обрезками в могильниках Белозерья и Каргополья)....	11
<i>Харлашов В. Н.</i> Псковские губы (К вопросу о происхождении)...	21
<i>Массалитина Г. А.</i> Мощинский клад.....	29

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Моргунов Ю. Ю.</i> Летописный город Кснятин и его некрополь на Суле.....	38
<i>Гуревич Э. Д.</i> О планировке и застройке древнего Новогрудка.	45
<i>Фоняков Д. Н.</i> Изделия из стекла и фаянса в древнем Торопце..	52
<i>Петренко В. П.</i> Исследование Ивангорода.....	61
<i>Кубратов А. В.</i> Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (По раскопкам 1980-1986 гг.).....	71
<i>Шорин М. В.</i> Вопросы классификации и датировки культовых камней (По материалам Новгородской обл.).....	77
<i>Петренко В. П.</i> Званская сопка.....	83
<i>Уткин А. В.</i> Курганный могильник близ д. Кнутихи на р. Уводь...	93
<i>Модестов Э. Э.</i> Маркатушинские курганы под Смоленском.....	101
<i>Гусева О. Г.</i> Никольский собор в Новой Ладогe - памятник новгородского зодчества XVI в.	106
<i>Трусов О. А.</i> Большемерный кирпич XIII-XVII вв. на территории Белоруссии.....	111
<i>Кравцевич А. К., Синчук И. Н.</i> Клады монет из городского поселка Мир Гродненской обл. (Белоруссия).....	117

ХРОНИКА

<i>Сергина Т. В.</i> Работа отдела славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1987-1989 гг.	127
Список сокращений.....	132

Научное издание

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

КСИА. Вып. 205

Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР

Заведующая редакцией *Л. С. Кручинина*
Редактор издательства *Е. А. Сенькив*
Художественный редактор *И. Д. Богачев*
Технический редактор *Т. В. Фараонова*

ИБ N 47663

Подписано к печати 21. 11. 91

Формат 70x100/16. Бумага книжно-журн. Печать офсетная
Усл. печ. л. 11, 1. Усл. кр. - отт. 11, 4. уч. - изд. л. 11, 1
Тираж 1350 экз. Тип. зак. 1640. Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12